

Foreign &
Commonwealth
Office

სამართავი სტრატეგიისა და საერთაშორისო ურთიერთობათა კვლევის ფონდი
GEORGIAN FOUNDATION FOR STRATEGIC AND INTERNATIONAL STUDIES

В поисках путей нормализации Российско-Грузинских отношений

В поисках путей нормализации Российско-Грузинских отношений

Подготовка данной публикации стала возможной благодаря финансовой поддержке со стороны Фонда Великобритании по предотвращению конфликтов.

КООРДИНАТОР ПРОЕКТА: КАХА ГОГОЛАШВИЛИ

АССИСТЕНТ ПРОЕКТА: КЕТЕВАН ЭМУХВАРИ

РЕДАКТОР: МАРИЯ МИРИАНАШВИЛИ

Тираж: 100

Содержание представленных документов является ответственностью Грузинского фонда стратегических и международных исследований. Мнения, высказанные в данном издании, могут не совпадать с позицией правительства Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

© 2014 Грузинский фонд стратегических и международных исследований

ISBN 978-9941-0-6584-2

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ГРУЗИНО-РОССИЙСКИЙ ДИАЛОГ НА УРОВНЕ ЭКСПЕРТОВ: К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ, ЧЕГО ОЖИДАТЬ?

Каха Гоголашвили.....5

СРЕДА МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ГРУЗИИ

Ольга Воркунова.....7

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шорена Лордкипанидзе.....17

ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Александр Крылов.....25

ГРУЗИЯ И РОССИЯ – В ПОИСКАХ НОВОЙ ПОВЕСТКИ

Тенгиз Пхаладзе.....31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Дина Малышева.....37

ПОЛИТИКА ПЕРЕЗАГРУЗКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ГРУЗИЮ

Торнике Шарашенидзе.....45

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» ПОСЛЕ САММИТА ЕС В ВИЛЬНЮСЕ

Алла Язькова.....51

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРУЗИИ И РОССИИ

Владимир Папава.....57

СОЧИ-2014: ДО И ПОСЛЕ

Ивлиан Хаиндрава.....65

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ДИНАМИКА, РОССИЯ И ГРУЗИЯ

Иван Сухов.....73

СОГЛАСНЫ, ЧТО НЕ МОЖЕМ ПРИЙТИ К СОГЛАСИЮ! ПОЗИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУС-НЕЙТРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГРУЗИЕЙ

Серги Капанадзе.....81

СПОРНЫЕ ТЕМЫ И ВОПРОСЫ СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Вадим Муханов.....89

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ГРУЗИНО-РОССИЙСКИЙ ДИАЛОГ НА УРОВНЕ ЭКСПЕРТОВ: К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ, ЧЕГО ОЖИДАТЬ?

Часто конфликт между странами ставится в вину правительствам. Однако правительства меняются, а конфликты остаются. Может быть, причина конфликтов в различиях в традициях и мировоззрении? В таком случае, возможно, углубление интеграции в мире и на континенте, доступность информации, культурная диффузия и связи между людьми пошатнут противоречивым толкованиям одних и тех же явлений? Но на это нужны десятилетия. Конечно, возникновение конфликтов между странами и их продолжительность в большей степени обусловлены и различиями в государственных интересах. Вероятно, грузино-российский конфликт является результатом всех вышеперечисленных причин, поэтому при его изучении необходимо взглянуть на предмет с разных перспектив, изучить общественные силы друг друга и их настроения, интересы, ожидания. В любом случае конфликт, возможно, естественное, но весьма нежелательное явление и необходимо пытаться его разрешить. В первую очередь сглаживание любого конфликта и, если угодно, его урегулирование, возможно в случае осознания конфликтующими сторонами их общих интересов. Если таких интересов не существует или их не удалось выявить, необходимо их создавать, искать, исследовать, апробировать, рассматривать и выстраивать. Конечно, такие рассуждения представляют собой конструктивистский подход, который в сегодняшних условиях, когда на первый план, к сожалению, выходит силовая политика, имеет мало шансов на адекватный ответ со стороны тех, кто принимает решения. Но наша работа была предназначена не только для того, чтобы повлиять на политиков. Когда двадцать экспертов несколько раз встречаются друг с другом, в несколько раз повышается и степень их взаимного доверия. Главное не то, разделяют ли они позиции друг друга, а скорее то, что они убеждаются в искренности взглядов друг друга, раскрывают и доверяют друг другу скрытые мотивы, которые и на уровне общественного сознания и государственной политики могут являться истинными причинами разногласия. Это чрезвычайно важно, но, возможно, и не это главное. Тот факт, что эксперты расширяют собственные знания, а затем делятся приобретенными знаниями с обществом, учитывая эффект приумножения и влияния на отношения в целом, и является основной пользой, которую мы получаем в обмен на затраченные ресурсы и усилия.

Второй, не менее важный результат такой работы – конструирование моделей будущих новых отношений с опорой на полученные знания и выявленные интересы конфликтующих сторон, сравнение и апробирование этих моделей в ходе интеллектуальных дебатов. Это более сложная и амбициозная, но выполнимая задача. Так же как строительство здания невозможно без разработки проекта и его всесторонней проверки, невозможно разрешить конфликт без поиска или конструирования моделей урегулирования. На этом этапе мы удовлетворились поиском совпадений в некоторых аспектах наших внутривластных и внешнеполитических интересов, что создаст основу для дальнейшего миростроительства.

В течение года реализация нашего проекта «Грузино-российский диалог» проходила при поддержке британского правительства. С обеих сторон в дискуссиях участвовали хорошо известные в своих странах и за их пределами эксперты, чьи имена указаны в перечне авторов данного сборника. Большинство из них уже были знакомы друг с другом после аналогичных проектов, осуществленных в предыдущие годы. В рамках проекта прошло три встречи, в том числе две встречи в Стамбуле и одна в Тбилиси.

Встречи не ставили целью выяснить, кто или что довело две страны до такого кризиса в отношениях. Ясно, что в Грузии и в России это оценивают по-разному и переубедить друг друга, пусть даже используя серьезные аргументы, – невыполнимая задача. Это означает, что между позициями наших двух стран и проживающих в них людей существуют серьезные различия. Я имею в виду различные взгляды на обстоятельства, которые подвели наши страны к вооруженному конфликту и из-за которых вооруженные силы одного государства до сих пор не покинули часть территории второго государства, находящуюся в пределах его международно-признанных границ. Возможно, имеют место и более глубокие, фундаментальные различия, которые влияют на совместимость общественно-политического строя, систем ценностей, а также позиций и приоритетов внешней политики наших двух стран. Не эти ли различия питают конфликтную среду между нашими двумя странами? Являются ли эти различия действительно непреодолимыми? Насколько стабильны и устойчивы эти различия? От всего этого, конечно, в значительной степени зависит перспектива урегулирования конфликта, однако к данному вопросу можно подойти и с другой стороны и задаться следующими вопросами: Какие факторы и обстоятельства могут сбалансировать эти различия? Есть ли вопросы, в отношении которых наше видение и интересы совпадают? Есть ли сферы, в которых мы можем сотрудничать и тем самым оказаться полезными друг для друга? Возможно ли, чтобы эти интересы сбалансировали наши противоречия?

Если мы положительно ответим на эти вопросы, то и преодоление взаимного недоверия и противоречий также станет возможным.

Размышление в этом направлении подводит нас к двум основным подходам:

- исследовать собственное общество и страну, больше делиться между собой знаниями, реальными проблемами и стремлениями друг друга;
- найти точки соприкосновения – области, в которых интересы подталкивают нас к сотрудничеству и, как минимум, снизить степень отчуждения и враждебности.

Данный сборник, работа над которым шла параллельно с вышеупомянутыми дискуссиями, состоит из статей грузинских и российских экспертов и документов общественной политики. В сборнике представлено двенадцать статей, шесть из которых можно попарно представить как «параллельные труды». К таким работам принадлежат статьи Ольги Воркуновой и Шорены Лордкипанидзе, содержащие структурный анализ общественных сил в России и Грузии, соответственно, с характеристикой их роли в миростроении. Александр Крылов и Тенгиз Пхаладзе проанализировали возможности для нормализации отношений между двумя странами и определили направления и пределы этих возможностей. Дина Малышева в своей работе рассмотрела роль международных игроков в отношениях между Россией и Грузией, а Торнике Шарашенидзе в этом же направлении проанализировал конкретно влияние неоднозначных отношений между Россией и США на грузино-российские отношения.

Остальные шесть работ можно отнести к так называемой «свободной теме». В них рассматриваются совершенно независимые друг от друга вопросы, однако все эти статьи заостряют внимание на актуальных аспектах в контексте грузино-российских взаимоотношений. В документе, представленном Аллой Языковой, рассматривается развитие Восточного партнерства Европейского союза после Вильнюсского саммита и новые вызовы грузино-российским отношениям в этом контексте. В труде Владимира Папава представлен сравнительный анализ моделей экономического развития России и Грузии, который покажет нам не только сходства и различия, но и аналогичные ошибки, допущенные обеими странами. Составленный Ивлианом Хаиндрава документ посвящен «пост-сочинским» реалиям и угрозам. Множество изложенных в этом труде идей по-прежнему актуально, несмотря на развитие событий по столь неожиданному и драматическому сценарию. Иван Сухов описал феномен сокращения русского общественного пространства на Северном Кавказе и в качестве частного заключения высказал мысль о возможном распространении существующей там практики в Южной Осетии и Абхазии. Серги Капанадзе, который приобрел большой практический опыт на официальных переговорах в Женеве, попытался в своем документе представить подход, по его мнению, имеющий системное преимущество в переговорах между Грузией и Россией. Наконец, Вадим Муханов, критически оценив противоречивую интерпретацию фактов исторической наукой обеих стран, предлагает идею создания межгосударственной комиссии по установлению исторических фактов.

Надеюсь, данный сборник заинтересует как политиков и государственных деятелей, так и широкий круг экспертов, международных организаций, исследователей и практиков интересующихся проблематикой грузино-российских отношений.

В конце хотел бы с благодарностью отметить значительную поддержку правительства и министерства иностранных дел Великобритании, оказываемую проектам, направленным на достижение мира и урегулирование конфликтов в мире, в том числе и в нашем регионе. Хотел бы также особо отметить сотрудников британского посольства в Грузии, с которыми в течение всего проекта было легко и интересно сотрудничать.

Невозможно не отметить заслуги Андрея Рябова, который собрал команду российских экспертов и оказал огромную помощь в выполнении задач проекта.

Хочу также поблагодарить Кетеван Эмухвари и других сотрудников Грузинского фонда стратегических и международных исследований, которые добросовестно выполняли возложенные на них в рамках проекта обязанности.

И, конечно же, благодарю всех грузинских и российских экспертов, участников проекта, которые в течение всего этого времени демонстрировали высокие моральные качества, профессионализм и добрую волю.

Каха Гоголашвили
Координатор проекта

СРЕДА МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ГРУЗИИ

Ольга Воркунова

*кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник ИМЭМО РАН*

Особенности политико-правовых, социо-экономических структур в процессе миростроительства в России и Грузии

Важнейшим условием формирования среды, способствующей миростроительству и постконфликтному урегулированию, является наличие структуры равных возможностей, инфраструктуры отношений, сглаживающей водоразделы между классами, этносами, расами, поколениями, полами, не допускающей исключения и преследование по признакам расы, этноса, пола, возраста.

Миростроительство относится к доконфликтной или послеконфликтной стадии развития. Оно нацелено на мирную эволюцию и бывает успешным при правильной постановке диагноза, предупредительного прогнозирования угрозы сползания к дестабилизации и выборе эффективных мер в качестве рекомендаций.

Понимание природы трансформации социально-классовой структуры России упирается в проблему соотношения собственности, власти и управления. В той или иной стране и на разных этапах развития государственной олигархии баланс данных трех факторов, формирующих ее как специфическую общность, различен. В этом треугольнике примат принадлежит собственности, если под ней понимать не волевое юридическое отношение, а совокупность общественных производственных отношений. При таком подходе государственная олигархия выступает не только в качестве носителя власти и управления, не только как пользователь, владелец или распределитель бюджетных средств, но в первую очередь как персонификатор производственных отношений госуклада. Она стоит в центре отношений собственности по поводу всех материальных ресурсов и всеобщих условий производства, находящихся или поступающих в распоряжение государства. Поэтому в состав государственной олигархии входят как управляющие собственно производственных подразделений госсектора, так и высшие политико-административные группы.

Вместе с тем трансформация собственности на средства производства не решила важнейшую задачу формирования массового среднего класса, свободного рынка, свободных персонифицированных собственников.

Если попытаться дать общую формулу социальных сдвигов в России и Грузии, то, очевидно, она сведется к резкому увеличению уровня социальной дифференциации. При этом наблюдается явная тенденция к поляризации общества.

Расслоение общества в ходе постсоветского формационного развития, хотя оно и имеет объективные основы, не носит, однако, целиком стихийный характер. Механизм, определяющий выбор альтернативы и ее варианта, чрезвычайно сложен; он включает не только объективные, но и субъективные моменты. Субъектами социальной ориентации выступают те общественные круги, которые своей деятельностью, в первую очередь политической, в противоборстве с иными силами реализуют тот или иной выбор – альтернативу, ее вариант либо сопутствующие формы. Роль субъектов могут выполнять различные социальные группы и институты – государство, партии, армия, церковь, а также политические движения, общественные организации. Нередко субъектами становятся и неформальные общности, в частности, группы, базирующиеся на личных отношениях (например, одноклассники, однокурсники и т.д.). Эти субъекты существенно различаются по численности, генезису, внутренней структуре и месту в общественных отношениях.

Наибольшими шансами обладают те субъекты социальной ориентации, кто непосредственно связан с жизненно важными атрибутами общества – может захватить и выполнять общественные функции, выразить действительные (или принимаемые за таковые) общественные интересы и потребности, управлять общественным сознанием. Чем эффективнее тот или иной социальный агент может реализовать все это на практике, тем больше у него возможностей стать субъектом социальной ориентации, принять активное участие в определении и выборе путей развития.

Субъекты социальной ориентации, как правило, обладают расслоенной и иерархизированной структурой. Расслоение обычно принимает вид разделения на верхушку (лидеры) и более широкую базу организации, а также своеобразной специализации внутри самой вер-

хушки на идеологов, организаторов, манипуляторов рычагами силы и власти, культурными символами и т.д. Иерархичность структуры обусловлена необходимостью организации социально-политических сил, мобилизации массовых слоев, поддерживающих данных субъектов.

Таким образом, структура субъектов определяется двойной логикой – их классовой принадлежностью, с одной стороны, и их ролью лидеров по поводу выбора путей развития, с другой.

В определенных обстоятельствах проблема выбора связана с индивидуальными ценностными ориентациями, принципами деятельности и поведения субъектов социальной ориентации, в том числе как носителей радикальных тенденций. Социальная ориентация представляет результат вероятностный и связана с неравномерностью общественно-психологического развития различных классов и слоев общества, что в определенной мере объясняет и отмеченную выше неустойчивость альтернатив. Отсутствие демократических традиций вкупе с достаточно абстрактным символом независимости породили феномен радикальной оппозиции.

По мере становления социально-классовых структур современного типа усиливается зависимость ориентации от исхода борьбы за власть и интересов социальной группы, одержавшей в ней победу. Однако даже в тех ситуациях, когда принятая ориентация объективно отвечает интересам широких слоев населения, социальная поддержка отнюдь не достигается автоматически. Массы могут оставаться еще пассивными или, пробуждаясь к политике, пойти за радикальными силами. Многое в этот период зависит от того, как социальные субъекты, определившие ориентацию, строят свои отношения с массами.

Например, в 90–е годы ситуация альтернативного выбора в России вряд ли существовала. Баланс социально-классовых сил в то время исключал какую-либо действительную альтернативу политическому курсу. В то же время в 2011 - 2013 гг. в России был налицо конфликт четко проявившихся вариантов развития.

В конкретных исторических условиях выбор вариантов может подводить участников событий к выбору альтернатив. Так было, по-видимому, в Грузии в 2003-2004 годах. Баланс социально-классовых сил не был безоговорочно выгоден для социальных носителей коллективного «начала». Их опора была крайне разноликой, включала помимо силовых структур, топ-менеджеров, чиновников городские низы и бедные средние слои, и часть традиционной интеллигенции. Представления об альтернативных путях развития у социальных субъектов, обладавших такой массовой базой, были крайне расплывчаты и формировались лишь в ходе конфликтного противостояния и после него.

Однако реальный исторический процесс в России и в меньшей степени в Грузии шел таким образом, что ориентации (альтернатива и ее варианты) усваивались или изменялись без серьезной борьбы внутри страны и без столкновения противостоящих коалиций, более или менее соизмеримых друг с другом по силе. Более того, движение от директивно-бюрократического планирования к либеральной альтернативе нередко начиналось без каких-либо четких политических решений и программ, силой инерции, заданной в постсоветский период и подкрепленной воздействием глобального мирового хозяйства. Представления о путях развития, со временем вырабатываемые субъектами либеральной альтернативы, колебались в довольно широком идеологическом спектре, а политическая стратегия далеко не всегда была последовательной и целеустремленной.

Процесс демонтажа социального государства также начинался с чисто прагматических акций. Но далее он неизбежно должен был смениться последовательной программной ориентацией, ибо альтернатива не может развиваться стихийно. Напротив, устойчивость прагматической ориентации существенно препятствует реализации новой социально-экономической альтернативы в условиях обострения социальных конфликтов и мирового финансово-экономического кризиса 2008-2013 годах.

Закрепление путей развития требует расширения связей верхушечных субъектов с их социальной базой. В этой ситуации и создается система формальных и неформальных институтов, цель которой заключается в том, чтобы обеспечить элитарным группам возможность манипулировать политической активностью масс. Социально-классовые структуры не только слабо интегрированы, но и глубоко дифференцированы на верхушечные группы («элиты») и массовые слои, социальная инертность которых пока очень велика. Поэтому автономия «верхов» в России куда более значительна, нежели на Западе.

Нынешние альтернативы развития еще не обрели устойчивости, а там, где сохраняется значительная автономия элитарных субъектов в выборе, довольно вероятна их обратимость. Интересы верхушечного субъекта расходятся с интересами общественного развития в целом.

Это приводит к нагнетанию социальной напряженности и вероятности возникновения конфликтов с применением насилия.

Интересной модификацией верхушечных субъектов является так называемая высокодоходная группа элиты, включающая финансовых спекулянтов, государственную олигархию, паразитирующую на национальных сырьевых ресурсах, раскрученных маркетологами звезды шоу-бизнеса, технократическая буржуазия, воплощающая функционирование государственных служащих как совокупного предпринимателя. В предпринимателе-бюрократе соединены признаки класса и вторичного социального слоя, выполняющего управленческо-административную функцию. Доход действует в качестве классообразующего фактора, когда накопление нетрудовых и трудовых доходов открывает доступ к контролю над средствами производства. Такой доступ может реализовываться и прямо и косвенно через власть или управление. Обычно группы с высоким уровнем дохода трансформируются в верхушечные классовые образования. Это означает сохранение прежнего консервативного типа эволюции и препятствует широкому и свободному становлению современных классов, в частности, на основе вертикальной мобильности.

Вместе с тем доход выступает как важнейший фактор классовой дифференциации и социального неравенства в целом. На основе растущей социальной неоднородности труда образуются высокие доходы у части служащих, специалистов, наиболее квалифицированных рабочих и пр. Размеры доходов, а с ними и глубина неравенства увеличиваются по мере того, как оплата труда этих работников постепенно подтягивается к ставкам соответствующих групп в преуспевающих странах. Кроме того, неравенство в доходе отражает и неодинаковое воздействие потребностей на участие в системе производства и распределения. Под воздействием демонстрационного эффекта потребности по-разному складываются у тех или иных социальных групп. Неравенство в доходах представляет конечный итог действия большого набора факторов – и экономических и неэкономических; оно выступает как один из итоговых видов социального неравенства.

Однако неравенство в распределении доходов носит в России всеобъемлющий характер; оно не только выражает здесь различия собственно экономического порядка, но и представляет реализацию всевозможных неэкономических привилегий и ущемлений (принадлежность к высшему слою государственного управления, силовым структурам, религиозных, этнических, культурных и статусных). В целом поляризация доходов сохранилась и углубилась в процессе становления современной структуры и остается важной предпосылкой формирования и переформатирования правящих и привилегированных социальных групп.

Неравенство в распределении доходов не только не сокращается, но увеличивается.

Огромный разрыв в доходах богатейших и беднейших 10%-ных групп населения в России и Грузии усиливает социальную напряженность и становится одним из важных факторов конфликтующих факторов. При этом следует учесть, что доходы 15% населения России не дотягивают до официального минимального бюджета домохозяйств. Большинство россиян получает зарплату от 16 до 29 тыс. рублей.

Неравномерность социально-экономического развития регионов России дополняет общую картину неблагоприятной среды для миростроительства. Противостоящие друг другу тенденции к углублению противоречий и преодолению климата враждебности, нетерпимости и конфликтного поведения по-разному действуют в различных регионах России, а их столкновение дает неодинаковый баланс. Представляется, что основные различия в содержании и формах культурной среды, базовых потребностях, содержании структуры и формах зависимости позволяют отделить от основного массива субъектов РФ четыре группы, в которых с большей или меньшей полнотой реализуются указанные тенденции.

К первой группе принадлежат крупные города с населением более полумиллиона человек. Совокупность признаков этой группы может быть обозначена следующим образом: относительно высокий уровень дохода, образования, глубокая включенность в социальные сети, использование Интернета. Население в основном относится к конкурентоспособной категории «белых воротничков», составляет основу среднего класса. Логика социально-экономического развития этой группы такова, что востребованы модели модернизации. Соответственно протестные настроения по отношению к власти выражены сильнее, что подтверждается результатами голосования с тенденцией уменьшения числа голосов, отданных за «партию власти». Наряду с этим увеличивается количество мигрантов из неблагополучных регионов России и соседних стран СНГ, поскольку миграционные потоки ориентированы преимущественно на финансово-экономические центры развития. В условиях массовой миграции населения из центрально-азиатских республик в крупные города, а также событий 2012 г. (убийства

мулл-традиционалистов в Татарстане и на Кавказе) проблема распространения радикальных течений ислама выходит на передний план. Таким образом, субъекты социальной ориентации - приверженцы фундаментализма получают потенциальные возможности для развития идей политизированного ислама в популистском ключе и на практике реализовать тот или иной выбор – альтернативу пути развития.

Ко второй группе можно отнести города с населением от 50 до 250 тыс. человек, в том числе крупные промышленные центры и моногорода. Разрушение производственной базы привело к увеличению бедности основной массы населения моногородов и отдельных регионов России. Их включенность в политический контекст в большинстве случаев отличается от политического выбора жителей столицы и городов-миллионников, находящихся на более высоком уровне развития, и количественно (уровни доходов здесь, как правило, ниже) и качественно (уровень жизни заметно ниже). Слабости экономических позиций противостоит высокая зависимость от экономической конъюнктуры. Уязвимость населения от состояния экономики здесь особенно заметна. От поступления в той или иной форме инвестиций в решающей степени зависят воспроизводственный процесс во всех современных секторах, перспективы развития, а нередко, как в моногородах, и самое элементарное существование людей, когда не удовлетворяются минимальные потребительские нужды.

Последствия неравномерного развития субъектов федерации, длительная экономическая стагнация, демографические процессы и текущие кризисные потрясения периодически ставят общество во многих из этих городов на грань катастрофы. Поэтому экономические проблемы, прежде всего, вопросы занятости и заработной платы сохраняют здесь приоритет перед политическими реформами.

Третью группу образуют малые города, поселки городского типа, деревни, села – все то, что подходит под определение периферии. Жители этих мест имеют низкие доходы, но при этом сохраняют независимость от государства по сравнению со второй группой благодаря натуральному хозяйству и традиционному производству. Они в значительной степени зависят от внезапных природных катастроф: лесных пожаров, наводнений, в результате которых лишаются жилья и средств к существованию.

Четвертая группа объединяет национальные республики Северного Кавказа и юга Сибири (Алтай, Тыва). Они лидируют по худшим результатам по уровню зарплат, безработице, удовлетворению базовых потребностей среди всех регионов России. Вместе с тем и в самих республиках Северного Кавказа социально-экономическое благополучие распределяется весьма неравномерно. Они демонстрируют показатели по уровню доходов на домохозяйства, как правило, возвышающиеся над средним уровнем по российской глубинке.¹

Политический процесс в постсоветских государствах продолжает генетически воспроизводить восточную модель. Под влиянием внешних и внутренних факторов откат к ней происходит достаточно быстро – усиливается централизация, расчищается политическое поле под одну партию власти, создается образ национального лидера. Пропагандируется необходимость национального согласия и социальной стабильности. Политические партии не соответствуют европейским моделям демократии. Как правило, они выражают интересы отдельных сегментов правящего класса и государственной бюрократии. Поэтому граждане, симпатизирующие либеральным ценностям, придерживающиеся консервативного толка или левых взглядов, не находят политическую партию, адекватно отражающую их интересы.

Интересы, самоидентификация граждан не находят отражение в политике. Это сказывается на отсутствии доверия и уважения граждан к основным государственным институтам, к избирательной системе, парламенту. В итоге падает доверие к власти и растет раскол общества по этническим, профессиональным, образовательным, возрастным принципам. Возрождается советский стереотип поведения на выборах – голосование за начальника, вне зависимости от его способностей, профессиональных и личных качеств.

Политическая система в постсоветских государствах имеет ряд общих черт, что дает основание характеризовать ее как партийную систему постсоветского типа. Наибольшее число голосов собирает «партия власти», она же становится крупнейшей партией, собирающей свыше 50% - 60% голосов. К числу главных причин длительного пребывания этих партий у власти относится и относительная политическая слабость оппозиции, проистекающая из ее раздробленности. Несмотря на это постепенно проявляются и ростки новой политической культуры – формирование экспертного сообщества, обладающего высокой квалификацией и широтой взглядов, наличие активных неправительственных некоммерческих организаций (НПО), возможность выражения критических взглядов в средствах массовой информации.

1 Андрей Владимиров. «Итоги». 2013. N 31. www.itogi.ru/russia/2013/31/192434.html

За последние двадцать лет в РФ произошла трансформация новой элиты. С приходом Путина началось возвращение к созданию неонеменклатуры. Рекрутирование в ее ряды осуществлялось путем прямого назначения президентом. Создавались удобные мифологемы об управленческом опыте «новых назначенцев», однако их главное преимущество не профессиональные или личные качества, или компетентность, а верность избранному курсу и лояльность президенту.

Способом существования неонеменклатуры является закрытость общества, отсутствие циркуляции элит. Формирование элиты из «питерского клана» и силовых структур ведется под жестким контролем. Его осуществляет администрация президента, узурпировавшая функции партии, имеющей монопольное влияние, и лично президент страны.

Вместе с тем главными стратегическими задачами правящего класса в России остаются: дальнейшая конвертация власти в собственность (через новый этап приватизации использование бюджетных средств и преференций со стороны властных структур для развития прибыльного бизнеса, создания новых “рент”; обеспечение передачи обретенной в 1990-2000-х годах собственности по наследству, создание потомственной аристократии; обеспечение легитимации приобретенной собственности на Западе).²

Последние парламентские выборы в Грузии в октябре 2013 г. продемонстрировали отход от восточной модели политической культуры с элементами европейской, характерной для ряда постсоветских и отчасти посткоммунистических государств. Система ротации элит в такой модели строится по территориальному, субэтническому или родственному признаку. Формирование новой элиты Грузии и приобретение навыков европейской политической культуры вселяет надежду на трансформацию политической системы в русле европейских норм и ценностей.

Воплощение глубоко противоречивого единства этих двух логических порядков можно видеть наиболее полно в деятельности интеллигенции. Ее верхушечные группы, как правило, непосредственно осуществляют разработку представлений о путях развития и организационно-политически обеспечивают намечаемый выбор. Это - с одной стороны, а с другой - значительная часть интеллигенции непосредственно входит в состав тех или иных классов. Но роль интеллигенции как особой социальной группы в выборе ориентации постсоветских государств (евро-атлантическая или евразийская, пророссийская) определяется не столько ее принадлежностью к тому или иному (и, в частности, занимающему экономически привилегированные позиции) классу, сколько выполнением общественных функций.

В обычной практике государство располагает системами, позволяющими бороться с угрозами, ограничивать и ликвидировать последствия локальных дестабилизаций. Между тем изменения инфраструктуры постсоветских государств воспроизводят худшую модель эволюции социального состава населения переходных обществ. Вместо национальной интеграции увеличивается раскол общества на основе имущественных различий, эксплуатации, социальной несправедливости, возрождаются водоразделы по признаку этноса, пола, возраста. Формируются привилегированные слои - «высшие» социальные группы. На другом полюсе создается срединная стадия общественного брожения. Растущее общественное негодование еще не откристаллизовалось в определенные требования, еще полностью не определилось, но число тех, кто испытывает разочарование и неудовлетворенность от хода перемен, постоянно растет.

Ускоренное проведение рыночных реформ - это серьезный риск для политического руководства, поскольку ставит его в ситуацию субъективного или объективного дефицита времени, приводит к резкому сужению поля видимых ему или реально доступных альтернатив, результатом чего может стать выход процессов и событий из-под контроля и вследствие этого возможно разрушение привычных отношений и структур, а в предельном случае и насильственное устранение от власти.

Отсутствие внятной стратегии развития у властных структур России привело к тому, что террористические вылазки на Северном Кавказе приобрели устойчивый характер.

Однако опасной тенденцией для противодействия угрозе терроризма является смешивание понятий политического и криминального терроризма и борьбы с оппозицией, которые происходят у нынешней власти. Для постсоветского руководства характерно не столько неумение справляться с обвалом проблем, сколько неправильное их толкование, сознательное возведение мифов. Мифополитика способствует тому, что руководство само загоняет себя в

2 Андрей Пионтковский. 09 августа 2013, www.echo.msk.ru Доклад «Большое правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0», основанный на результатах экспертного опроса более 60 экспертов, (представителей политической и бизнес элиты страны)

ловушку и заставляет себя играть по правилам выдуманной действительности. Таким образом, проблема терроризма связывается и с неправильным определением сути и характера политического вызова.

Конфликты с использованием насильственных методов противостояния формируются на стыке взаимодействия недовольства общества бедственным положением (неудовлетворение базовой потребности в благополучном жизненном устройстве), неравенством как по вертикали, так и по горизонтали (структурное насилие, связанное с иерархичностью социально-классовой структуры и эксплуатацией «верхами» «низов»), алчностью спойлеров, готовых использовать в своих личных интересах политическое и экономическое недовольство граждан, и неэффективностью политико-экономического управления. Качественные характеристики перечисленной триады отношений и формы общественного сознания оказывают растущее влияние на выбор стратегии и поведение персонифицированных представителей власти и общества.

Среди наиболее значительных факторов усиления напряженности и образования конфликтов выделяются чрезмерная концентрация богатства и доходов в руках немногих, влияние семейно-родственных отношений, неодинаковые возможности получения высшего образования, неравенство социальных статусов.

Таким образом, налицо целая совокупность факторов, формирующих среду, сопротивляющуюся процессам миростроительства, и усиливающих тенденцию к конфликтному противостоянию. Это – высокий уровень бедности, негативные ожидания экономического роста, стагнация экономики, неблагоприятная среда предпринимательства, коррупция, кумовство. На пути модернизации этих стран стоят стихийность, колебания конъюнктуры, погоня за прибылью, ожесточенная конкуренция, порой принимающая криминальные формы.

Судебная система в России непрозрачна, управляема и подчинена интересам властей. Используется сплошь и рядом в несправедных целях - от захвата приглянувшегося бизнеса до преследования инакомыслящих. В стране появились десятки политзаключенных.

Верховенство закона признается только на словах, на практике беззаконие становится нормой и атрибутом общественных отношений.³

«Правовой нигилизм» постепенно трансформируется в правовой беспредел. В России множатся случаи «судов Линча», самоорганизации граждан, расправляющихся с представителями органов правопорядка («приморские партизаны»), формируются различные «движения», вершащие самосуд над представителями нетрадиционной ориентации, учащаются случаи, подобные событиям в Новохоперске, где бунт против добычи никеля обернулся поджогами буровых вышек и автомобилей, усиливаются межнациональные столкновения (стихийные выступления на Манежной площади и «бирюзовый погром» в Бирзулево в Москве, события в Кондопоге, Пугачеве).⁴

Положение «правового нигилизма» и «правового беспредела» вызвало беспрецедентную акцию российских юристов, подписавших открытое письмо, в котором говорилось об угрозе конституционному порядку в России со стороны властей.⁵

Одним из важнейших условий устойчивости миростроительства является эффективность систем управления. К 2013 г. даже официальные государственные экспертные структуры России были вынуждены признать неэффективность государственного управления. Так, в исследовании, проведенном инвестиционным подразделением Сбербанка (ранее «Тройка Диалог»), отмечалось, что качество корпоративного управления ухудшилось.

Все это свидетельствует об опасной тенденции дезинтеграции общества, формирования нетерпимости, ксенофобии, бытового расизма и неприятия «чужих», водораздела на «мы» и «они». Создается дезинтеграционная среда для конфликтного поведения с использованием насилия, комфортная для распространения радикальных идеологических течений, терроризма, самоуничтожения. Угроза дезинтеграции общества в России осознается и властными структурами. В 2013 г. премьер-министр РФ Д.Медведев подписал целевую федеральную программу под названием «Укрепление единства российской нации». Реформа МВД не

3 См. Алексей Малашенко. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? Московский Центр Карнеги. М., РОССПЭН. 2012. С.82.

4 Антон Ключкин, От «диктатуры закона» к суду Линча. www.lenta.ru/columns/2013/07/16/guys/

5 «Мы, люди, профессионально занимающиеся правом, вынуждены констатировать: к 20-летию Конституции России конституционный строй страны находится под угрозой, - говорится в открытом письме. - Базовые положения Конституции и, прежде всего, конституционная характеристика России как правового государства превратились, по существу, в пустые декларации»). Источник: The Christian Science Monitor By Fred Weir, Correspondent / July 22, 2013

дала результатов; полиция (включая нарко-, налоговую, дорожную и т.д.) не столько обеспечивала порядок, сколько занималась вымогательством и крышеванием. Россия - одна из самых опасных стран мира.

Вышеперечисленные явления обуславливают расчлененность интегративного климата, необходимого для успешного и устойчивого миростроительства, сдерживают формирование сплоченной нации, обладающей социальным капиталом. Государства, в которых конфликтующие стороны взаимно исключают друг друга, не приспособлены к развитию успешного процесса миростроительства.

Обретение и укрепление государственной самостоятельности, обеспечение более благоприятных условий для социально-экономического прогресса способствовали неравномерному повышению нормы накопления в большинстве постсоветских государств. При этом наблюдаются диспропорции между уровнем потребления и накопления состоятельной верхушки и положением неимущих слоев.

Увеличение сбережений для нужд накопления в среде имущих верхов тормозится безудержным ростом их потребления, которое подстегивается влиянием демонстрационного эффекта. Так, российская олигархия проматывает огромные средства в преуспевающих странах Запада, которых было бы достаточно, чтобы создать в России современную инфраструктуру, включая всероссийскую транспортную сеть и высокотехнологичную промышленность.

Факты свидетельствуют о серьезной тяге наиболее состоятельных слоев к потреблению и расходованию средств на предметы роскоши и другие импортные товары далеко не первой необходимости, содержание домашней прислуги и частной охраны, путешествия и развлечения.

Наряду с этим наблюдается острая нехватка средств для укрепления экономических позиций и содействия социальному прогрессу неимущих слоев, а также потребностям перестройки экономики от преимущественно сырьевой направленности к высокотехнологичной и хотя бы некоторого упорядочения сферы собственно потребления.

При нынешней концентрации покупательной способности в руках узкой состоятельной прослойки лиц и сопутствующей ей структуре потребительского спроса капиталовложения направляются в производства (нефте- и газодобыча и металлообработка), ориентированные прежде всего на удовлетворение потребностей той же привилегированной верхушки. Нужды же основной массы населения, не располагающей необходимыми денежными ресурсами, не привлекают внимания инвесторов.

В Грузии сохраняется большое значение мелкотоварного производства, в основной своей массе характеризующегося крайне примитивным техническим уровнем. Сильно ограничивает развитие и устойчивость миростроительства преобладание в постсоветских государствах архаичных укладов: мелкотоварного, патриархально-родового, натурального хозяйства, с которыми связано огромное большинство населения. Проблема бедности продуцирует сохранение этих укладов как основу выживания семей. Дополнительным фактором сохранения архаичного уклада стал постепенный отказ государства от социальных обязательств. Архаичные уклады и их промежуточные формы по самой своей сущности не нуждаются в современной научно-технической информации и распространении новых знаний. Объективно они препятствуют распространению современного образования, научных знаний, просвещения и, следовательно, повышению образовательного и профессионально-квалификационного уровня основной массы населения.

Ограниченность частнокапиталистического национального предпринимательства как фактора ускорения технического прогресса особенно остро проявляется ввиду развития специфических уродливых форм капитализма, насквозь пронизанных коррупцией, отношениями «патрон-клиент», преклонением перед начальством. Россия занимает 1-е место в Европе и одно из лидирующих в мире по уровню коррупции. Хищения бюджетных денег, мздоимство, гигантские откаты от любых сделок стали нормой государственного управления и деловой жизни. Недостаточное развитие хозяйственно-организаторской функции государства в новых условиях рыночной экономики способствует развитию параллельной коррупционной структуры управления.⁶

Специфические особенности постсоветского капитализма формируют тяготение гособушазии к финансово-торговой деятельности и спекуляции недвижимостью. Монополизация перспективного нефтегазового рынка одной-двумя фирмами ведет к тенденции загнивания. Экономика страны основана на экспорте ископаемых, древесины и оружия; промышленность

6 Андрей Владимиров. «Итоги». N 31. www.itogi.ru/russia/2013/31/192434.html

отсталая, высокотехнологичное производство практически отсутствует, производительность труда крайне низкая, энергоемкость колоссальная.

Экономический прогресс зависит как от размеров капитализируемой части ВВП, так во многом и от эффективности использования уже имеющихся и вновь создаваемых основных фондов. Между тем ввиду нехватки квалифицированных кадров, технического и организационного опыта, ограниченных возможностей сбыта, слабой дифференциации отраслевой структуры хозяйства моторной силой постсоветского экономического роста выступает нефтегазовый сектор экономики, либо развитие одного-двух высокопроизводительных отраслей, способных потянуть за собой комплекс глубоких экономических и социальных сдвигов. Возможно также развитие крупного промышленного и инфраструктурного объекта на перекрестке международных коммуникаций.

Действующие национальные планы и программы развития в большинстве своем не содержат четко сформулированных задач и целей, а главное, не подкрепляются необходимой системой организационных и экономических мероприятий, способных обеспечить их претворение в жизнь. Ограниченная эффективность государственных мер наглядно видна на примере осуществляемой ими политики национальных проектов.

Сфера безопасности и внешней среды миростроительства

Развитие многосторонней безопасности, экономического и политико-дипломатического сотрудничества играют решающую роль в деле построения устойчивого мира. При этом необходимо наличие совокупности факторов, играющих решающую роль в деле построения мира. К ним относятся: поддержка внешними акторами процесса мирной трансформации конфликтного взаимодействия, вовлеченность России и Грузии в региональное экономическое и политико-дипломатическое сотрудничество, а также вовлеченность в региональное сотрудничество в сфере безопасности.

Черноморско-Каспийский регион не скреплен прочными региональными структурами безопасности. Налицо конкурирующие между собой региональные организации. В результате такого многослойного «перекрывания» сам регион оказывается в зоне соприкосновения и взаимодействия нередко разнонаправленных и различных по уровню институционализации и политическому или военному весу структур безопасности. Разнонаправленность целей и задач различных организаций безопасности, задействованных в регионе, обуславливает их избирательную активность на ряде направлений, столкновение интересов в конкурентном соперничестве за расширение сфер влияния. Все это постоянно провоцирует новые риски и вызовы из-за ущемления интересов одних и поддержки других региональных игроков, что в условиях сложного и динамичного соотношения сил служит постоянным источником напряженности и конфликтного взаимодействия. Столкновение интересов может стимулировать возникновение новых угроз безопасности. Защита прав человека, групповых прав становится источником конфликтов и провоцирует нарушения безопасности в форме насилия.

Рекомендации:

1. Для устойчивого миростроительства в России и Грузии необходимо постепенно преодолевать климат враждебности, недоверия и формировать среду примирения. Примирение является крайне важным для обеспечения успеха в построении устойчивого мира. Оно подразумевает сотрудничество между бывшими сторонами конфликта и включает серию разных, но взаимозависимых действий. Примирение подразумевает действия, которые интегрируют конкурирующие потребности и ценности в сфере безопасности, права, справедливости, экономического развития, свободы.
2. Важно создание среды соразвития с перспективной задачей освоения следующего технопромышленного и социокультурного уклада. Ключевой проблемой безопасности в этой связи является приоритетное развитие ресурсов, средств и инструментов для проектирования и формирования нового технопромышленного и социокультурного уклада - совокупность знаний и уровня развития сознания российской и грузинской гуманитарно-научной, научно-технической и управленческой элиты. Необходимо создание социальной среды, обеспечивающей развитие духовной культуры и производства духовных ценностей – приоритетное развитие образования и науки.

3. Необходимо проведение политических реформ как залога обеспечения равных прав и обязанностей титульным нациям и национальным меньшинствам, закрепления и совершенствования законодательных гарантий независимости судебной власти и гарантии исполнения судебных решений. Для успешного развития гражданского общества важно утверждение верховенства закона, воспитание и просвещение в сфере правового сознания.
4. Реальное разделение властей и развитие местного самоуправления способствует прозрачности системы управления как основы борьбы с коррупцией и гражданского контроля над действиями властей.
5. Разновекторная внешнеполитическая ориентация руководства Грузии и России, наличие военных баз препятствуют демилитаризации региона и запускают процесс военных приготовлений и гонки вооружений. Для создания благоприятной международной среды для миростроительства необходим последовательный диалог руководства России и Грузии по вопросам угроз, вызовов и рисков региональной безопасности и поиск новых креативных моделей общего будущего.
6. Необходимо создание общего информационного пространства на основе журналистики мира (норм и кода поведения журналистов при освещении конфликтных тем), создание культурно-просветительной инфраструктуры миростроительства (внедрение новых технологий предупреждения насилия и конфликтного взаимодействия).

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шорена Лордкипанидзе

*учредитель Гражданского совета по вопросам
обороны и безопасности*

«Каждое явление влияет на другие явления».
Реймон Арон.

Введение

Огромную роль в международной политике играют участвующие в ней стороны. Государства взаимодействуют не только между собой, но и с межправительственными организациями, международными корпорациями, неправительственными организациями и другими игроками.¹ Цели, направления и возможности этих участников редко совпадают, а чаще всего сильно отличаются друг от друга. В современном мире большое значение имеют не только взаимоотношения, но и влияние.

Для современного российско-грузинского политического дискурса характерна сильная пропаганда, негативные высказывания со стороны разных игроков, влияние и взаимодействие международных игроков, различные спекуляции и интерпретации. Общий контекст и комплексность внутренних и международных факторов создают ценную основу для изучения дальнейшей роли разных игроков в российско-грузинских отношениях.

В настоящем труде анализируются ценности, подходы, платформы и деятельность внутренних игроков, которые могут иметь какую-либо связь и определенное влияние на формирование и развитие российско-грузинских взаимоотношений. Под внутренними игроками подразумеваются участники, осуществляющие свою деятельность непосредственно в Грузии или России, в частности: физические лица, политические силы, интеллигенция, деловые круги, неправительственные организации/гражданское общество, СМИ/социальные медиа, международные организации и доноры, которые вносят вклад в диалог и осуществляют свою деятельность непосредственно в Грузии или России.

В настоящем документе представлены вопросы и темы, которые могут быть более глубоко изучены в будущем, а именно: заявления политических сил, лидеров и других игроков, дискурс, политическое поведение, а также исследование и анализ тенденций.

В Грузии существует множество различных мнений в связи с игроками и их мотивацией с точки зрения влияния на российско-грузинские отношения. В настоящем труде мы попытаемся установить, какие именно факторы обусловили формирование взаимоотношений, существующих между двумя государствами.

Игроки не представляющие политические силы, однако, участвуют в политической сфере. Из этого вытекает следующее понятие политического игрока: политический игрок – это не выборное должностное лицо, а любое лицо, группа или организация, которые оказывают большое влияние на политическую ситуацию или вопросы. Слово «внутренний» означает «местный» и используется в отношении обстановки внутри страны. Нельзя не согласиться с тем, что в грузино-российских взаимоотношениях участвует множество игроков. Однако трудно рассуждать об их реальном влиянии и возможной положительной трансформации этих взаимоотношений.

Анализ ареала действий

Трудно выделить игроков в российско-грузинских отношениях. Кажется, что они тесно переплетены друг с другом и в то же время действуют по абсолютно разным стратегиям. В условиях отсутствия официальных дипломатических отношений трудно определить, какой игрок оказывает влияние на российско-грузинские отношения. Факт, что эти отношения как бы предопределены заранее идеологическими факторами. Однако важно и то, что после смены власти в Грузии во взаимоотношениях двух государств произошел значительный сдвиг. Анализ

1 П. А. Рейнольдс, «Введение в международные отношения», ред. 3, 1994 г. (The Introduction to International Relations, P.A. Reynolds)

дискурса и взглядов участвующих в нем сторон дает возможность еще раз оценить существующую обстановку и основные тенденции.

К моменту начала работы над этим документом, летом 2013 года, парламентские выборы октября 2012 года были уже позади. Выборы прошли в мирной обстановке. Существовавшая на тот момент политическая обстановка давала возможность положительной оценки перспектив российско-грузинских отношений. После парламентских выборов новый премьер-министр назначил специального представителя по урегулированию взаимоотношений с Россией, и переговоры в формате Абашидзе-Карасин давали перспективы урегулирования гуманитарных и торговых отношений. На сегодняшний день можно смело заявить, что это довольно успешный формат, так как торговые и гуманитарные отношения между двумя странами значительно улучшились, чего нельзя сказать о политическом климате.

По статистическим данным за январь-сентябрь 2013 года, экспорт вина и минеральных вод из Грузии вырос в связи с открытием российского рынка. Экспорт вина вырос на 73,9%, что в денежном исчислении составило 74.1 миллион долларов США или 3.7 % всего экспорта. Экспорт минеральных вод вырос на 60.1 % и составил 72.8 миллиона долларов США или 3.6 % всего экспорта. Открытие рынка привело к увеличению товарооборота между двумя государствами на 35%, что в денежном исчислении равно 501.7 миллион долларов США. В указанный период Россия стала четвертым по величине торговым партнером Грузии по сравнению с 2012 годом, когда она занимала шестое место среди торговых партнеров.

См.: www.civil.ge/eng/article.php?id=26597

Вторым фактором, влияющим на взаимоотношения, были выборы нового президента Грузии в соответствии с новым конституционным порядком.² В отличие от своего предшественника новый президент в своем первом интервью российским телеканалам огласил множество мирных посланий. Президент даже не упомянул об оккупированных территориях во время интервью, чем вызвал критику со стороны оппозиции и общества в Грузии.

На фоне этой риторики на протяжении осени 2013 года продолжалось перемещение административных границ вдоль разделительных линий в регионе Шида Картли, на что со стороны российских властей не последовало никакого ответа.

Интересными также представляются вопросы, связанные с зимней олимпиадой в Сочи. Премьер-министр Грузии заявил, что официальная правительственная делегация Грузии не будет присутствовать на событиях, посвященных олимпиаде,³ однако грузинские спортсмены примут участие в этом международном спортивном мероприятии.

В конце ноября 2013 года на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе Грузия парафировала текст договора об ассоциированном членстве и свободной торговле с Европейским союзом, который готовится к подписанию во второй половине этого года.

Ситуация в Украине развивается динамично. За несколько дней до начала Вильнюсского саммита, Украина остановила процесс подписания договора об ассоциировании и свободной торговле с Евросоюзом, объяснив этот шаг тем, что она отдает приоритет торгово-экономическим отношениям с Россией и странами СНГ. За решением Украинского правительства последовало 4 месяца акций протеста в центре Киева в поддержку прозападного курса. Весь процесс закончился насилием против демонстрантов со стороны правительства и сменой режима Януковича. Россия не опоздала с ответом и поддержала сецессию Крыма от Украины и его воссоединение с Россией. Россия старается изменить существующий порядок и, тем самым изолирует себя в международных отношениях. В данном контексте Грузия продолжает тесное сотрудничество с Евросоюзом и НАТО. В регионе существует опасность дестабилизации, которая может препятствовать Евро-Атлантическим перспективам Грузии.

За последнее время было опубликовано множество исследований и статей, посвященных российско-грузинским отношениям. Авторы большинства трудов – европейские и амери-

2 С ноября 2013 года начался процесс трансформации политической системы Грузии. Этот процесс подразумевал переход от чисто президентской системы (в основном распространенной в Латинской Америке, во многих странах Африки и других государствах бывшего Советского Союза, кроме стран Балтии, а также в Индонезии, на Филиппинах, в Южной Корее и США) к смешанной системе с элементами президентской и парламентской систем. В этой системе исполнительная власть находится в руках правительства, которое подотчетно парламенту.

3 См.: www.civil.ge/eng/article.php?id=26751

канские исследователи, а также грузинские и российские эксперты, участвующие в различных форматах диалога. Существуют разные оценки, однако, исходя из приоритетов нового правительства, углубление сотрудничества двух стран остается одной из важных задач. В контексте событий в Украине перспективы сотрудничества ставятся под вопрос, и при разработке нового подхода в русско-грузинских отношениях необходимо учесть данные реалии.

Постсоветские факторы

Наследие Советского Союза и его влияние на взаимоотношения двух стран составляют еще более широкий контекст, который представляет интерес на фоне обсуждения и анализа российско-грузинских отношений. Это наследие все еще глубоко коренится во взаимоотношениях двух стран, а также обуславливает особенности их развития и переходного периода.

В новейшей истории Советский Союз был первым государством, которое основывалось на идеологии, а не на экономической системе. Советский эксперимент завершился величайшим крахом, а в результате развала Советского Союза возникло несколько новых государств. Несмотря на определенные существенные различия между вновь образованными независимыми государствами, их объединяет советское прошлое и вызовы, характерные для переходного периода (в странах Балтии была иная ситуация ввиду их близости с Европой). Этими общими чертами, с одной стороны, являлись: низкая культура труда, авторитарное мировоззрение, низкая способность к самоорганизации, низкий уровень правосудия и восприятия свободы. Однако, с другой стороны, следует отметить довольно высокий показатель лиц с высшим образованием, определенный потенциал в области науки (например, серьезный потенциал Грузинского института физики в области атомной науки; Грузия достигла успехов в областях философии и психологии; в советской Грузии родились и работали такие ученые как Мамардашвили, Бериташвили, Мухелишвили, Дмитрий Узнадзе и другие),⁴ были определенные достижения в областях культуры и спорта (в советский период успешно развивались грузинское кино и театр). В таких условиях возникла новая дилемма: каким путем должна была быть достигнута демократическая трансформация. После развала Советского Союза была разрушена существовавшая до того момента социально-политическая система. Вместе с этим исчезли все социальные льготы и общественная инфраструктура. За обретением независимости последовали этнические и политические конфликты, потеря территориальной целостности и гражданская война. В условиях медленной трансформации в обществе возникло политическое недовольство и разочарование.

Это обстоятельство способствовало появлению постсоветских лидеров. Из этой реальности возникла существующая политическая система со всеми ее особенностями. Можно предположить, что Революция роз служила осуществлению идеи высвобождения из советских тисков. Если обратиться к теориям элиты, страны Восточной Европы, которые смогли преодолеть вызовы и угрозы, возникшие вслед за холодной войной при формировании демократических политических режимов, и стать частью западного мира, добились этого именно путем смены элит.⁵

Ценности грузинского общества

С точки зрения опроса участников, интерес представляет та система ценностей, которая определяет поведение общества, мышление и представляет собой мотивационный фактор.

В феврале-марте 2011 г. под эгидой Международного исследовательского центра конфликтов и переговоров было проведено ценностное исследование. В нем была использована первая часть Ценностного опросника Шварца,⁶ которая предназначена для изучения ценностей личности на уровне нормативных идеалов, а также иерархической структуры ценностей. Она имеет огромное влияние на личность, хотя не всегда проявляется в реальном социальном поведении.

Суммируя результаты исследования, можно сказать, во-первых, что в системе ценностей грузин на уровне нормативных идеалов «приоритет отдается защите и укреплению интересов собственной группы, а не общества в целом. Однако, при этом, явно выражено стрем-

4 «В поисках потерянного пространства. Культурная политика в постсоветской Грузии», Сборник статей, 2010 г.

5 Ева Этциони-Халеви, «Элитарные связи, проблемы и потенциал западной демократии», 1993 г. (Elite Connections, the Problems and Potential for Western Democracy, Eva Etzioni-Halevy)

6 Шалом Шварц, профессор социальной психологии, исследователь культур, автор шкалы ценностей.

ление к личному успеху в рамках этой группы, что противоречит цели укрепления благосостояния членов этой группы и становится источником проблем». С другой стороны, еще Э. Фромм писал, что в нестабильных социально-экономических условиях удовлетворение потребности в безопасности происходит путем отождествления с группой (семья, клан, класс), а также путем постоянного стремления к одобрению со стороны членов этой группы».⁷ Соответственно, не исключено, что такой результат обусловлен адаптационным защитным механизмом.

Во-вторых, отмечается тенденция отрицания традиционных общественных ценностей на фоне неготовности принять новые ценности. Это означает, что мы не готовы принять новые ценности, а старые отрицаем, что привело к созданию определенного «вакуума» и возникновению множества проблем в нашем обществе.

В-третьих, как и следовало ожидать, для грузинского общества характерна ориентация на ценности самосохранения, которая усиливается на фоне ухудшения материального положения. И наконец, на иерархию ценностей влияет не пол, а материальное положение и образование и в меньшей степени возраст.

Яркой иллюстрацией тенденции стремления к личному успеху в рамках группы являются процессы, протекающие внутри разных политических партий: «Противостояние лидеров, создание новых партий. К примеру, достаточно вспомнить, что большинство лидеров Национального движения являются бывшими членами Союза граждан, а многие из лидеров сегодняшней оппозиции, в свою очередь, некогда состояли в Национальном движении или связанных с ним партиях)».⁸ С другой стороны, на основании результатов исследования можно сказать, что недоверие населения в отношении всех партий, по-видимому, обусловлено другой тенденцией – приоритизацией интересов собственной группы, а не всего общества. «Благодаря» механизму проекции электорат считает, что любая партия заботится не об общественных, а о личных интересах. В этом смысле не имеет значения насколько справедлива эта мысль – результат налицо, так как психологическую проблему вызывает не столько объективная сторона, сколько субъективная, как считает исследователь Лазарус,⁹ а Р. Мэй заключает, что то, как человек воспринимает угрозу, важнее самой угрозы.¹⁰

На основании вышеупомянутых факторов и анализа, постараемся коротко описать тенденции, которые могут наметиться в российско-грузинских отношениях в связи с участниками этих отношений, позитивным или негативным влиянием.

Роль личности в политике на примере Грузии и России

По мнению Дэниела Бинама и Кена Полака,¹¹ существуют три причины, по которым в международных отношениях роли личности в политике уделяется недостаточно внимания. Во-первых, фактор личности просто неактуален, так как неперсоналистические силы международной системы более сильны, чем воля отдельных личностей. Во-вторых, если дисциплина рассматривает личности как особых игроков, это делает невозможным обобщение на «научно-социальной» основе и прогнозирование будущего. В-третьих, наиболее влиятельные теории международных отношений не рассматривают личности как важный фактор международных отношений. Эту идею развили теоретики международных отношений, и международные отношения именно так подходят к роли личностей в политике.

Взаимоотношения между Грузией и Россией можно назвать особыми. Согласно одной из основных существующих теорий, развитие процессов между Грузией и Россией было обусловлено личными отрицательными отношениями лидеров двух стран. Возникает вопрос, были ли напряженность и эскалация в российско-грузинских отношениях вызваны личной враждой между лидерами или же идеологическая несовместимость, существующая между этими странами, обусловила персонифицирование проблемы. Согласно результатам исследования настроя в отношении России и русских в грузинском обществе, проведенного Международ-

7 Фромм Э., «Здоровое общество», Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М.: Юрист, 1995 г.

8 Чомахидзе Е., Лордкипанидзе Ш., Копалиани К., «Особенности системы ценностей грузинского общества», Научные труды Сухумского университета, Тбилиси, 2013 г.

9 Фрейдджер Р., Фейдимен Дж., «Личность», М., 2001 г.

10 Р. Мэй., «Смысл тревоги», М., 2001 г.

11 «Имеет ли личность значение? Великие люди, индивидуальное взаимодействие и идеи в теории международных отношений», блог «Political Science Resource Blog» (Do Individuals Matter?: Great Men, Individual Interaction and Ideas in IR Theory, Political Science Resource Blog).

ным исследовательским центром конфликтов и переговоров в 2011 году, в грузинском обществе существует социальный консенсус в плане оценки политики российского правительства в отношении Грузии. Конфликт берет начало с конца 80-х годов 20-го века, когда цели демократического развития Грузии оказались несовместимы с политическими и геостратегическими целями России. «В результате, с начала постсоветского периода, Россия проводит политику, направленную на подрыв грузинской государственности».¹²

Роль личности в политике очень велика, однако сама по себе личность является неотъемлемой частью системы. Следовательно, для дальнейшего урегулирования российско-грузинских отношений крайне важна деперсонализация политики.

Процесс демократизации

Если обратиться к теориям демократизации, можно обнаружить нечто интересное, что поможет определить, когда личность становится объектом или субъектом политики. В статье «Теории демократизации» Кристиан Вельзел пишет: «Помимо социально-экономической модернизации, социальной конфронтации, влияния международных режимов и альянсов, взаимоотношения элит, социальных движений и массовых убеждений, серьезное влияние на демократизацию оказывают институциональные факторы».¹³ По мнению Барбары Геддес,¹⁴ типы авторитарных режимов влияют на возможность достижения демократии. Она выделяет три типа авторитарных режимов: персоналистические режимы, милитаристические режимы и однопартийные режимы. У этих режимов разные перспективы демократизации. На основании этой теории можно сказать, что персоналистический режим в Грузии (влиятельная фигура Саакашвили) создавал множество угроз в плане трансформации государства, политический дискурс был ограничен, что способствовало углублению враждебного настроения. Институциональные конфигурации внутри страны обуславливают особенности режима, а режимы оказывают влияние на развитие отношений с соседями.

Персоналистический режим Саакашвили был ориентирован на запад, что в некоторой степени способствовало демонизации поддерживаемого режима запада в Грузии.

Гражданское общество – влиятельный игрок?

Недавняя смена политического режима в Грузии придала новый импульс российско-грузинским отношениям. В то же время стабильный процесс переговоров и консультаций не отвечает потребностям общества двух государств. В подобных обстоятельствах особое значение придается народной дипломатии.

После российско-грузинской войны 2008 года Международный центр по конфликтам и переговорам был первой неправительственной организацией, которая положила начало российско-грузинскому диалогу в рамках Стамбульского процесса. Со стороны Грузии и России в процессе участвуют специалисты высокой квалификации, представители научных и аналитических кругов. С 2008 года в Стамбуле состоялось 10 встреч. Позднее российско-грузинский диалог на уровне экспертов инициировал Грузинский фонд стратегических и международных исследований, который сотрудничает с Фондом Карнеги с 2011 года. Фонды выпустили совместную публикацию «Россия и Грузия: в поисках выхода».¹⁵

Центр культурных отношений «Кавказский дом» осуществляет программу, направленную на налаживание отношений между молодыми политиками и политологами из Грузии и России и на создание платформы для сотрудничества, нацеленной на достижение долгосрочного мира между обществами Грузии и России.

12 В 2011 г. Международный исследовательский центр конфликтов и переговоров провел исследование с целью изучения настроения в отношении России и русских в грузинском обществе. Исследование прошло в рамках сети «Глобального партнерства по предотвращению вооруженных конфликтов». Подробнее см.: www.istanbulprocess.org/documents/-/asset_publisher/PLdPj4c3bWZT/content/perceptions-of-russia-and-russians-in-georgian-society-in-russian/?redirect=http%3A%2F%2Fwww.istanbulprocess.org%2Factivities%3Fp_id%3D101_INSTANCE_AIBCSmvYxq7k%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1

13 Кристиан Вельзел, «Теории демократизации», стр. 74-88 (“Theories of Democratization”)

14 Барбара Геддес, «Что мы знаем о демократизации двадцать лет спустя», («What Do We Know about Democratization after Twenty Years»), *Annual Review of Political Science* 2, 1999 г.

15 www.gfsis.org/media/download/library/articles/RUSSIA_AND_GEORGIA_SEARCHING_THE_WAY_OUT_Russian_Publication.pdf

Настоящий проект начался в 2011 году при поддержке Черноморского фонда сотрудничества. Состоялись две встречи с участием членов политических партий, а также представителей аналитических центров и университетов из России и Грузии. В рамках проекта был создан блог, в котором периодически размещаются статьи и эссе, авторами которых являются участники проекта (georuss.wordpress.com). Проект совместно осуществляют «Кавказский дом» и Московский центр Карнеги.¹⁶

По инициативе «Кавказского дома» также был создан русскоязычный веб-сайт, действующий в контексте российско-грузинского диалога и мирных усилий.¹⁷

Российско-грузинский диалог является одним из направлений деятельности Фонда Фридриха Эберта. При поддержке фонда в 2011 году был опубликован аналитический отчет Американского прогресс-центра на грузинском языке под названием «План достижения прогресса в урегулировании конфликтов в Грузии в кратчайшие сроки». Отчет был подготовлен американскими исследователями и был основан на результатах исследований, проведенных в обеих странах после войны 2008 года. Отчет содержит рекомендации для всех участников конфликта: Грузии, России, Абхазии, Южной Осетии и международного сообщества.

Политические партии

Отношение грузинского политического спектра к России неоднозначно, однако среди причин поражения единого национального движения называется именно обострение отношений с Россией. Предыдущее правительство и правящая политическая партия не справились со сложной задачей. Новая политическая сила – коалиция Грузинская мечта, которая состоит из шести политических субъектов, отдает приоритет налаживанию отношений с Россией. После парламентских выборов 2012 года бывший премьер-министр Иванишвили назначил специального представителя по взаимоотношениям с Россией, что было важным шагом на пути к урегулированию отношений.

Вне парламента остаются политические партии, которые выступают за нормализацию российско-грузинских отношений, более того, видят будущее Грузии в сотрудничестве с Россией. Так, политическая сила Нино Бурджанадзе «Демократическое движение – единая Грузия» и партия Кахи Кукава «Свободная Грузия» проявляют свой пророссийский настрой. Однако отношение этих партий к России не принесло им мест в парламенте или победы на президентских выборах.

Роль СМИ в российско-грузинских отношениях

СМИ используют различные инструменты для создания имиджа. СМИ, политическое влияние которых очень сильно, сыграли решающую и крайне негативную роль в российско-грузинских отношениях, в большей степени способствуя нынешнему состоянию этих отношений. Они намеренно создали негативное общественное мнение о России в Грузии и о Грузии в России, что также может считаться политическим заказом предыдущего правительства.

СМИ находятся под влиянием той реальности, которую сами же и создают. Таким образом, фактически СМИ создают вторую реальность. Существуют определенные потоки информации, доминирующие в общественном мышлении, которые находятся в сознании самих журналистов. Существуют стереотипы, которые не созданы журналистами.¹⁸ Согласно заключению, основанному на результатах исследования отношений российского общества к Грузии и грузинского общества к России: Грузия в большинстве случаев фигурирует в российских СМИ в отрицательном контексте. Однако в то же время российские СМИ часто преподносят Грузию как популярное туристическое направление и государство-реформатор.¹⁹

16 www.caucasianhouse.ge/ge/qartvel-da-rus-akhalgazrda-profesionalta-dialogi

17 www.regional-dialogue.com/team-view/%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5/

18 См.: www.voiceofrussia.com/2010/10/15/26287926/

19 ICCN провел исследование настроения российского общества по отношению к Грузии в рамках проекта Стамбульского процесса «Усиление возможностей диалога гражданского общества», который является частью программы «Глобального партнерства по предотвращению вооруженных конфликтов».

Репортажи грузинских телеканалов о России крайне предвзяты и способствуют созданию имиджа врага.²⁰

В результате выборов 2012-2013 годов и смены власти в Грузии обстановка изменилась. Новое правительство не участвует в формировании негативных посылов в отношении России, напротив, старается продемонстрировать России свое стремление к установлению с ней добрососедских отношений. В этой связи следует упомянуть закрытие грузинской телекомпании ПИК, которую Россия рассматривала как средство антироссийской пропаганды в Грузии и в регионе в целом. Открытие этой телекомпании в свое время стало предметом довольно острого обсуждения.

Интеллектуальная элита Грузии и парадигма в отношении России

Отношения Грузии с Россией всегда были обусловлены необходимостью и амбивалентностью.²¹ Необходимость была вызвана тем фактом, что Россия была сильной православной империей, которая могла защитить Грузию от южной мусульманской империи и набегов северокавказских народов. Амбивалентность была обусловлена тем, что Россия доминировала в плане культуры и империалистических амбиций, что постоянно создавало угрозу суверенитету, независимости и национальной идее Грузии. Грузинская интеллектуальная элита всегда воспринимала Россию, с одной стороны, как покровителя, а с другой - как того, кто не держит своего слова. Россия всегда была объектом критики в Грузии. Однако в то же время широко была распространена идея о том, что Россия спасла Грузию от демографической катастрофы в 19 веке и стала своеобразным проводником западных либеральных идей в Грузии. В современной Грузии ни российская культура, ни советская империя не воспринимаются как европейские. Напротив, в Грузии сформировалось отношение к России как к антизападной силе.

Действия игроков обусловлены их политической культурой и поведением. Война 2008 года сыграла важную роль в формировании имиджа России в Грузии. Анализ общественно-политических публикаций, вышедших осенью 2008 года, выявил отрицательное отношение грузинской интеллектуальной элиты к России. Общественный периодический журнал «Горячий шоколад» («ცხელი შოკოლადი») выходил в то время раз в месяц. Война вызвала полную апатию по отношению к России и русскому языку. Это отношение хорошо прослеживается в статьях.²²

В результате военных действий Россия набрала большое количество геополитических очков, однако навсегда лишилась имиджа защитника в Грузии.

Заключение

Российско-грузинские отношения крайне сложны, а круг участников этих отношений ограничен. Основными силами, влияющими на эти отношения, являются интересы двух стран и их выбор. Это является стимулирующим источником взаимоотношений. Политическая сила, пришедшая к власти в Грузии путем выборов, беседует о нормализации взаимоотношений, а Россия стремится к достижению своей стратегической цели.

Главная задача Грузии состоит в том, чтобы не допустить такого обострения взаимоотношений, в результате которого вновь станет реальной угрозой агрессии и насилия. Важно изъять враждебную риторику из политического лексикона, однако в то же время дать аргументированные ответы на негативные проявления со стороны России. Важно, чтобы в Грузии продолжался прозападный курс и строительство демократических институтов и чтобы на этом фоне развивались отношения с Россией. Важно, чтобы в России развеялся миф об одиозности Грузии. Этого можно достичь, если в российских СМИ будет больше информации и анализа на тему Грузии.

20 В 2011 г. Международный исследовательский центр конфликтов и переговоров провел исследование с целью изучения настроения грузинского общества в отношении России и русских. Исследование прошло в рамках сети «Глобального партнерства по предотвращению вооруженных конфликтов». Подробнее см.: www.istanbulprocess.org/documents/-/asset_publisher/PLdPj4c3bWZT/content/perceptions-of-russia-and-russians-in-georgian-society-in-russian-/?redirect=http%3A%2F%2Fwww.istanbulprocess.org%2Factivities%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_AIBCSmvYxq7k%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1

21 Рик Фон, «Идеология и национальная идентичность в посткоммунистической иностранной политике», изд. Taylor & Francis, 31 января 2004 г. (Ideology and National Identity in Post-communist Foreign Policy)

22 Журнал «Горячий шоколад», октябрь 2008 г., #42

Демократическое развитие является наиглавнейшим приоритетом: сильные демократические институты, справедливость, верховенство закона и открытое общество, способное на свободный выбор, – вот главные задачи, стоящие перед Грузией.

На сегодняшний день единственной моделью развития Грузии является ее интеграция в евроатлантические институты. Однако с точки зрения видения будущего важно установить с Россией отношения абсолютно иного качества и выйти за границы существующих на сегодняшний день взаимоотношений. Вероятно этот прорыв возможно будет тогда, когда Россия из страны девианта трансформируется в государство которое может вкладывать в международную безопасность и в укрепление мира.

ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Александр Крылов

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института Мировой Экономики и Международных
Отношений РАН*

Современная российская политика по отношению к Грузии формируется под влиянием нескольких основных факторов. Грузия расположена в приграничном с Россией регионе Южного Кавказа, который превратился в настоящее время в одну из зон нестабильности современного мира. При этом Южный Кавказ граничит с наиболее проблемным регионом современной России – с Северным Кавказом, оказывает значительное влияние на обстановку в этом регионе, в том числе в плане осложнения и даже обострения имеющихся здесь проблем. Поэтому уже в силу географического фактора происходящие на Южном Кавказе процессы имеют для Российской Федерации куда более важное значение, чем для других внешних по отношению к региону основных мировых игроков.

Сохраняющий высокий внутренний потенциал конфликтности чрезвычайно сложный в этнополитическом отношении Северный Кавказ продолжает оставаться наиболее проблемным и уязвимым регионом России. Именно здесь происходила концентрация сил международного терроризма и религиозного экстремизма, в течение нескольких лет существовало непризнанное государство Ичкерия, которое пользовалось поддержкой ряда мусульманских стран и международных экстремистских организаций. Много лет проблема Ичкерии была наиболее опасной угрозой для постсоветской России. Решение проблемы чеченского сепаратизма стало важнейшим достижением российской политики на Кавказе. Большим успехом Москвы стало не только военно-силовое решение проблемы, но и его юридическое закрепление путем проведенного в Чечне референдума (март 2003 г.). На референдуме подавляющее большинство избирателей проголосовало за новую Конституцию Чечни, законы «О выборах президента Чеченской республики» и «О выборах депутатов парламента Чечни». То, что подавляющее большинство населения, включая и бывших «умеренных сепаратистов», проголосовало за широкую автономию республики в составе Российской Федерации, стало важнейшим этапом в урегулировании проблемы чеченского сепаратизма.

Несмотря на постоянно звучащую в России и за ее пределами зачастую обоснованную критику личности Рамзана Кадырова, теперь очевидно, что его приход к власти отвечал российским интересам. Нынешний президент Чечни не только лоялен центру, но и может эффективно отстаивать перед ним местные интересы, может держать ситуацию под контролем и, что особенно важно, адекватен местному обществу. В результате тенденция к стабилизации в Чечне стала достаточно устойчивой, что открывает перспективу улучшения политической и социально-экономической ситуации в масштабах всего Северного Кавказа. В случае реального продвижения по пути ликвидации социально-экономического отставания Северного Кавказа от других российских регионов тенденция к его стабилизации может приобрести устойчивый характер.

Важная роль Южного Кавказа в системе международных отношений определяет характер тех вызовов, с которыми столкнулась Россия в своем «южном подбрюшье». Поэтому политика России на Кавказе направлена не на достижение каких-то глобальных имперских целей, а на нейтрализацию имеющихся и потенциальных угроз политической, экономической и социальной стабильности Российской Федерации. При этом внешние и внутренние угрозы тесно взаимосвязаны, так что их нейтрализация требует от российского руководства проведения скоординированной политики на Южном и Северном Кавказе.

После победы на парламентских выборах 2012 г. оппозиционного блока «Грузинская мечта» произошло изменение политики Грузии на Северном Кавказе. Новый премьер-министр Б. Иванишвили высказался за нормализацию отношений с Россией. Грузинское правительство заявило о своей поддержке Олимпиады в Сочи и об участии в ней грузинских спортсменов. Оно отказалось от поддержки антироссийских сил на Северном Кавказе, в том числе тех радикальных черкесских организаций, которые требуют международного бойкота Олимпиады в Сочи. В Грузии было прекращено вещание пропагандистского телеканала ПИК, значительно сократилась антироссийская составляющая в грузинском информационном пространстве, возобновлено вещание российских телеканалов. В свою очередь, и Россия начала делать шаги в сторону Грузии и постепенно открывать свой рынок для грузинских товаров.

Несмотря на сохраняющиеся между Россией и Грузией разногласия по абхазской и юго-осетинской проблеме в настоящее время появились реальные перспективы нормализации российско-грузинских отношений, которые отвечают не только интересам России и Грузии, но и долгосрочным интересам заинтересованного в стабильности на Южном Кавказе Европейского Союза.

В результате отказа Грузии от поддержки черкесских радикалов попытки последних де-стабилизировать ситуацию на Северо-Западном Кавказе и осложнить положение России на международной арене путем политических игр на черкесской проблеме закончились неудачей. Обсуждение черкесской тематики, в том числе болезненных исторических проблем, сместилось в русло конструктивной дискуссии ученых и экспертов. Это способствовало нормализации медийной ситуации вокруг Олимпиады-2014 в Сочи и создало более благоприятную ситуацию для ее использования в целях социально-экономического развития Северо-Западного Кавказа.

В экономическом плане Южный Кавказ не играет для России такой важной роли, как в плане военно-стратегическом. Небольшой по размерам регион не является важным рынком сбыта для российских экспортеров нефти и газа, промышленной и сельскохозяйственной продукции. Южный Кавказ не относится и к числу «кладовых» природных богатств мирового значения. Вместе с тем, Россия заинтересована в использовании транзитного потенциала Южного Кавказа и дальнейшем развитии транспортного коридора «Север-Юг», который связывает ее с Ираном, Индией, государствами Ближнего и Среднего Востока по наиболее короткому и не зависящему от погодных факторов пути (от них весьма уязвим морской путь по Каспию).

С точки зрения мировой экономики Южный Кавказ представляет интерес не как поставщик природных ресурсов, в том числе энергетических, а как их «транзитер» из Центральной Азии на мировые рынки, в первую очередь в страны Евросоюза. Очевидно, что это ослабило бы влияние России в Центральной Азии и на международной арене в целом и осложнило бы положение российских энергетических компаний на европейском рынке. Однако опасения в Москве по этому поводу оказались сильно преувеличенными: Китай оказался куда эффективнее Евросоюза в плане строительства новых трубопроводов, в результате основные поставки центральноазиатских энергоресурсов пошли не в западном, а в восточном направлении.

В течение всего постсоветского периода наблюдался постоянный рост влияния кавказского фактора на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Кавказ превратился в неотъемлемую часть российской жизни, многочисленные национальные диаспоры наглядно присутствуют не только в крупных городах, но и в самой отдаленной российской глубинке. Это стало результатом массовых миграций, начавшихся еще во времена СССР. Однако, по сравнению с советскими временами, процесс интеграции мигрантов в российское общество имеет куда более сложный характер, что ведет к обострению межэтнических противоречий и росту внутривнутриполитической напряженности.

Разделение Кавказа новыми государственными границами привело к появлению новых «разделенных народов» и к неслыханной активизации миграционных процессов. После распада СССР границами оказались разделены многие народы региона, как этнические меньшинства (осетины, лезгины, аварцы и др.), так и «титульные» народы государств Южного Кавказа. Например, азербайджанцы теперь проживают не в двух как прежде государствах (СССР и Иран), а в четырех: в Азербайджане, Грузии, Иране и России. Большинство армян проживает не в Армении, а в рассеянной по всему миру армянской диаспоре (наиболее крупная из них теперь находится в России). Большинство азербайджанцев проживает за пределами своего национального государства – в Иране, их вторая по численности диаспора сформировалась в России.

Хотя, в отличие от соседних стран, большинство грузин продолжает проживать в Грузии, и здесь активная миграция населения привела к оттоку значительной части населения в Россию (где сформировалась самая многочисленная в мире грузинская диаспора) и в другие страны. При этом, и тут Грузия вновь отличается от ее соседок по региону, грузинская община представлена исключительно «старыми мигрантами», которые переехали в Россию в советские времена или в начале 1990-х годов, получили российское гражданство и представляют собой достаточно благополучную в социально-экономическом плане интегрированную в местное общество группу населения.

Грузинская община России, в отличие от азербайджанской и армянской общин, не испытывает сильного пресса всего комплекса проблем, связанных с нелегальными мигрантами и массой приезжающих на заработки, не интегрированных в общество гастарбайтеров. Соответственно, все это не является фактором, который оказывает негативное влияние на дву-

сторонние грузино-российские отношения. Более того, имеются большие потенциальные возможности задействовать потенциал грузинской общины России в интересах обеих стран.

С приходом к власти в Грузии правительства Б. Иванишвили для Москвы стало невозможным проведение прежней политики и сохранение той системы отношений, которая была создана после 2008 г. (союзные отношения с Арменией, партнерские отношения с Азербайджаном, но, по возможности, не в ущерб Армении, и игнорирование Грузии). Однако начало переговорного процесса и заявленное Москвой стремление к нормализации двусторонних отношений не означали, что она готова пересмотреть свою позицию по проблемам Абхазии и Южной Осетии радикальным образом.

США и ЕС, даже после официального признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, предпочли воздержаться от острой конфронтации с Москвой. Столь беспокоившая Кремль перспектива расширения НАТО на восток и скорое вступление в этот блок Грузии (в разных заявлениях указывались конкретные сроки такого вступления) вроде бы потеряла былую актуальность.

Причиной столь благоприятного для Москвы развития ситуации на грузинском направлении стало совпадение целого ряда факторов. Тут и печальные для Грузии результаты событий 2008 г., и смена администрации в США, вызвавшая изменение американской политики на Южном Кавказе, и разразившийся мировой экономический кризис, болезненно сказавшийся на странах ЕС и США. Москва проявила твердость в сирийском вопросе, что вызвало сложности в отношениях с США и ЕС, но в итоге американская дипломатия не только учла позицию России, но и стала с ней взаимодействовать в поиске мирных путей решения сирийского кризиса и ликвидации в этой стране химического оружия.

В результате в последние годы международная ситуация складывалась для Москвы довольно благоприятно, и она получила возможность значительно укрепить свои позиции на жизненно важном для себя южном направлении. Главным средством выполнения этой задачи вновь стало наращивание российского военного присутствия и его закрепление на долговременной основе в сочетании с политической поддержкой и финансовой помощью своим союзникам.

Между Россией и Арменией, а также признанными ею в качестве независимых государств Абхазией и Южной Осетией были заключены договора о военном сотрудничестве сроком на 49 лет с возможностью их автоматического продления на 15-летние периоды. Важным для России дополнением к этим договорам стали аналогичные договоры с республиками Центральной Азии и с Украиной о сохранении Севастополя в качестве военно-морской базы российского Черноморского флота до 2042 г.

В результате России удалось выстроить долговременную систему реагирования на возможные потенциальные угрозы на наиболее проблемном для нее южном направлении. Вместе с тем, произошедшие в Грузии изменения потребовали от Кремля отказа от прежней политики игнорирования Грузии, ему необходимо было реагировать на изменения в Тбилиси, причем желательно таким образом, чтобы это пошло на пользу тем политическим силам, которые выступают за пересмотр прежнего курса М. Саакашвили по отношению к России.

Несмотря на изменение политической ситуации в Грузии вряд ли реалистично ожидать, что внешнеполитическая концепция Грузии подвергнется кардинальному пересмотру, что произойдет понижение достигнутого при Саакашвили ценной тяжелой потерей уровня взаимоотношений с США и ЕС. Правительство Б. Иванишвили сохранило в качестве определяющего западный вектор, но при этом оно ослабило некоторые наиболее раздражающие Москву и откровенно конфронтационные форматы грузинской политики (увязывание сочинской Олимпиады-2014 и черкесской проблемы и т.п.). Подобный пересмотр происходил не только исходя из собственной внутривнутриполитической логики, но и с учетом внешнего фактора. Для США и их союзников в преддверии вывода войск из Афганистана в 2014 г. и последующих вероятных изменений и даже потрясений на Большом Ближнем Востоке нецелесообразно создавать себе дополнительные проблемы в виде внеочередной эскалации российско-грузинского противостояния.

Главная сложность на пути нормализации российско-грузинских отношений состоит в том, что на нынешнем этапе ни Москва, ни Тбилиси не имеют возможности отказаться от взаимоисключающих подходов к проблемам Абхазии и Южной Осетии. Отказ РФ от признания Абхазии и Южной Осетии неминуемо вызовет резкое обострение ситуации на Северном Кавказе. Кремлю не приходится ожидать дивидендов от такого шага и на международной арене: вряд ли это изменит характер отношений России с США и ЕС, который определяется отнюдь не состоянием грузино-российских отношений. Имиджевые потери для авторитета России на

международной арене в случае пересмотра ее позиции по Абхазии и Южной Осетии также не могут рассматриваться Кремлем в качестве приемлемых.

В Грузии позиция политической элиты и общества делает невозможным отказ от Абхазии и Южной Осетии для любого правительства и вряд ли эта ситуация изменится в ближайшем будущем. Поэтому Москва и Тбилиси, начиная процесс нормализации двусторонних отношений, были вынуждены изначально выводить Абхазию и Южную Осетию как бы за рамки нынешних двусторонних переговоров и сосредоточиться на тех социально-экономических и гуманитарных проблемах, которые можно решить на современном этапе. Такой подход в нынешней ситуации является единственно возможным, он может привести к определенным результатам в психологическом и социально-экономическом плане. Однако очевидно, что вряд ли процесс нормализации двусторонних отношений может быть действительно успешным и результативным без обсуждения проблемы Абхазии и Южной Осетии, без ощутимого сближения позиций по данному вопросу. До этого Россия и Грузия не могут даже восстановить официальные двусторонние дипломатические отношения. В результате Москва и Тбилиси имеют крайне ограниченные возможности в плане нормализации двусторонних отношений.

Определенный положительный эффект для двусторонних отношений имело открытие российского рынка для грузинских сельхозпроизводителей. Эта мера позволила в короткие сроки оказать положительное влияние на социально-экономическую ситуацию в Грузии. Первыми продуктами, которые были вновь допущены для экспорта в Россию, стали вино и минеральные воды. За первые восемь месяцев 2013 г. экспорт Грузии в Россию был увеличен почти в три раза. По подсчетам грузинских властей, стоимость экспортированной из Грузии в Россию продукции в 2013 г. может достигнуть 100 млн. долл. США,¹ что ощутимо улучшит положение грузинских сельхозпроизводителей.

В ближайшие годы можно ожидать дальнейшего роста экспортных поставок из Грузии в Россию, и это делает более актуальной проблему надежности и пропускной способности имеющихся транспортных путей. Стороны обсуждают планы модернизации таможенного КПП «Казбеги» на границе с Россией, однако потенциал увеличения его пропускной способности весьма ограничен ввиду объективной сложности автомобильных перевозок через Главный Кавказский хребет. Это актуализирует проблему разблокирования альтернативных маршрутов перевозок. Вскоре после формирования нового правительства Грузии с предложением о возобновлении железнодорожного сообщения между Россией и Грузией через территорию Абхазии выступил госминистр по вопросам реинтеграции Паата Закареишвили.

После распада СССР железная дорога в Абхазии утратила свое экономическое значение в масштабах Южного Кавказа, но приобрела важную политическую роль. 14 августа 1992 г. именно под предлогом необходимости охраны железной дороги на территорию Абхазии были введены грузинские вооруженные отряды. Тогда железная дорога была использована в качестве формального предлога для обоснования избранного Тбилиси силового решения абхазской проблемы. В реальности грабежи на железной дороге происходили не в Абхазии, а на территории соседней Мегрелии.

После окончания грузино-абхазской войны в 1993 г. транзитные перевозки не были возобновлены, экономическое значение абхазского участка железной дороги свелось к минимуму. Власти Грузии пытались увязать решение проблемы разблокирования железной дороги с выполнением ряда условий. Первоначально главным было возвращение на территорию Абхазии грузинских беженцев, безопасность которых должны были гарантировать грузинские силовые подразделения на территории Абхазии. Для абхазской стороны подобного рода условия означали бы возврат к довоенной ситуации и перспективу либо капитуляции перед Тбилиси, либо начала новой войны. И то и другое было неприемлемо ни для властей, ни для населения Абхазии.

Происходившие время от времени переговоры по вопросу разблокирования железной дороги обычно заканчивались организованными при поддержке грузинских властей акциями протеста грузинских беженцев, которые блокировали транспортные пути, включая шоссе и дороги. Это служило для Тбилиси удобным способом демонстрации невозможности разблокирования железной дороги из-за массового неприятия этой перспективы беженцами из Абхазии, да и всем населением Грузии.

С приходом к власти М. Саакашвили был взят курс на силовое решение проблемы восстановления территориальной целостности Грузии, и тема разблокирования абхазской железной дороги потеряла какой-либо интерес для Тбилиси.

1 www.civil.ge/rus/article.php?id=25242

В течение первого послевоенного десятилетия экономическое значение абхазского участка железной дороги свелось к минимуму. По ней продолжали ходить местные электрички, она использовалась в основном мелкими торговцами (мешочниками, которыми в это время стала значительная часть местного населения) для подвоза сельскохозяйственной продукции из отдаленных районов на сухумский рынок или на границу с Россией для последующей перепродажи.

Интенсивность железнодорожных перевозок значительно повысилась после изменения политики России по отношению к Абхазии в начале 2000-х годов. Это потребовало срочной реанимации абхазской железной дороги, которая была в короткие сроки проведена российскими железнодорожными войсками на участке от границы до столицы Абхазии. В техническом плане подобным образом можно было бы реконструировать и оставшийся участок железной дороги до р. Ингури с тем, чтобы он стал пригодным для транзитных перевозок в короткие сроки. Однако не технические вопросы, а излишняя политизация проблемы продолжает оставаться основным препятствием для возобновления железнодорожного транзита через Абхазию.

Позиция Абхазии. Власти и население Абхазии относятся к перспективе возобновления ж.д. перевозок весьма настороженно, даже негативно. Для этого есть несколько причин:

1. Возможные доходы от платежей за железнодорожный транзит оцениваются скептически, поэтому данный проект не привлекателен ни для властей, ни для населения.
2. Расположение железной дороги в прибрежной зоне приведет к негативным для туристического бизнеса и для местного населения экологическим, бытовым, шумовым и т.п. последствиям.
3. Озабоченность вызывают связанные с перевозками проблемы безопасности, при этом возможности правоохранительных органов самой Абхазии по нейтрализации потенциальных угроз оцениваются как весьма ограниченные.
4. Есть опасения, что железная дорога в случае ее разблокирования и возобновления масштабных транзитных перевозок может превратиться в своеобразное «государство в государстве», и абхазы утратят возможность влиять на ситуацию.
5. Положение, когда железная дорога используется только в нуждах самой Абхазии, устраивает и власти, и население, которые не видят для себя весомых потенциальных выгод, которые могли бы достойным образом компенсировать возможные проблемы.

Все это вовсе не означает, что позиция абхазского руководства может оказаться определяющей и из-за нее разблокирование железной дороги становится принципиально невозможным. Эту позицию можно охарактеризовать не как жестко негативную (несмотря на известное заявление С. Лакоба о «неприемлемости» такого разблокирования для Абхазии), а скорее как скептическую. Вряд ли эта позиция станет главным препятствием для разблокирования железнодорожного транзита. У российской стороны есть реальные возможности путем диалога с абхазскими властями добиться изменения нынешней скептической позиции на куда более благоприятную.

Главным препятствием для разблокирования железнодорожного сообщения продолжает оставаться высокая степень зависимости Грузии от своих соседей – Азербайджана и Турции. Политика этих государств направлена на экономическое удушение Армении путем ее изоляции от внешнего мира. Хотя этим соседям Грузии пока не удастся ограничить перевозки армянских грузов через иранскую и грузинскую территорию, они в состоянии их затруднить и не допустить их удешевления.

После первых же заявлений из Грузии о возможности разблокирования абхазской железной дороги Баку и Анкара оказали на Тбилиси жесткое давление с целью не допустить возобновления перевозок по железной дороге. Это принесло результат - представители грузинских властей не стали упоминать о роли негативной реакции Баку и Анкары, вместо этого главным объяснением невозможности разблокирования абхазской железной дороги стало «отсутствие заинтересованности» со стороны России и Абхазии.

В условиях нынешней ситуации, характеризующейся высокой степенью политической и экономической зависимости Грузии от соседних Азербайджана и Турции, представляется маловероятным, что уже в ближайшем будущем перспектива использования абхазского участка железной дороги для перевозки в Россию грузов из Армении и Грузии может стать реальной. Куда более вероятно, что она останется заблокированной на довольно длительный срок. Это положение может измениться в том случае, если произойдет радикальное изменение ситу-

ации на Южном Кавказе и/или к югу от него, которое приведет к появлению куда более актуальных для Азербайджана и Турции проблем, чем проблема железнодорожного транзита через территорию Абхазии.

Для радикального улучшения положения в сельском хозяйстве Грузии, а значит и социально-экономической ситуации в целом, необходима долговременная программа его развития и масштабные финансовые вливания. Ограниченные же по своим объемам поставки вина, минеральной воды и других товаров из Грузии в Россию окажут слишком незначительный эффект, чтобы стать важным фактором с точки зрения социально-экономической ситуации в Грузии и в плане положительного влияния на двусторонние отношения.

В нынешней ситуации новому правительству Грузии необходимо продемонстрировать населению быстрый эффект от диалога с Россией и у него попросту нет времени на осуществление долговременной программы развития сельского хозяйства и экономики в целом. Еще сложнее найти источники финансирования подобных программ: вряд ли до окончания экономического кризиса ЕС и США смогут выделить новые миллиарды долларов на кредитование Грузии. Россия же не пойдет на такое финансирование до восстановления дипломатических отношений, что едва ли станет возможным в ближайшие годы.

Если ощутимого улучшения ситуации в Грузии в ближайшем будущем не произойдет, это может привести к укреплению позиций противников правительства Б. Иванишвили, компрометации курса на диалог с Россией и к новому витку напряженности в двусторонних отношениях. В такой ситуации всемерное использование даже имеющихся ограниченных возможностей по нормализации двусторонних отношений приобретает особое значение.

ГРУЗИЯ И РОССИЯ – В ПОИСКАХ НОВОЙ ПОВЕСТКИ

Тенгиз Пхаладзе

*руководитель Международного центра
геополитических исследований*

Уже год Грузия и Россия ведут переговоры в новом двустороннем формате, где стороны стараются создать позитив, не касаясь основных вопросов двусторонней проблематики. Изначально этот диалог вызвал достаточно вопросов, критики и замечаний. Скептицизм в основном касался его эффективности и даже целесообразности. Невзирая на это, сразу после победы на парламентских выборах 2012 года новый премьер Грузии Бидзина Иванишвили ввел должность своего специального представителя по отношениям с РФ и на этот пост назначил опытного дипломата Зураба Абашидзе. После некоторого раздумья Москва также поддержала данную инициативу, и заместителю министра иностранных дел Григорию Карасину, который также ведет переговоры с Грузией в Женевском формате, было поручено ведение диалога с Грузией.

С декабря 2012 по декабрь 2013 состоялось 5 встреч. На последнем раунде 21 ноября стороны подчеркнули, что изначальная повестка, которая была обозначена при первой встрече, сегодня фактически выполнена. Однако указанное заявление не значит, что найдено решение основных проблем. Соответственно сегодня, спустя год после основания грузино-российского официального диалога, можно судить о результатах, дееспособности и жизнеспособности данного формата, говорить о его недостатках и попытаться обрисовать возможность появления новых вопросов и/или видоизменение существующей повестки.

Предпосылки существующего диалога

Считается что перемена власти в Грузии явилась определяющим фактором для начала двустороннего диалога, однако вряд ли это может быть единственной реальной причиной. В Тбилиси и Москве хорошо понимали (или должны были понимать) необходимость таких контактов. Для Грузии это еще одна возможность демонстрации собственной конструктивности, что повышает международный имидж страны, создает возможность снижения политической температуры и тем самым может уберечь страну от новой агрессии.

Российская Федерация также нуждается в формировании собственного конструктивного образа, поскольку статус агрессора и оккупанта, отказывающегося от переговорного процесса, не совсем соответствует облику хозяйки Олимпиады и тем более образу «нового архитектора Европейской безопасности».

Одним словом, если следовать теории международных переговоров, стороны изучили альтернативы переговорного процесса (BATNA) и пришли к выводу, что выгодной альтернативы - BATNA (Best Alternative To Negotiation Agreement) не существует. Соответственно стороны пришли к пониманию, что сохранение существующего статуса было менее плодотворным, чем переговорный процесс, и что начало диалога служит интересам обеих государств.

Кроме того, известно, что переговоры ведутся не только для совместного решения конкретной проблемы, но и для выполнения других задач. В частности, стороны могли поставить себе и иные задачи:

- информационная – подразумевает выяснение точки зрения и взглядов оппонента по конкретным вопросам, обмен мнений, а также передачу определенной информации другой стороне;
- коммуникационная – когда стороны конфликта налаживают каналы для обмена информацией;
- регуляционная – с помощью которой происходит контроль и координация действий участников, а также детализация более общих соглашений с целью их выполнения;
- решение собственных внутривнутриполитических и внешнеполитических задач - когда стороны (или одна из них) заинтересованы не в совместном решении проблемы, а им (или одной из них) выгодно само участие в процессе, и это помогает решать другие внутренние или внешнеполитические задачи;

- пропагандистская - подразумевает воздействие на общественное мнение для легитимации собственных действий и разъяснения своей позиции широким кругам, создание благоприятной для себя (а порой и антагонистической для противника) информационной среды и привлечение на свою сторону новых союзников.

Кроме всего прочего, переговоры являются лучшим инструментом для проверки качества информации и проверки реакции собеседника на то или иное событие. Без переговоров невозможно определить существование BATNA и, соответственно, невозможно найти оптимальное решение существующей проблемы.

Исходя из всего вышеуказанного и преобладания той или иной функции переговоров, складываются сущность и задачи грузино-российского диалога.

Существующая повестка

Переговоры начинаются там, где может существовать переговорное пространство – область, в рамках которой у сторон существуют точки соприкосновения, опираясь на которые можно достигнуть соглашения. Учитывая всю проблематику межгосударственных отношений, включая оккупацию 20% территории Грузии, а также малую плодотворность Женевского формата, где рассматриваются вопросы безопасности на Южном Кавказе, пространство для нового диалога изначально было ограничено. Сторонами был сформирован определенный *Modus Vivendi*, исходя из которого был обозначен круг вопросов, которые могли обсуждаться в двустороннем формате, и вопросы, которые выносились за рамки данного диалога. Оставляя Женевскому формату проблематику оккупированных территорий и безопасности, стороны сконцентрировались на тематике транспортных сообщений, экономики и гуманитарной сферы.

Без сомнения данные темы нельзя назвать главными или определяющими, но они являются менее проблематичными, соответственно, и решаемыми. Интерес Грузии к российскому рынку очевиден, хотя он «разбавляется» высоким политическим риском. Санкциями 2006 года Москва научила Грузию жить без России. Поэтому решение указанных вопросов имело значение и для самой России. Аннулирование санкций могло бы послужить попыткой улучшения собственного имиджа и налаживания дальнейшего диалога с Тбилиси.

В определенных политических и аналитических кругах существует мнение, что разрешение проблематики вокруг всех трех тематических блоков является вопросом политической воли Российской Федерации, а не предметом переговоров. Ведь и бизнес-активность, и транспортные сообщения, и передвижение граждан ограничиваются только российскими властями. Грузия в одностороннем порядке давно упразднила визовый режим для граждан РФ, контрольно-пропускной пункт на границе двух стран был закрыт только с российской стороны, российские компании работают на территории Грузии, и их активность не ограничивалась даже во время войны 2008 г.

Учитывая вышесказанное, может появиться предположение, что альтернативой переговоров (BATNA) могло бы стать одностороннее решение властей РФ об аннулировании санкций против Грузии. Однако подобное развитие изначально исключалось по двум основным причинам:

- подобное одностороннее решение уменьшило бы возможность Москвы «требовать что-то взамен»;
- это означало бы поворотное решение, за которым должен был последовать прорыв по основным тематикам, к чему Москва не была готова;

За последние 20 лет в отношениях Тбилиси и Москвы накопилось больше отрицательных воспоминаний, чем положительных примеров. В результате это привело к отсутствию доверия и полному непониманию сторон. Соответственно, достижение прогресса по вышеуказанным проблемам могло бы стать не только решением конкретных вопросов, но и позитивным «кейсом» в отношениях двух государств.

Переговорные и параллельные процессы

Определение конструктивной повестки и вынесение сложных вопросов за скобки предопределило позитивность и эффективность самого переговорного процесса и его непосредственных итогов. Можно сказать, что встречи проходили без особой напряженности. Однако конструктивность двустороннего диалога часто ставилась под сомнение заявлениями и дей-

ствиями, которые имели место в течение всего переговорного процесса. Порой создавалось впечатление, что хрупкие достижения двустороннего диалога были обречены на дискредитацию и при малейшем прогрессе появлялись барьеры и препятствия, которые не должны были существовать, в частности:

- Оказалось, что предложенные темы подразумевают решение не в комплексном плане, а по частям. Изначально заговорили о восстановлении авиасообщений, далее об открытии наземного транспортного сообщения через КПП Казбеги-Верхний Ларс. Потом долго рассматривался вопрос о возвращении грузинской продукции на российский рынок. Оказалось, что всё вместе и сразу не может вернуться, сначала изучался вопрос минеральных вод, потом – алкогольных напитков, далее заговорили о цитрусах, потом и о других видах сельскохозяйственной продукции. Аналогичное деление коснулось и вопросов культурно-гуманитарной сферы. К примеру, вопрос выдачи виз для граждан Грузии не обсуждался, но отдельным грузинским ансамблям или творческим коллективам было разрешено провести определенное количество концертов в Москве или в Петербурге. Российские эксперты, аналитики, ученые, представители различных фондов и организаций могут ездить в Грузию, а вот их грузинские коллеги пользоваться такой свободой передвижения и деятельности на территории РФ не могут.
- На фоне изучения вопроса возвращения грузинской продукции на российский рынок на Грузию обвалился целый шквал самых немыслимых обвинений, начиная от «злоумышления отравить всю Россию», заканчивая упреками в «кощунстве». Так в частности, главный санитарный врач РФ, глава Роспотребнадзора, Геннадий Онищенко обвинил Грузию в «неуважительном отношении» к винограду. «Если бы они (грузины) виноград ввозили, я бы сам через границу перевозил, а они его портят – переводят в вино. Представляете, святой продукт, продукт от Бога, воспетый и в языческой, и в христианской религии, а они берут его и делают из него алкогольный напиток. Кошмар просто!» - заявил Онищенко на пресс-конференции в Москве 31.05.2013.¹
- Следует отметить, что само качество грузинской продукции порой «менялось» в зависимости от тех или иных политических решений и заявлений Грузии. Так, например, на фоне протестов Тбилиси против т.н. «бордеризации» и перенесения оккупационной линии (об этом процессе речь пойдет ниже), а также резкой критики политики России со стороны президента Саакашвили на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН Роспотребнадзор в начале октября 2013 г. отказался пропустить на российский рынок 28 образцов грузинской алкогольной продукции, представленной производителями для государственной регистрации.
- Особые претензии предъявлялись в связи с функционированием в Тбилиси Исследовательского центра общественного здоровья им. Ричарда Лугара, который российские официальные лица почему-то упоминают как «американскую биологическую лабораторию». 12 июля 2013 г. МИД РФ высказал «серьезную озабоченность» в связи «с биологической деятельностью Минобороны США вблизи российских границ».² Причины данной озабоченности и дипломатическую терминологию более внятно разъяснил г-н Онищенко. «По нашим оценкам, эта лаборатория является важным звеном в наступательной части военно-биологического потенциала США», - заявил глава Роспотребнадзора. По словам Онищенко, целью этой лаборатории является изучение ситуации с природными очагами циркуляции вирусов на территории России и Закавказья. Она также занимается разработкой рецептуры, которая может быть скрыто задействована в дестабилизации экономики, политической ситуации в стране. Вспышка в России африканской чумы свиней произошла в результате спланированной диверсии с территории Грузии. В связи с этим Онищенко предложил решить проблему радикально - закрыть центр им. Лугара, который является биологической лабораторией ВМС США.³ Естественно, что никаких доказательств данных предположений представлено не было. В ответ на эти обвинения Грузия не раз заявила о своей готовности в любое время принять экспертов из России, чтобы развеять их сомнения по поводу деятельности Цен-

1 Newsru.com 31.05.2013; «Онищенко: в Грузии «портят» виноград, превращая его в вино, да и «Боржоми» уже не тот» . www.newsru.com/finance/31may2013/onischenko.html

2 Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с публикацией доклада Государственного департамента США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения. www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/44C8A0DBC9AB5BF644257BAD001FAD8F

3 Российская Газета 14.10.2013; «Онищенко призвал Грузию закрыть биологическую лабораторию США» www.rg.ru/2013/10/14/lab-site.html

тра им. Лугара. Однако переубедить некоторых российских должностных лиц пока еще не удалось. Более того, Онищенко открыто заявил, что наличие в Грузии американской «военной биологической лаборатории» остается препятствием для развития экономических связей с РФ: «По сути, колониальное положение Грузии в связи с неподконтрольной работой в этой стране военных структур США не может нас не беспокоить. И это главное препятствие для дальнейших шагов, направленных на допуск грузинской продукции».⁴

- Как уже отмечалось, сами двусторонние переговоры проходили в довольно деловой и доброжелательной обстановке, однако конструктивность российского представителя Григория Карасина в двустороннем формате «разбавлялась» резкостью и неконструктивностью того же Григория Карасина на Женевских переговорах. Ни одна из миротворческих инициатив, выдвинутая новым руководством Грузии, не нашла позитивное восприятие и понимание со стороны РФ, в результате было сорвано несколько раундов переговоров. В ответ на предложения грузинской делегации Карасин заявил, что «большие надежды на то, что приход в Грузии новых людей к власти приведет к «важным и принципиальным решениям» в рамках Женевских дискуссий по обеспечению безопасности и стабильности в Закавказье, не оправдались».⁵
- В декабре 2012 года была принята новая Концепция внешней политики РФ, которая гласит, что Россия и впредь будет поддерживать государственность Абхазии и Южной Осетии (ст. 51), а с Грузией она будет строить отношения «при учете политических реалий, сложившихся в Закавказье».⁶ Знаменательно то, что эта формулировка появилась уже после того, как Москва заявила о своем согласии начать диалог с новыми властями Грузии и когда уже состоялся первый раунд данного диалога. Соответственно, такая отметка в новом стратегическом документе никак не может быть расценена как попытка построения доверительных отношений и реального урегулирования существующих проблем.
- Особое осложнение вызвала так называемая «бордеризация». Весной 2013 года на территории Грузии в регионе Шида Картли Российская Федерация активизировала процесс переноса оккупационной линии и начала выстраивать ограждения из колючей проволоки. В результате у местного населения были ограничены фундаментальные права и свободы, в том числе право перемещения, образования, и другие гражданские и экономические права. Была ограничена доступность воды и сельскохозяйственных ресурсов. Часть населения лишилась не только земли сельскохозяйственного назначения, но и жилых помещений и была вынуждена покинуть собственные села. В результате процесса т.н. «бордеризации» длина колючих заграждений составила 22-25 километров и передвинулась на 120-150 метров вглубь территории, контролируемой центральной властью Грузии.⁷ Процесс «бордеризации» в селах, прилегающих к зоне конфликта, возобновился 17 сентября, за ним последовал протест местного населения. В результате у населения вновь ограничена деятельность на собственных сельскохозяйственных участках, вход на кладбище и доступность первичной медицинской помощи. К концу 2013 года российские пограничники к колючей проволоке добавили и так называемые пограничные баннеры, которые были смонтированы в грузинских селах Кнолеви, Авлеви, Церониси, Тамарашени, Гогети, Дирби, Двани, Эргнети, Дици, Кере, Плави, Плависмани, Меджврисхеви, Цицигианткари, Земо Никози.⁸

Итоги первого года

Несмотря на вышеупомянутые препятствия, грузино-российский диалог дал свои положительные результаты, и первоначальная повестка в основном была реализована. За один год

4 Интерфакс 02.10.2013; «Онищенко выразил обеспокоенность «бесконтрольной» работой военной биологической лаборатории США в Грузии» www.interfax.ru/news.asp?id=332268

5 Итар-тасс; 6 ноября 2013; «Смена руководства в Грузии не привела к принципиальным решениям в рамках Женевских дискуссий - МИД РФ» www.itar-tass.com/politika/756478

6 Официальный сайт МИД РФ; Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

7 Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia in reaction to the installation of wire fences by the Russian occupation forces along the occupation line of the Tskhinvali region www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=59&info_id=16336

8 Statement of the Georgian Foreign Ministry in reaction to the illegal actions of Russian troops across the occupation line in the Tskhinvali region www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=59&info_id=17051

двусторонних переговоров были восстановлены воздушное и автотранспортное сообщения, грузинские минеральные воды, алкогольная и сельскохозяйственная продукция вернулись на российский рынок.

Как правило, при оценке переговорного процесса бенефиты российской стороной не упоминаются, и разговор идет лишь о плюсах для грузинской стороны. Однако было бы слишком наивно рассматривать данные переговоры в призме односторонних уступок со стороны РФ, тем более, что такие действия Москве совершенно не свойственны. Кроме «косвенных результатов» (к примеру, возможность улучшения собственного имиджа), Россия, в свою очередь, получила согласие Грузии не бойкотировать сочинскую Олимпиаду и предложение относительно сотрудничества по безопасности во время Олимпиады, также смягченную риторику грузинского официоза, доступ к грузинскому телевизионному пространству и возможность увеличения своей культурной, образовательной и информационной активности в Грузии.

В целом итоги 5 раундов диалога можно считать удовлетворительными для обеих сторон. Сам факт существования переговорного пространства (хоть и узкого) и обоюдное желание выйти из политического тупика уже является существенным достижением. Однако результаты выглядели бы ярче, если они не омрачились бы другими вышеупомянутыми негативными процессами, которые развивались на и вокруг оккупированных территорий Грузии. Тот позитив, который вырисовывался в результате двусторонних переговоров, был явно обесцвечен и затмлен прежде всего политикой «бордеризации». Если в отношениях России с новыми властями Грузии опорной точкой на самом деле является готовность к урегулированию и желание выстроить новые отношения, то найти логическое объяснение конструированию колючих ограждений очень сложно. Государства, вступившие в диалог и заинтересованные в его позитивном исходе, должны стараться как минимум не создавать дополнительных барьеров переговорному процессу. После августа 2008 г. прошло 5 лет, а процесс «бордеризации» начался именно тогда, когда стороны вступили в диалог и заговорили о возможности деэскалации. При таких реалиях проблема кроется не только в международно-правовой плоскости, под вопрос может быть поставлена беспритворность одного из участников, что ни коим образом не будет способствовать нахождению обоюдодоприемлемых решений и достижению консенсуса.

Перспективы будущего

Вышеописанные реалии еще раз свидетельствуют, что сегодняшнее состояние грузино-российских отношений является глубоким и комплексным политическим кризисом, истоки которого лежат достаточно глубоко. Соответственно его разрешение требует весьма осторожного и взвешенного подхода.

Факт, что и Грузия, и Россия осознали необходимость диалога, является весьма обнадеживающим фактором, и стороны должны сделать все возможное для сохранения данного формата и увеличения его эффективности. Вряд ли сегодня можно говорить о расширении тематики для двустороннего формата, однако существующую повестку можно наращивать и дополнять конкретными вопросами, которые будут способствовать росту взаимодоверия и двусторонней конструктивности. Таковыми могут стать конкретные предложения о развитии сотрудничества в сферах медицины, экологии, транспорта и т.д. При условии, что обстановка не будет усугубляться и обостряться в сферах, которые сторонами обозначены как «красные линии».

Стороны должны осознать, что стереотипы, сформировавшиеся еще с советской эпохи, являются основным препятствием для объективной оценки существующих реалий. Соответственно каждому следует найти в себе волю, чтобы отказаться от стереотипного мышления и предпринять усилия, чтобы как минимум понять, как видится та или иная проблема с другой стороны и не усугублять проблематичные и болезненные темы.

Культурные и научные контакты между двумя странами могут послужить хорошей платформой для обсуждения спорных исторических вопросов, в том числе и с участием представителей абхазского и осетинского общества. К примеру, в российских и грузинских архивах хранится множество документов, которые имеют ключевое значение для изучения новейшей истории. Совместные исследования способствовали бы как установлению и оценке исторических процессов и отдельных фактов, также деполитизации некоторых спорных и болезненных вопросов.

Спектр проблем и спорных вопросов довольно широк и разнообразен. Однако основная сложность межгосударственных отношений замыкается на двух субстанционных положениях:

- в России уверены, что Европейская и Евро-Атлантическая интеграция Грузии направлена против России и является угрозой для национальной безопасности;
- в Грузии уверены, что Россия не заинтересована в существовании грузинского государства и сделает все для ослабления или же полного уничтожения этой государственности.

При этом оба утверждения являются такими могущественными и жизнеспособными, что порой воспринимаются как аксиомы. Опасность данных соображений усиливается конкретными действиями политиков, а еще больше их воплощением в стратегические политические документы (например, «Стратегия Национальной Безопасности РФ»). Вектор Европейской и Евро-Атлантической интеграции является ключевым и определяющим для грузинской внешней политики. Несмотря на существующие проблемы территориальной целостности, внешнеполитическая ориентация государства остается безальтернативной. Сотрудничество с ЕС и НАТО Грузия начала сразу после приобретения независимости. Евро-Атлантическая интеграция является сознательным и свободным выбором всего многоэтнического и многоконфессионального населения страны, а не «навязчивой идеей» политической элиты, что окончательно было подтверждено итогами плебисцита 2008 г.⁹ Однако Грузии предстоит более убедительно объяснить и доказать, что данный выбор не направлен против России, что стремление к полноправному членству демократической семьи не означает альянс против собственных соседей и что развитая, стабильная и демократическая Грузия является не угрозой, а одной из гарантий безопасности и стабильности на всем Кавказе, т.е. на южных границах РФ.

Членство Грузии в НАТО сегодня уже не кажется неосуществимой идеей, и это хорошо понимают в политических и аналитических кругах России. Соответственно можно до бесконечности говорить о «сужении неприятельского кольца вокруг русских земель» и этим самым усилить существующую конфронтацию, но также можно набраться смелости и за идеологическими преградами увидеть давно существующую реальность, что Россия и ЕС, Россия и НАТО не один год являются непосредственными соседями и что самая меньшая опасность (не только военная угроза, но и терроризм, нелегальная миграция, организованный криминал, наркотики, трафикинг, контрабанда и т.д.) исходит именно от тех границ, где расположены государства Северо-Атлантического Альянса.

Со своей стороны Россия также должна объяснить и подтвердить, что может и готова воспринять Грузию, как равноправного субъекта международных отношений, имеющего право на собственный свободный выбор. Москва окажется в явном выигрыше, если сможет с такой же почтительностью заговорить о грузинской государственности, с какими сентиментами она говорит об исторической дружбе с грузинским народом.

XX век служит неопровержимым доказательством того, что конфронтация, а также политика насильственного решения будущего той и иной страны не приводят к успеху ни одно государство. Антагонистическая игра (Zero Sum Game) сегодня не может иметь победителей, и она неприемлема для XXI века. Современность (равно, как и будущее) определяет весомость и могущественность государства уровнем его экономического и демократического развития, способностью приобретения партнеров и умением мирного разрешения спорных вопросов и разногласий. В современном мире достаточно «молодых стран», которые осознали эту реальность и смогли к ней адаптироваться. И Грузия, и Россия насчитывают не первые тысячелетия своей государственности, и на этом историческом пути им приходилось находить новые, порой и неординарные решения. Сегодняшний кризис является весьма значительным и определяющим тестом для дальнейшего развития обеих сторон. В решении сегодняшних проблем не может быть побежденного и победителя, будущее этих стран взаимосвязано, и оно может быть успешным, лишь следуя принципу обоюдного выигрыша (win-win).

9 Здесь же необходимо отметить, что картина не менялась и не после войны 2008 года, и не после парламентских и президентских выборов 2012 и 2013 г.г. Данное подтверждается многочисленными социологическими исследованиями, проводимыми как грузинскими, так и иностранными и международными организациями.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Дина Малышева

доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Резюме

В статье исследуется *проблема* воздействия международных акторов на российско-грузинские отношения после августа 2008 г. и по настоящее время. *Актуальность* данной проблемы определяется значимостью международных факторов для российско-грузинских отношений, общими задачами разработки эффективных внешнеполитических решений в сфере российско-грузинского взаимодействия, потребностью в экспертном обеспечении процесса принятия внешнеполитических решений в контексте отношений России и Грузии с международными игроками.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что интересы и стратегии внешних игроков не всегда коррелируются с задачами нормализации российско-грузинских отношений. Поднятые в статье *исследовательские вопросы* включают в себя оценку потенциала международных игроков, анализ их интересов и целей, особенностей взаимодействия (политического и экономического) с Россией, Грузией и мировыми центрами силы (США, ЕС), результативность стратегий внешних сил в плане стабилизации российско-грузинских отношений.

Методология статьи базируется на концептуальных наработках современной политической науки о международных отношениях с использованием, в частности, таких *методов*, как системный анализ (он позволяет подойти к исследованию как к комплексу проблем, вытекающих из единого процесса) и метод case studies (исследования конкретных случаев). В заключении статьи в контексте меняющейся позиции международных игроков оцениваются альтернативные возможности решения проблемы и даются *рекомендации* для их оптимизации.

Введение

Историческое соперничество на Кавказе Российской империи, Ирана (Персии) и Турции (Османской империи), несколько поутихшее за время пребывания завоеванных или же мирно присоединенных Москвой кавказских территорий в составе сначала Российской империи, а затем СССР, возобновилось – но уже в ином качестве – после появления на месте республик Советского Закавказья, трех независимых государств – теперь уже Южного Кавказа. Там в наши дни, наряду с Россией, активно действуют «старые» участники кавказской геополитической игры – Турция и Иран, а также новые акторы – США и Евросоюз. В связи с этим учет международного фактора необходим при анализе состояния и перспектив российско-грузинского взаимодействия, что придает этой проблеме особую *актуальность*. Она определяется также общими задачами разработки эффективных внешнеполитических решений в сфере российско-грузинского взаимодействия, потребностью в экспертном обеспечении процесса принятия внешнеполитических решений в контексте отношений России и Грузии с международными игроками.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить степень воздействия международных игроков на взаимодействие России и Грузии. Для достижения данной цели решаются следующие *задачи*:

- оценивается политико-экономический потенциал международных игроков;
- выявляются их интересы и цели в контексте отношений с Россией и Грузией;
- анализируется результативность стратегий внешних сил в плане стабилизации российско-грузинских отношений.

Важность исследуемой в статье темы определяется значимостью международных факторов для российско-грузинских отношений, общими задачами разработки эффективных внешнеполитических решений в сфере российско-грузинского взаимодействия, потребностью в экспертном обеспечении процесса принятия внешнеполитических решений в контексте отношений России и Грузии с международными игроками.

Практическое значение проведенного в статье исследования основывается на том, что его основные положения и выводы можно использовать при определении векторов развития взаимоотношений России и Грузии с их международно-политическими партнерами, а также при информационно-аналитическом обеспечении политики России и Грузии в отношении международных игроков.

Методология исследования базируется на концептуальных наработках современной политической науки о международных отношениях с использованием, в частности, таких методов, как системный анализ и метод исследования конкретного случая (case studies).

Основное содержание проблемы

Турция

Современная Турция имеет немалый экономический и финансовый вес на всем постсоветском пространстве. В пользу Турции говорит ее геостратегическое положение, позволяющее этой ближневосточной республике контролировать Черноморские проливы, играть видную роль в обеспечении безопасности в Черноморско-Каспийском регионе (ЧКР), в поставках в страны Европейского союза каспийских нефти и газа. Турцию можно рассматривать также и как страну, непосредственно участвующую в попытках США и Евросоюза закрепиться в ЧКР, чтобы эксплуатировать его нефтяные и газовые ресурсы в обход России. Речь идет о «малом» трубопроводе Баку-Супса, по которому добываемая на каспийском шельфе азербайджанская нефть подается в Турцию и на внешние рынки, о протянутом до Средиземного моря Основном экспортном нефтепроводе Баку-Тбилиси-Джейхан и о Южнокавказской газовой магистрали Баку-Эрзерум. Все эти проекты, в которых Турция играет ключевую роль, призваны снизить экономическую зависимость Грузии, а также и Азербайджана от России.

В 2002 году Партия справедливости и развития (ПСР), основанная в 2001 г. на базе исламистской Партии добродетели, одержала убедительную победу на парламентских выборах, упрочив ее затем на последующих парламентских выборах в 2007 и 2011 годах. Лидеры правящей партии – Реджеп Тайип Эрдоган и Абдулла Гюль – заняли соответственно посты премьер-министра и президента (в 2007). На фоне расширения позиций ПСР в политической жизни Турции развивалось российско-турецкое взаимодействие в политической сфере. Оно было подкреплено растущими торгово-экономическими связями, в результате чего Турция превратилась в крупнейшего после ЕС торгового партнера России. Такое сближение с Россией побуждает Турцию к большему учету в регионе Кавказа российских интересов, к проведению там более сбалансированной политики. Однако же в целом российско-турецкие отношения имеют больше тактическое, нежели стратегическое наполнение: у обеих стран нет общей политической повестки дня, и они имеют не так уж много схожих политических интересов. В России опасаются также возможности усиления культурно-образовательного, религиозного, политического воздействия Турции на черкесские и другие мусульманские общины Кавказа, Поволжья, Крыма, поскольку это может благоприятствовать деятельности радикальных исламистских движений, как в самой России, так и в сопредельных с ней государствах. Подобная перспектива, теоретически, должна настораживать и Грузию, учитывая заметно усилившийся в современной внешней политике ПСР религиозно-прозелитский компонент, тесно переплетенный с идеями «неоосманизма».

Грузия занимает особое место во внешнеполитической стратегии Турции, активно развивающей с этим своим военно-политическим партнером торгово-экономические отношения, включающие в себя совместные проекты в области энергетики и транспортной инфраструктуры. Турция заинтересована в Грузии и как в стране, через территорию которой можно осуществлять транзит энергоресурсов и торговых грузов в Россию и другие страны. Важную роль в деле превращения территории Грузии в своего рода «экономический мост» между Турцией и Азербайджаном играет железная дорога Баку-Карс.

В прошлом грузинское руководство надеялось на то, что, широко открывая для Турции границы республики, оно сможет с помощью турецкого фактора ослабить российское влияние и в самой Грузии и в регионе Кавказа. Результатом стал резкий рост влияния Турции в отдельных регионах Грузии, что особенно тревожно в контексте сохраняющихся притязаний Турции на Аджарию, которая формально остается под турецким протекторатом и включается часто некоторыми турецкими изданиями в границы «Новой Турции». Не секрет также, что Турция использует внутренние проблемы Грузии (экономические, социальные, национально-этнические) и ее сложные отношения с Россией для реализации собственных геополитических интересов.

Иран

Потенциал Ирана определяется его геостратегическим положением в Ближневосточном, Кавказском и Каспийском регионах, ролью центра мирового шиизма, обладанием крупнейшими источниками углеводородных природных ископаемых. Иран оставался в экономической и политической изоляции до президентских выборов 2013 г., победу на которых одержал Хасан Роухани – политик, считающийся более умеренным по сравнению со своим предшественником и потому реально способный нормализовать отношения с США и ЕС. В числе других задач внешней политики Ирана по-прежнему остается выстраивание добрососедских отношений с Россией и государствами Южного Кавказа.

Исламская Республика Иран – одна из немногих стран в мире, которой удалось путем максимального дистанцирования от всех существующих центров силы доказать свою суверенность и субъектность в мировой политике. Это означает, что ни у одного государства или же международной организации практически нет инструментов влияния на Иран. Однако именно Россия, накопившая уже определенный опыт (опирающийся в том числе и на советское прошлое) в создании уравнивающих глобальное противостояние балансов и контрбалансов, может привлечь Иран к выстраиванию на Кавказе новой и более устойчивой системы региональной безопасности. От новоизбранного иранского президента в России ждут также активизации сотрудничества по проблемам Каспия.

Иран, однако, является достаточно сложным партнером. Предпочитающий при всех своих властных режимах формировать систему внешнеполитических балансов на основе двусторонних отношений Тегеран в вопросах поставок нефти и газа в Европу имеет с Москвой конкурирующие интересы, которые умело отделяются иранским внешнеполитическим руководством от сотрудничества с Россией в области ядерной энергетики. Сбалансированность и осторожность присуща и иранской тактике, касающейся российско-грузинских отношений. Например, официальный Тегеран не осудил действий России в августе 2008 года, но и речи о признании Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств не ведет, учитывая, что в Исламской Республике сохраняет свою остроту проблема входящих в ее состав курдов, белуджей, арабов и других народов. Иран, кроме того, не желает таким шагом испортить отношения с Грузией – весьма привлекательным для Ирана торгово-экономическим и политическим партнером на Кавказе.

Приоритетными для Ирана являются следующие факторы:

- возможность использования грузинской территории для транспортировки нефте- и газопродуктов из Ирана в Европу (в случае нормализации отношений с ней);
- перспектива подключения к транспортному коридору Север-Юг, где Грузия является важным звеном, поскольку имеет выход к Черному морю, что может благоприятствовать развитию ирано-грузино-европейских торговых связей;
- доступ к получению необходимых товаров и технологий и экспорт собственных товаров;
- поддержание региональной безопасности, противодействие этническому сепаратизму и религиозному экстремизму.

Углубление грузино-иранских отношений, в результате чего в руках иранского бизнеса могла бы оказаться значительная часть местной экономики, можно рассматривать с разных позиций: как свидетельство экспансии Ирана на те немногие мировые рынки, неприкрытые вследствие экономической блокады ЕС/США; как показатель устремлений Грузии к налаживанию связей с альтернативными России экономическими партнерами. В открытии же 4 ноября 2011 г. в центре Батуми генерального консульства Ирана можно при желании разглядеть стремление Тбилиси уравновесить в Аджарии турецкое влияние, ставшее чрезмерным.

В свое время, однако, иранцы, пытавшиеся вести в Грузии самостоятельную игру, не добились каких-либо ощутимых успехов в контактах с Асланом Абашидзе – руководителем Аджарии до «революции роз». Практически ни к чему не привели и усилия Тегерана создать «базу поддержки» в среде мусульманского (шиитского) населения в Квемо Картли. Имеются сведения, что незадолго до военных действий на Кавказе в августе 2008 г. иранцы проявляли интерес к Южной Осетии и Абхазии, руководствуясь, как они объясняли это сами, одним лишь желанием оказать услугу России. Иранские политики и эксперты попытались также через посредников довести до цхинвальских властей идею о том, что интерес Ирана к Южной Осетии обусловлен общностью этнического происхождения персов и осетин и тем, что осетины даже говорят на языке северных иранцев. Тем не менее, политики Южной Осетии встретили эти

инициативы Ирана довольно прохладно, не говоря о негативной реакции Абхазии, большей части населения которой Турция – историческая соперница Ирана на Кавказе – этнически и культурно несомненно ближе.

До недавнего времени США противодействовали ирано-грузинским контактам в экономической и транспортно-энергетической сферах, как и установлению Грузией в 2011 г. облегченного визового режима для граждан Ирана. США настаивали на том, чтобы в Грузии отнеслись с большим пониманием к американским интересам, которые Грузии нужно было учесть при ее контактах с Ираном. В этом ключе и можно рассматривать отмену официальным Тбилиси с 1 июля 2013 г. безвизового режима с Ираном: Грузия вынуждена была выполнять принятые на себя обязательства и не смогла игнорировать американскую политику «сдерживания» Ирана.

США/НАТО

Политика США на кавказском направлении сконцентрирована в основном на возведении системы коммуникаций для транзита энергоресурсов Каспия с тем, чтобы установить более низкие цены на энергосырье, обойти Россию как ключевого поставщика энергоресурсов в Европу и не допустить канализации каспийских ресурсов в восточном (китайском и японском) направлении. США стремятся также минимизировать роль Ирана не только на Ближнем Востоке, но и на Кавказе. Заинтересованы они и в продвижении финансируемых ими экономических и энергетических проектов, а значит – в разрешении застарелых кавказских конфликтов и предотвращении новых, которые могут воспрепятствовать реализации таких проектов.

В своей политике в отношении государств региона США склонны, как правило, руководствоваться постулатами, на которых зиждется в значительной мере идентичность американской нации, – свобода личности, права человека, демократия, гражданское общество. Роль исторических, культурных, религиозных факторов США, как правило, считают менее значимыми, а потому в своих оценках политических процессов на Кавказе, а также имеющих там место конфликтных ситуаций, США часто недооценивают роль традиционных, этнических, религиозных факторов, которые на Кавказе порой оказываются выше национально-государственной идентичности.

Приход к власти в Грузии в результате парламентских (1 октября 2012 г.) и президентских (27 октября 2013 г.) выборов новой политической силы, которую символизирует коалиция «Грузинская мечта», серьезно не повлиял на внешнеполитические приоритеты Грузии: она продолжила курс на евроинтеграцию и сохранение отношений стратегического партнерства с США/НАТО. Остаётся в силе и подписанная в Вашингтоне 9 января 2009 г. американо-грузинская Хартия о стратегическом партнерстве, предусматривающая углубление интеграции Грузии в Евроатлантический союз. Сохраняют силу и обещания НАТО открыть двери для вступления Грузии в альянс. Это подтверждено заявлением генерального секретаря НАТО Андерса фог Расмуссена о том, что «стабильная и демократическая Грузия имеет будущее в НАТО» при условии, если она «проведет необходимые реформы, организует свободные и справедливые выборы, будет уважать законность и права человека».

С 2015 года Грузия планирует стать частью Сил быстрого реагирования НАТО, а ее внешнеполитический курс, направленный на интеграцию в евроатлантические структуры, поддерживается элитами и не вызывает у населения отторжения.

Европейский союз

Политика Евросоюза в Грузии и на постсоветском пространстве в целом по сравнению с отношениями США к процессам политической трансформации в этом регионе имеет в своей основе более реалистичное содержание. В отличие от американской практики «экспорта демократии» (в том числе и военным путем), ставшей особенно распространенной в период пребывания у власти в США администрации Дж. Буша-младшего, многие европейские политики демократию трактуют, прежде всего, как культурную ценность, которая должна эволюционировать самостоятельно без внешнего давления и в течение длительного исторического периода. Большая осторожность и сдержанность европейцев во многом обусловлена продолжающимся осмыслением в ЕС перемен в Восточной и Центральной Европе и трудным «перевариванием» Евросоюзом его новых членов.

Экономический кризис и «арабская весна» внесли существенные коррективы в стратегию ЕС на Кавказе, побудив европейские страны обратиться к решению более актуальных

для себя вызовов и угроз – поддержание евро, массовая миграция из стран Северной Африки, энергетический дефицит, вызванный войнами и конфликтами в Ираке, Ливии, Сирии. Тем не менее, свертывания деятельности Евросоюза на Кавказе, по крайней мере, в приоритетной для ЕС энергетической сфере не произошло. Некоторая активизация ЕС на исходе 2013 г. связывается в значительной мере с программой «Восточное партнерство» (ВП), нацеленной на сближение ЕС с Азербайджаном, Арменией, Грузией, а также с Молдовой, Белоруссией и Украиной.

«Восточное партнерство», не предусматривающее членство в ЕС, предполагает в то же время углубление политического и экономического сотрудничества его участников с Евросоюзом, включая облегчение визового режима и взаимодействие в сфере энергетики. Европарламентом не так давно была принята резолюция с осуждением России за то, что она якобы оказывает давление на страны постсоветского пространства, чтобы они не подписывали на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» в ноябре 2013 года соглашений об ассоциации с ЕС. Но есть немало примеров и имеющего отчетливую антироссийскую направленность прямого давления отдельных стран ЕС на участников «Восточного партнерства».

Так вот на Армению обрушилась волна критики и угроз «отлучить» ее от ЕС после объявленного 3 сентября 2013 г. президентом С. Саргсяном решения присоединиться к Таможенному союзу (ТС) и участвовать в дальнейшем в формировании Евразийского экономического союза. Тем самым Армения отложила вопрос – он как раз и должен был решаться на Вильнюсском саммите ВП 28-29 ноября 2013 г. – о своем участии в зоне свободной торговли ЕС. Однако же географические, экономические и политические императивы указали Армении на евразийское направление, а в рамках ТС, который может принести ощутимые выгоды армянской экономике, республика надеется реализовать задачу свободного перемещения людей, товаров, услуг, проблему трудовой миграции.

Попытки ЕС выработать в отношении Грузии и России (и в целом всех постсоветских республик) собственную консолидированную политику, сыграть самостоятельную роль в разрешении здесь конфликтных ситуаций не увенчались особым успехом, в том числе и в силу того, что по важнейшим аспектам международного взаимодействия с государствами Содружества европейцам приходится сотрудничать с американцами; у США, кроме того, есть и другие рычаги давления на своих западноевропейских партнеров. Тем не менее, было бы упрощением рассматривать политику ЕС в Грузии, на Кавказе и в постсоветском мире в целом только лишь как отражение американских интересов, поскольку между ЕС и США существуют разночтения относительно некоторых вопросов обустройства стран СНГ, их внешней политики, суверенитета, конфликтов.

Грузия, оставаясь верной курсу евроинтеграции, в отношениях с ЕС будет более всего заинтересована в решении экономических вопросов, связанных с развитием торговых отношений и созданием свободной экономической зоны. В Грузии осознают, что возможное подписание на ноябрьском саммите «Восточного партнерства» договора об ассоциированном членстве с ЕС сразу не решит всех проблем, а потому естественным видится стремление Грузии получить в будущем новые механизмы для развития партнерства с Евросоюзом.

Альтернативные варианты решения проблемы

1. Планам Грузии по ограничению притока турецкого капитала в свою страну, по снижению чрезмерной активности Турции в определенных районах (Аджария) может помочь восстановление полноценных торгово-экономических отношений с Россией.
2. В свою очередь чрезвычайно выгодный для Турции транзитный проезд через Грузию в Россию, открытие новых КПП на турецко-грузинской границе даст Анкаре дополнительное преимущество перед конкурентами для укрепления своих позиций на российском рынке.
3. Для Ирана, внешнеполитическим приоритетом которого остается регион Ближнего Востока (и Персидского залива), Кавказ имеет второстепенное значение, интересуя Иран в первую очередь как регион, удобный для транзита энергоносителей и товаров. При этом интересы Ирана и России на Кавказе совпадают хотя бы потому, что оба игрока стремятся сохранить здесь статус-кво и не допустить утверждения нерегиональных сил (США), деятельность которых часто рассматривается Москвой и Тегераном как угрожающая их интересам на Кавказе и подрывающая безопасность государств региона. Естественное усиление влияния на Южный Кавказ Ирана, если и будет происходить, не станет нести угрозы государствам региона, невзирая на то, что политическое и экспертное сообщество США и Израиля склонно такую угрозу преувеличивать.

4. Альтернативой жесткому прессингу со стороны США, направленному на сохранение Грузией исключительно атлантической и проамериканской ориентации, на требование следовать любой ценой вектору на вхождение Грузии в НАТО для решения вопросов безопасности, может стать такой взятый администрацией США сбалансированный внешнеполитический курс, который примет во внимание объективный факт нахождения Грузии в общем с Россией цивилизационном (евразийском) пространстве, наличие во многом схожих для России и Грузии социальных, экономических и геостратегических вызовов.
5. Европейский сценарий для Грузии, как и для других участников «Восточного партнерства», может стать реалистичным, возможно, только в случае принятия в ЕС Турции, что пока представляется маловероятным, поскольку предпосылок для этого нет. Альтернативой развития устремлений Грузии к вхождению в Европейский союз может стать ее присоединение в том или ином качестве к евразийскому интеграционному проекту – в том случае, разумеется, если он наполнится конкретным содержанием и обретет более привлекательные по сравнению с ЕС черты. Что касается современной концепции Евразийского союза, то она трактуется некоторыми российскими политологами (Ф. Лукьянов) как попытка «отладить схему взаимоотношений между тремя странами-участницами Таможенного союза». В перспективе же в Евразийском союзе могут быть созданы по аналогии с ЕС межгосударственные рабочие органы, которые могли бы согласовывать позиции стран-участниц.

Рекомендации

- При формировании своих внешнеполитических стратегий России и Грузии придется учитывать тот дискурс, который воспроизводится значимыми для региона Кавказа объектами (Турция, Иран) глобальной системы и ее субъектами (США, ЕС). Поскольку политическая ситуация в регионе Кавказа переживает важный этап перераспределения сил и балансов, развивающиеся здесь в динамике события следует корректировать в зависимости от тех или иных действий заинтересованных игроков.
- В вопросах региональной безопасности, включая проблематику конфликтов, нестабильная Турция, где есть угроза внутривнутриполитического противостояния, в том числе между сторонами светского государства и умеренного исламизма, где сохраняется конфронтация с курдским сепаратизмом, не может рассматриваться как «держатель равновесия» не только в Грузии, но и во всем Кавказском регионе.
- Прокладка железнодорожного маршрута Ахалкалаки-Карс, помимо имеющихся технических проблем (стандартная колея, используемая в Грузии, шире турецких железнодорожных путей), может лишить грузоперевозок черноморские порты Грузии. А потому, с точки зрения экономических интересов Грузии, выгоднее было бы восстановить абхазскую железную дорогу с выходом ее на Армению, несмотря на примешивающиеся к этому решению политические соображения (якобы имеющаяся угроза национальным интересам Грузии со стороны России и пр.).
- Объективно не в интересах ни России, ни Грузии, ни даже ЕС поддерживать усиление Турции на Кавказе и ее превращение из транзитной территории в распорядительницу запасов нефти и газа. Учитывая этнический (тюркоязычные) и религиозный (приверженцы ислама) состав государств-экспортеров (Азербайджан, Казахстан) и основного транзитера (Турция) энергосырья, это способно повлечь за собой необратимые и неконтролируемые изменения в геополитическом раскладе сил в Евразии – концентрацию мировых запасов углеводородов в руках мусульманских и тюркских народов.
- Вовлечение в процесс урегулирования конфликтов, затрагивающих Грузию и Россию, международных игроков, расширение в целом всего переговорного процесса за счет участия в нем Турции, США и представителей европейского сообщества едва ли будет способствовать скорейшему решению проблемы, главным образом, из-за политической ангажированности этих посредников, имеющих у них в зоне конфликта серьезных интересов, не позволяющих им стать объективными медиаторами споров. Более оптимальным представляется двусторонний грузино-абхазский и грузино-югоосетинский формат переговоров с приглашением на них заинтересованной стороны (России), а также, возможно, и Ирана, имеющего, как и Россия, успешный опыт посредничества во внутреннем конфликте (в Таджикистане в 1990-е годы).

- Отношения России и Грузии осложнены во многом из-за США, которые в рамках сохраняющегося у ряда американских политиков (как, впрочем, и у некоторых их российских визави) пережитков конфронтационного мышления и стереотипных восприятий не желают учитывать на Кавказе интересы России, являющейся крупной кавказской державой. Для Грузии, напротив, сохранение и развитие нормальных добрососедских отношений с Россией обусловлено такими важными и непреходящими факторами, как география, общая история, экономическая заинтересованность и пр. В этих условиях подключение Грузии в какой-либо форме к евразийским интеграционным проектам – условно пророссийским, не будет противоречить подписаниям соглашений с ЕС, тем более что Россия, как и страны ЕС, руководствуется правилами ВТО.
- Совмещение углубленного сотрудничества с евроатлантическими структурами и полноценное членство Грузии в НАТО станет серьезным препятствием к нормализации отношений с Россией. При этом не будет решена задача восстановления территориальной целостности Грузии, не достигнет она таким путем и внутривнутриполитической стабилизации, о чем говорит пример Турции: членство в НАТО не спасло эту страну от серьезного политического кризиса, в основе которого лежат этнические и религиозно-мировоззренческие противоречия.

ПОЛИТИКА ПЕРЕЗАГРУЗКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ГРУЗИЮ

Торнике Шарашенидзе

профессор, руководитель программы международных отношений Грузинского института общественных дел

Введение

Отношения с США и с Россией всегда занимали ключевое место в грузинской внешнеполитической повестке дня. С конца 90-ых годов, когда у США появился интерес к Южному Кавказу, Грузия стала главным союзником в регионе для Вашингтона. Наличие сильного партнера и покровителя в лице США позволяло Грузии не только нейтрализовать нажим со стороны России (хотя бы частично), но и развиваться и укреплять государственность, хотя такое действие, в свою очередь, порождало противодействие – Россия, раздраженная присутствием США «в своем ближнем зарубежье», активизировала свои действия в Абхазии и Южной Осетии. Этот рычаг оказался достаточно эффективным для сдерживания грузинских амбиций, в частности, ее стремления в НАТО. США не удалось уговорить своих союзников предоставить Грузии т.н. план действий для членства на Бухарестском саммите НАТО в 2008 году, что стало серьезным ударом для администрации Буша и конечно для Грузии. А во время августовской войны США стали перед гораздо более серьезным вызовом – Грузия ввязалась в войну с Россией, что никак не входило в планы Вашингтона. В конце концов, Грузию как государство удалось спасти, но позиции США в регионе серьезно пошатнулись, а сама Грузия оказалась в очень непростом положении. От дальнейших действий США зависели судьба и будущее Грузии. «Какую политику должны были провести США по отношению к России после войны?» – вот главный вопрос, который задавали себе очень многие и, особенно, в Грузии.

Сейчас уже можно сказать, что политика перезагрузки, инициированная администрацией Обамы, в целом позитивно отразилась на Грузии: страна спаслась от новой войны и сохранила прозападный курс. Хотя в то же самое время нельзя было не заметить, что грузино-американские отношения стали более прохладными, и это не могло понравиться правительству Саакашвили, привыкшему к тесной дружбе с Бушем. Сейчас, когда процесс перезагрузки практически завершен, а в Грузии сменилась власть, уже можно углубиться в этот вопрос и выяснить что принесла Грузии политика перезагрузки и как она отразилась на ситуации в регионе.

Политический фон

После августовской войны ситуация в Грузии оставалась напряженной. Боевые действия были окончены, но в то же время между Тбилиси и Москвой не было подписано перемирие. Единственным документом, который гарантировал мир, оставалось пресловутое соглашение Медведева-Саркози, которое предусматривало вывод воюющих сторон на начальные позиции. Это никак не являлось соглашением перемирия, а просто было документом о прекращении огня. Притом оно не было выполнено до конца – огонь был прекращен, но российская сторона не вернулась на начальные позиции, оправдывая свой поступок тем, что после признания ею Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых стран в регионе появились «новые реалии.» Таким образом, угроза возобновления войны все еще стояла на повестке дня (или существовала), тем более, что в Москве очень многие с сожалением говорили, что надо было «в августе довести дело до конца».¹

Найти повод для «доведения дела до конца» могло быть делом простым. Внутривнутриполитическая ситуация в Грузии обострилась еще до войны. В ноябре 2007 года оппозиция вывела на улицы огромную массу людей, на что власти отреагировали неадекватно, не только разогнав митинг, но и впридачу закрыв оппозиционный телеканал и объявив чрезвычайное положение. Скоро, поняв губительность таких поступков, президент Грузии Саакашвили подал в отставку и назначил досрочные президентские выборы. Но, несмотря на все эти меры, напряжение снять не удалось. Правда, в период войны оппозиция объявила мораторий на все протестные манифестации (оправдывая это тем, что перед общим врагом все должны были быть едины), но было очевидно, что единство не могло быть вечным – Саакашвили проиграл войну и был слаб, как никогда. Начало новых протестов было делом времени, и во время манифестаций все могло случиться. У Саакашвили один раз уже не выдержали нервы, и он

¹ Таких примеров можно привести множество. Например, www.rossia3.ru/politics/foreign/dobitssaku

приказал применить силу против своих граждан. Еще одна подобная ошибка могла вылиться в кровавые столкновения и гражданское противостояние. Никто не давал гарантий, что Россия не воспользуется таким удобным случаем и не двинет войска на Тбилиси под поводом «защиты граждан Грузии от кровавого режима». Тем более, что после войны российские войска расположились в 40 километрах от столицы Грузии. Даже если бы сами власти не применили силу против демонстрантов, всегда можно было найти провокатора, готового поджечь порохую бомбу грузинской политики, сделав, например, выстрелы в сторону митингующих, а потом, как говорят, было бы поздно пить Боржоми. В Грузии многие боялись такого поворота событий и особенно боялись в правительстве. Нелегко было избавиться от страха, что ружье на стене выстрелит. Ведь никто не мог дать гарантий, что Грузию станет кто-то защищать, если в Москве решатся двинуться на Тбилиси. В отличие от августа 2008 года теперь это можно было проделать за ночь, принимая во внимание «новые реалии» - в частности новое расположение российских войск.

Гарантий никто не давал и никто не мог дать. Администрация Буша-младшего, для которой августовская война стала еще одним международным провалом, доживала свои последние дни, и в ее лице Саакашвили терял очень верного и сильного союзника. Буш напоследок успел буквально придумать для Грузии двухстороннюю стратегическую хартию² – документ о дружбе между двумя странами, который в случае политической воли со стороны США открывал для Грузии прекрасные перспективы, но при отсутствии такой воли не обязывал США ничем.

Конечно, очень многое зависело от будущих выборов в США. Хотя и здесь не все было понятно – даже если бы победил сенатор Маккейн, который во время августовской войны произнес фразу: «Сегодня все мы грузины», было еще неясно насколько бы это улучшило положение Грузии. Маккейн конечно же не только на словах переживал за Грузию. Но смог бы он, будучи президентом США, гарантировать безопасность Грузии, если этого не смог сделать даже Буш, имея более сильные позиции? В августе 2008 года США еще не испытывали тяжесть финансового кризиса (который вскоре обрушился на них) и, что еще важнее, тогда еще не было прецедента, когда кто-то сильно «дал по морде» протэже американцев. Новому президенту впридачу к не совсем удачным кампаниям в Ираке и Афганистане досталось еще и это наследство. Маккейн при всех своих симпатиях к Грузии скорее всего не смог бы дать ей никаких гарантий – такие страны как Германия не впустили бы Грузию в НАТО, а об оформлении двухстороннего договора о взаимной помощи тем более не могло быть и речи – такое было возможно только с такими странами как Япония. В итоге, своими выпадами против России Маккейн мог только еще больше озлобить политическую элиту в Москве, которая после войны чувствовала силу и в ответ на выпады США могла бы еще раз отыграться на их маленьком союзнике.

Становилось ясно одно – для стран вроде Грузии конфронтация между США и Россией представляла серьезную угрозу. Саакашвили в свое время пытался как раз разыграть карту конфронтации – при нем маленькая, но гордая Грузия противостояла огромной Российской империи, которая позавчера объявила этой Грузии экономическую блокаду, вчера нарушала воздушное пространство Грузии и так далее. Все это давало достаточно поводов, чтобы симпатизировать маленькой Грузии и кое-как продвинуть ее интересы в Вашингтоне и Брюсселе. Но в итоге симпатии не помогли маленькой стране во время войны, хотя следует признать, что администрация Буша послала военные самолеты (с гуманитарным грузом на борту) в Тбилиси как раз в разгаре боевых действий, что конечно же сыграло не последнюю роль в спасении Грузии. Но все же США не смогли в свое время довести дело до конца – они не смогли распахнуть двери НАТО для Грузии. Все остановилось тогда на полпути. А сейчас, когда Россия официально открыла свои военные базы на территории Грузии, НАТО стало еще более отдаленной перспективой. Грузии остается одно – готовиться к обороне Тбилиси и дожидаться выборов в США.

Перезагрузка – взгляд из Москвы, Вашингтона и Тбилиси

Победа Обамы на выборах, скорее всего не очень воодушевила правительство Саакашвили. Грузия всегда нервно реагировала на изменения в Белом доме – пока новый хозяин овального кабинета адаптировался к ситуации и пока его внимание было уделено Грузии, прошло изрядное время. Маккейн хорошо знал Грузию, и он бы не заставил себя ждать (уж

2 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=20249

ничего не говоря о его прогрузинском настрое). А вот чего ожидать от нового президента США было не очень то понятно. Хотя этот вопрос – «Чего ждать от неизвестного доселе Обамы?» – скорее всего терзал не только Грузию.

Но у Обамы времени было не так много. Наследство получил он тяжелое. Вопросов было много, и ответы с его стороны не заставили себя ждать. Ответ на вопрос: «Что делать с Грузией?» был дан косвенно. Перезагрузка с Россией покрывала многие вопросы, включая и Грузию. США предлагали России забыть все неприятное, что испортило их отношения и спокойно продолжить диалог, как это подобало двум великим державам (или сверхдержаве с великой державой).

Для Грузии это могло означать следующее. Москва и Вашингтон соглашались отложить вопрос «неудобного» для России соседа на полку. Статус-кво, созданный в Грузии после войны, должен был сохраниться. Россия, конечно же, удерживала свои позиции в Абхазии и Южной Осетии (да и никто не был готов противостоять Москве в этом вопросе), но она должна была здесь остановиться. США конечно признавали территориальную целостность Грузии, но в то же самое время больше так активно не лоббировали членство Грузии в НАТО. Короче говоря, вопрос Грузии был заморожен.

Такое замораживание по-своему устраивало обе стороны. В Москве были довольны «военным трофеем» - базами на территории Абхазии и Южной Осетии, которые не только усиливали позиции России на Южном Кавказе, но еще и позволяли держать Тбилиси под прицелом, тем самым ставя под прицел еще и шансы интеграции Грузии в НАТО. Правда, перезагрузка требовала от России джентльменского поведения и воздержания от дальнейших действий, но в то же самое время дальнейшие действия (то есть марш на Тбилиси) возможны были только в крайнем случае (на это Россия не пошла даже в разгар военных действий), так что терять было особенно нечего. Главное, что война с Грузией не испортила отношения с США, и России не грозила дорогостоящая конфронтация с западом. А что касается «неоконченного дела» в лице Саакашвили, то это могло само собой уладиться руками грузинской политической оппозиции, которая, начиная с весны 2009 года, планировала новую волну протестов.

Что касается США, то для них главное было, что в Грузии хотя бы сохранялся статус-кво. Россия удерживала то, что получила после войны, но грузинская государственность также была сохранена. Лоббировать членство Грузии в НАТО вряд ли имело смысл. Это не получилось даже у администрации Буша,³ когда на территории Грузии еще не находились российские военные базы, и тратить ресурсы на этот вопрос после августовской войны было бы нерационально. Августовская война продемонстрировала, что у России на Южном Кавказе было одно преимущество – военное присутствие в регионе; благодаря этому она там все еще чувствовала себя хозяйкой и была готова дать отпор любому. США многое потратили на Грузию, но военного присутствия у них не было, и в этом плане они все еще проигрывали. Но, так или иначе, Грузия была спасена, для нее были выделены довольно большие суммы еще при администрации Буша, что должно было помочь стране преодолеть послевоенный экономический кризис. Благодаря всему этому США могли концентрироваться на других более важных темах – Иран, кампании в Ираке и в Афганистане и финансовый кризис в самих США.

Ну, а что касается самой Грузии. О такой интенсивной поддержке, которую Тбилиси получал от администрации Буша, речи быть не могло. Конечно США все еще активно помогали Грузии по многим вопросам – это выражалось не только в финансовой помощи, но еще и в дипломатической поддержке с политикой непризнания Абхазии и Южной Осетии. Но чувствовалось, что Саакашвили уже не пользовался прежними симпатиями. Это было понятно – ведь американские лидеры не раз призывали президента Грузии быть осторожным и не дать себя втянуть в войну с Россией.⁴ Несмотря на всю вышеперечисленную помощь США, в некотором роде, теперь оставили Грузию на произвол судьбы. В стране назревал политический кризис, но никто в Вашингтоне не спешил прийти на помощь Саакашвили. Он сам должен был выйти из этого положения. Американцы остановили Российские танки у Тбилиси, а в самом Тбилиси Саакашвили сам должен был разобраться.

Грузинская политика в период перезагрузки

9 Апреля 2009 года политическая оппозиция вывела на улицы огромные массы людей. В Тбилиси появились палатки, многие центральные улицы были перекрыты. Грузия стояла

3 Подробнее см. www.georgiatimes.info/news/5395.html

4 Например, www.theatlantic.com/international/archive/2011/11/condoleezza-ricewarned-georgian-leader-on-war-with-russia/248560/

перед очередным кризисом.⁵ Во время митингов все могло случиться. Если бы Саакашвили применил силу, то это, наверное, стало бы его концом. Такой исход устраивал некоторых политиков из оппозиции, но насколько это устраивало Грузию? Получалось, что страна так и не смогла (уже в который раз) сменить правительство законным путем, и после этого было бы очень трудно избавиться от ярлыка «несостоявшегося государства», который в свое время так активно старались приклеить Грузии некоторые российские политики и политологи.⁶ И, наконец, никто не давал гарантий, что политическая кончина Саакашвили не перерастет в гражданскую войну. Ведь Саакашвили и его элите было что терять, и они стали бы биться до конца. При таком повороте событий, наверное, даже американцы не стали бы протестовать, если бы Россия двинула войска на Тбилиси для установления там мира. Грузия была бы просто списана как страна и, тем более, как демократическое государство и надежный партнер Запада.

К чести как правительства Саакашвили, так и большей части оппозиции надо сказать, что они явно осознали такую опасность. Правительство решило просто-напросто игнорировать митинги, выжидая, когда оппозиция выдохнется. Оппозиция же, правда, сначала допустила серьезную ошибку, выдвинув требование отставки Саакашвили, но в то же самое время она действовала осторожно и старалась не допускать насилия. Как и ожидалось, Саакашвили не испугался и в отставку не подал и в то же самое время не уставал приглашать оппозицию на диалог, тем самым ведя беспроектную игру. В итоге, оппозиция зашла в тупик. Ситуация обострилась в начале мая, когда на военной базе вблизи Тбилиси была предотвращена попытка мятежа⁷ (по официальной версии), но на этом все и закончилось. Акции протеста постепенно угасли, и среди оппозиции появились трещины. Правительство Саакашвили спаслось и в то же самое время страна мирно прошла очередное испытание. Большая часть оппозиции осознала, что эпоха митингов и тем более революций канула в прошлое. Если в Москве некоторые и вправду ждали беспорядков в Тбилиси, то сейчас они должны были менять планы.

Но при всем этом в правительстве все еще опасались агрессии со стороны Москвы. Главным свидетельством этого стал, так называемый имитированный выпуск новостей, в котором развивался следующий сценарий – оппозиция не признает итогов выборов и разворачивает уличные протесты, затем следуют провокации, гражданские беспорядки, переворот и марш российских войск на Тбилиси.⁸ Этот печально известный имитированный выпуск новостей был пущен в ход в 2010 году – после того, как главная опасность миновала и Грузия жила относительно спокойно, но зато предстояло провести выборы местного самоуправления. Выборы же в Грузии всегда принимали некий вид уж если не гражданской войны, то как минимум гражданского противостояния.

Но вопреки таким ожиданиям в мае 2010 года в Грузии выборы местного самоуправления прошли мирно и спокойно. Наверное они не были до конца честными (правящая партия выиграла с огромным преимуществом), но проигравшая сторона признала итоги выборов. Все это ознаменовало новую эпоху грузинской политики – политический класс признавал выборы единственным средством смены власти. Через год (май 2011 года) одна из лидеров оппозиции Нино Бурджанадзе прибегла к «старым добрым» уличным протестам, но она оказалась практически в одиночестве и ее попытки закончились плачевно. Эскорт Бурджанадзе (которая спешно удалилась с места после того, как истек законный срок проведения акции протеста) задавил полицейского, который умер на месте, а власти крайне жестоким образом разогнали ее сторонников, что привело к жертвам.⁹

Эти события еще более отвратили грузинское общество от уличных методов, и в то же самое время они сыграли важную роль в дальнейшей дискредитации Саакашвили, партия которого через полтора года потерпела поражение на парламентских выборах.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Саакашвили в целом хорошо справился с такой трудной задачей, как управление страной после проигранной войны. В 2009-2010 годах, когда в Москве все еще подумывали о том, как докончить дело, начатое в августе 2008 года, Грузия спаслась. В этом ей помогла и политика переагрузки, которая удержала Москву, но все-таки важную роль сыграла умеренная политика самих грузинских властей. В 2011 году стало ясно, что Саакашвили себя исчерпал, и Грузия нуждалась в альтернативе, которая не заставила себя ждать в лице Бидзины Иванишвили, объединившего вокруг себя оппозицию Грузии. Хотя это уже совсем другая история.

5 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=20691&search=

6 Например, www.news.day.az/armenia/48909.html

7 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=20854

8 Подробнее см. www.mignews.com/news/disasters/world/140310_102140_73471.html

9 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=23527

Внешняя политика Грузии развивалась под стать внутренней. После августовской войны правительство Грузии оказалось практически в дипломатической изоляции. Саакашвили почти не удавались встречи с лидерами крупных западных стран. Неофициально на Грузию было наложено эмбарго торговли оружием. Видно было, что процесс интеграции в НАТО мог зайти в тупик. Правда, буквально сразу после войны (сентябрь 2008 года) была создана совместная комиссия Грузии и НАТО, но скорее всего это было задумано как некий ответ на российские действия, а на самом деле в НАТО наверное не очень-то понимали, что делать с Грузией, которую ждал серьезный кризис. Надо было дожидаться развития событий в стране и уже потом принимать решения.

Видя все эти сложности, власти Грузии пошли на смелый шаг. Преодолев внутренние трудности, было решено напомнить о себе Западу через Афганистан. Там США нуждались в союзниках и таким союзником могла стать Грузия. В 2010 году Грузия активно включилась в миротворческие операции, проводимые в Афганистане.¹⁰ Этот шаг имел определенный успех, и Грузия стала посылать туда еще дополнительные контингенты. В итоге, если на саммите НАТО 2009 года было просто упомянуто, что альянс оставался верным своему решению 2008 года (что Грузия с Украиной когда-нибудь станут членами НАТО),¹¹ в коммюнике саммита 2010 года уже говорилось, что Грузия (только она, а не вместе с Украиной) станет членом альянса, как это было решено на саммите 2008 года.¹² Особо был отмечен вклад Грузии в Афганистан. Саммит 2010 года повторял все это и впридачу включал Грузию в число аспирантов вместе с Боснией, Черногорией и Македонией. Вклад Грузии в Афганистан был оценен по достоинству.¹³

Начиная с 2010 года, Грузия стала постепенно выходить из изоляции. Страну стали посещать гости. Первыми были государственный секретарь США Хиллари Клинтон и генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен. Клинтон публично обещала поддержку Грузии,¹⁴ и это было то, в чем правительство Саакашвили нуждалось – и в поддержке и в публичном заявлении о поддержке. А когда в октябре 2011 года Грузию посетил президент Франции Николя Саркози, это было воспринято как событие огромной важности¹⁵ – своего рода конец изоляции. К тому времени был достигнут еще один успех – сенат США принял резолюцию «об оккупированных территориях Грузии».¹⁶ Конечно, все это никак не обрадовало Москву, где считали, что путем войны Россия надолго уладила проблему Грузии и изъявления поддержки со стороны НАТО и США не вписывались в логику.

Отношения Грузии с Россией оставались натянутыми. Понимая, что Запад ждет от него конструктивных жестов, Саакашвили заявил об одностороннем обязательстве не применять силу для решения проблем территориальной целостности.¹⁷ Москва не отреагировала на это аналогичным образом, что конечно же играло на руку Грузии в глазах Запада. Кроме этого, Саакашвили несколько раз предложил Москве сесть за стол переговоров,¹⁸ но опять же в ответ ничего не последовало. Правительство России стояло на своем – Саакашвили был «нерукопожатным»,¹⁹ и отношения с Грузией могли наладиться только после его ухода. Саакашвили скорее всего никак не был удручен такой реакцией – ему нужно было просто продемонстрировать свою добрую волю, и он это сделал. А сближение с Россией, скорее всего, помешало бы его амбициозным планам реформировать Грузию и воспитать грузин-европейцев, никак не привязанных к России. В целом, ему удавалось и продолжать управлять страной беспрепятственно и заново укреплять позиции в мире.

Но вместе с концом изоляции приходил и конец действиям правительства Саакашвили на международном уровне. Это стало очевидно во время последнего визита Клинтон в Грузию, который состоялся в июне 2012 года. Государственный секретарь заговорила о «демократической смене власти»,²⁰ тем самым давая понять, что США хотели бы видеть системную перемену и прогресс грузинской демократии. А без ухода Саакашвили это было невозможно.

10 См. www.in.reuters.com/article/2009/06/23/idINIndia-40547920090623

11 См. www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm

12 См. www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2010_11/2010_11_11de1db9b73c4f9bbfb52b2c94722eac_pr_cp_2010_0155_eng-summit_lisbon.pdf

13 См. http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87593.htm?mode=pressrelease

14 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=22484

15 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=23988

16 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=23811

17 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=22880

18 Например. www.en.ria.ru/world/20110211/162560555.html

19 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=23824

20 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=24853

Конечно, в США хорошо осознавали тот факт, что Саакашвили являлся их верным союзником. Там конечно видели и то, что Саакашвили удачно справился со многими проблемами после войны, чем кое-как загладил вину за август 2008 года. Но, несмотря на все это, у США было множество причин желать ухода своего союзника. Во-первых, президент Грузии терял поддержку у себя на родине. Во-вторых, истекал его второй президентский срок, а для американцев был категорически неприемлем «путинский сценарий» в Грузии (Саакашвили стал бы премьер-министром и фактически первым лицом государства), тем более, что такие признаки были налицо – в октябре 2010 года парламент Грузии принял конституционные поправки,²¹ согласно которым после президентских выборов 2013 года полномочия премьер-министра возрастали, а полномочия президента уменьшались. Было трудно поверить, что это делалось только ради превращения Грузии в парламентскую республику, а не просто для того, чтобы удобно разыграть «путинский сценарий». Во всяком случае, в Вашингтоне этому, наверное, не верили. Администрации Обамы нужно было оправдать свою поддержку Грузии, и это было бы связано с большими трудностями, если бы Грузия пошла путем «суверенной демократии» России. Грузия должна была сделать еще один скачок в своем развитии.

Заключение

Парадоксально, но сейчас можно заключить, что политика перезагрузки, которая подразумевала ослабление внимания США к Грузии, в итоге помогла Грузии в демократическом развитии. Оказавшись после войны перед лицом серьезной угрозы, правительство Саакашвили стало вести себя более осторожно и взвешенно. Понимая, что в отличие от Буша администрация Обамы не собирается закрывать глаза на нарушения демократических норм, Саакашвили пошел на ряд уступок, которые освободили политическое поле для оппозиции и, в конце концов, сделали возможным то, чего в Грузии не было после восстановления независимости – конституционную смену правительства. К правительству Иванишвили можно относиться по-разному, но одно нельзя отрицать: без этого достижения (конституционной смены правительства) грузинская демократия осталась бы несовершенной. Это был крайне необходимый, системный скачок для развития. Правительство первого президента Гамсахурдия было свергнуто путем военного переворота, правительство Шеварднадзе – путем мирной революции, а правительство Саакашвили – путем выборов. В итоге, ослабление поддержки конкретному правительству Грузии со стороны США и требования ускорить процесс демократизации пошли стране только на пользу.

Помимо этого, Грузии также удалось заново, с новой силой запустить процесс интеграции в НАТО путем активного участия в миротворческой операции в Афганистане. Конечно, до полноправного членства стране еще довольно далеко, но участие в операциях НАТО вкупе с демократическими реформами делают Грузию очень сильным кандидатом, перед которым захлопнуть двери альянса будет все сложнее.

И наконец, нельзя не отметить еще один важный фактор: после августовской войны Грузия получила российские военные базы на своей территории, но в то же самое время она получила возможность больше сконцентрироваться на проблемах демократизации и развития. Пока в Абхазии и Южной Осетии находятся российские военные базы, шансы на восстановление контроля над этими территориями сведены к нулю. Так что сейчас остается одно: больше времени и энергии потратить на то, чтобы построить нормальное государство, которое, в конечном итоге, может привлечь и жителей Абхазии и Южной Осетии.

21 См. www.civil.ge/eng/article.php?id=22717

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» ПОСЛЕ САММИТА ЕС В ВИЛЬНЮСЕ

Алла Язькова

доктор исторических наук, профессор, руководитель
Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований,
Институт Европы РАН

В настоящем сообщении рассмотрены причины выдвигания Евросоюзом программы Восточное партнерство, адресованной шести постсоветским государствам Восточной Европы и Южного Кавказа. Специальное внимание уделено позиции ЕС в отношении Грузии и российско-грузинским отношениям, а также перспективам подписания рамочных документов с Украиной, Молдовой и особой позиции Армении. Предпринята попытка ответить на вопрос: «Чего можно ожидать после Вильнюсского саммита ЕС?»

В конце ноября 2013 года в Вильнюсе состоялся саммит Европейского Союза, который был призван активизировать программу Восточное партнерство, в которую были приглашены шесть постсоветских государств: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина. Заявленная цель программы – содействие экономическому становлению и демократическому развитию этих стран, соблюдение в них прав человека и ликвидация негативных явлений таких, как пренебрежение нормами закона, распространение коррупции и произвол чиновников. Предполагалось, что в ходе саммита Украина подпишет с Евросоюзом Договор об ассоциации, а Молдова и Грузия парафируют такие же договоры, т.е. окончательно согласуют их тексты. В работе Вильнюсского саммита приняли участие также Армения, Азербайджан и Белоруссия – последняя в качестве наблюдателя.

Многие международные эксперты оценили Вильнюсский саммит как «саммит несбывшихся надежд». Главной неудачей стал отказ президента Украины Виктора Януковича подписать Договор об ассоциации, что было расценено европейскими лидерами, как «результат давления Москвы». И хотя руководство России действительно усматривало в действиях Евросоюза попытку несогласованного геополитического продвижения в географически и исторически близкий ей регион и пыталось противостоять этому, Вильнюсский саммит оказался непродуктивным и не только по этой причине.

Для того, чтобы понять сложившуюся вокруг подготовки и проведения саммита обстановку стоит хотя бы вкратце обрисовать характер программы Восточное партнерство, пути и методы ее формирования.

Первоначально эта программа рассматривалась как составная часть выдвинутой в 2004 г. Европейской политики соседства (ЕПС), цель которой состояла в том, чтобы по периметру Евросоюза формировались дружественные ему государства, демократически развитые и не представляющие Европе угрозы. ЕПС была достаточно аморфной, включала в себя ряд стран Южного Средиземноморья, а также наряду с ними государства Восточной Европы, Россию и Турцию.

Весной 2008 года Польша и Швеция, развивая эту инициативу, предложили специальную программу для шести государств постсоветского пространства, в которой детализировались задачи их постепенного приближения к нормам Евросоюза, т.е. создания хорошо управляемых, демократических, экономически свободных обществ, в которых соблюдаются права человека. Большая часть населения этих государств восприняла идею «вхождения в Европу» с энтузиазмом, не совсем понимая, какие обязательства необходимо взять на себя, чтобы добиться в своей повседневной жизни установления европейских правовых и трудовых норм.

По поводу причин выдвигания этой программы высказывались различные суждения. Испанская «Паис» расценивала это как противовес инициативе Франции Средиземноморскому союзу с тем, чтобы не нарушилось равновесие в ЕС в ущерб интересам стран Центрально-Восточной Европы. Но были и другие оценки: главная задача, как она представлялась «одному западноевропейскому дипломату», состояла в том, чтобы посредством «мягкой силы» «заякорить шестерку, как к этому времени это уже удалось на Балканах»¹ и тем самым ослабить контакты входящих в нее стран с Россией.

Продвижению Восточного партнерства способствовали противоречия, возникавшие в отношениях России с ее партнерами по СНГ. Реальные формы программа обрела после августовского российско-грузинского конфликта 2008 г., когда Евросоюз выступил с резкой крити-

1 www.alleuropa.ru/index.phpview=article&catid+62+2011-06

кой военной акции России, «вышедшей за пределы необходимой самообороны». Зимой 2008 г. Евросоюз выступил также активным посредником в период «газовой войны» между Россией и Украиной. В мае 2009 года на совместном саммите ЕС и шести приглашенных в программу Восточное партнерство государств было заявлено об учреждении этой программы.

Нельзя не заметить, что саммит был явно недооценен и проигнорирован лидерами крупнейших европейских государств (из их числа присутствовала только Ангела Меркель), не прибыли также президенты Белоруссии и Молдовы – А.Лукашенко и В.Воронин. Приглашенные на саммит «восточные партнеры» были разочарованы решением ЕС о выделении до 2013 г. всего 600 млн. евро в качестве поддержки усилий всех стран «шестерки» по демократизации общественных отношений. Но по вопросу о постепенном смягчении и отмене в перспективе визового режима решений принято не было. Не были объявлены и хотя бы приблизительные сроки интеграции наиболее успешных стран «шестерки» в ЕС, а в последующих документах неоднократно подчеркивалось, что Восточное партнерство вообще «не предусматривает открытого пути к членству в ЕС».

По оценке посла Польши в РФ Войцеха Зайончковски, представленной в его интервью ИА Regnum (23.09.2011), программа Восточное партнерство построена по принципу ответных действий ЕС на конкретные достижения входящих в нее стран. При этом успех одной страны как, например, Украины, которой уже тогда было предложено подписание Договора об ассоциации с ЕС и о всеобъемлющей и углубленной зоне свободной торговли, не должен препятствовать продвижению других стран.

Европейские аналитики заметили, что в отличие от программы ЕПС и программы Черноморская синергия в Восточное партнерство не были приглашены Россия и Турция.² И хотя очевидно, что обе эти страны имеют собственные программы сотрудничества с ЕС (Турция – ассоциированный член, Россия – стратегический партнер), в оценках их политиков проявлялась все большая настороженность. Россия демонстрировала незаинтересованность в углублении сотрудничества постсоветских государств в рамках Восточного партнерства, а иногда оказывала на них прямое давление, как это проявилось, например, во время визита в Молдову вице-преьера Дм.Рогозина. А советник президента РФ С. Глазьев уже тогда не исключил ухудшения более чем объемных торгово-экономических отношений Украины с Россией вплоть до отмены режима свободной торговли.

Отвечая на вопросы РИА Новости, постоянный представитель РФ при ЕС В.Чижов сказал: «Оснований для того, чтобы называть «Восточное партнерство» объединением, нет никаких. Это проект, инициатива ЕС, которая находится на непростом этапе становления, сопряженном с немалыми трудностями». Он также заметил, что программа воспринимается в шести странах-участницах совершенно по-разному: «одни считают, что это политический инструмент, чтобы уйти от какого-либо ангажемента в отношении полного членства этих стран в ЕС, другие – что это попытка принудительно притянуть их к сотрудничеству с ЕС».³

Лидеры Евросоюза считали неприемлемыми ограничительные меры в сфере торговли, которые приняла Россия по отношению к Украине накануне Вильнюсского саммита в связи с планами Киева подписать соглашение об ассоциации с ЕС. В то же время они, несомненно, понимали нежелательность обострения отношений с Россией, воспринимавшей Восточное партнерство как попытку «вторжения в сферу ее законных интересов». Не случайно поэтому, что министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле, заявив накануне Вильнюсского саммита, что Восточное партнерство не направлено против России, пригласил Россию к «совместному инвестированию в добрососедство и поддержанию стабильных демократических обществ, которые основываются на верховенстве права и работают в надежной бизнес-среде».⁴

В пылу развернувшейся полемики не всегда учитывалось, что европейский вектор Украины, как и большинства других стран, включенных в Восточное партнерство, стал очевидным уже в конце 1990-х годов, когда президент Леонид Кучма заявил, выступая в 1998 г. на Парламентской ассамблее Совета Европы, о стратегическом выборе в пользу ЕС. Соответствующие шаги были предприняты Виктором Ющенко и Юлией Тимошенко, и не случайно, что сегодня часть европейских политиков считают репрессивные меры против Украины противоречащими ее политическому выбору.

Нельзя, разумеется, сбрасывать со счетов не только позицию украинских политиков, но и фактор общественного мнения, пока еще не устоявшегося. Выступая в конце августа 2013

2 *ISBSS, Policy Brief #12*, February 2009, p.3

3 www.yerkramas.org/3013/03.21

4 www.newsgeorgia.ru.world/2013.10.11/215945982.print.html

года по «Радио Свобода», известный украинский журналист Виталий Портников рассказал об удивительной закономерности, которую продемонстрировали социологические опросы в Украине в преддверии Вильнюсского саммита ЕС. Большая часть опрошенных не считают себя европейцами, но совершенно уверены в необходимости участия в европейской интеграции и с энтузиазмом воспринимают Соглашение об ассоциации. В то же время значительная часть респондентов с таким же энтузиазмом приветствовала бы подписание соглашения и с Таможенным союзом. А еще лучше, по их мнению, было бы подписать соглашение и с Брюсселем и с Москвой.

По оценке В. Портникова, это означает, что в украинском обществе пока еще идет дискуссия о *выгодах*, а не о *ценностях* и что у населения ещё не сформировалась устойчивая европейская идентичность.⁵ Тем не менее опыт массовых выступлений, развернувшихся в Киеве, Львове и ряде других городов Украины после отказа В.Януковича подписать в Вильнюсе Соглашение об Ассоциации с Евросоюзом, показал, что большая часть украинской общественности все же предпочитает европейский путь развития. При этом население промышленно развитых восточных и юго-восточных областей Украины заняло сдержанную позицию, опасаясь из-за нарушения экономических связей с Россией потерять работу на своих предприятиях.

Помимо Украины в центре внимания Вильнюсского саммита оказались Грузия и Молдова.

Еще в конце июня 2013 г. Грузия успешно завершила переговоры с Евросоюзом о Зоне свободной торговли и была готова начать переговоры по Соглашению об ассоциации, однако нарастание внутривосточных противоречий накануне президентских выборов заставило ЕС понизить уровень переговоров до обсуждения Зоны свободной торговли и парафирования Соглашения об ассоциации. Тем не менее, по оценке министра иностранных дел Майи Панджикидзе, парафированное в Вильнюсе Соглашение позволит Грузии стать частью общеевропейского экономического пространства, поскольку Грузия станет более привлекательной для иностранных инвесторов, которые затем смогут пользоваться рынком всего Евросоюза.⁶

Российские эксперты оценивали значение этого события несколько по-иному, указывая, что когда в соответствии с такого рода соглашением снимаются барьеры, выигрывает не каждый, а только те, кто готов поставлять товары лучшего качества и по более низким ценам. Если же экономика неконкурентоспособна как, например, в Болгарии, то такого рода соглашения может разорить местных производителей и повлечь за собой заполнение рынка некачественными европейскими товарами.

Так же, как и в случае с Украиной, нельзя не учитывать фактор общественного мнения, которое в Грузии в своем большинстве склоняется к европейскому пути. Как уже отмечалось, мощным катализатором развития программы Восточного партнерства стал (и не только для Грузии) вооруженный конфликт 2008 г., который, по оценке экспертов Института современной России, всерьез озадачил и постсоветские государства и Евросоюз, показав, что в отстаивании своих интересов Россия может зайти достаточно далеко.⁷

Поэтому подписание (или парафирование) соглашения с Грузией имеет по понятным причинам не только экономический, но и весьма существенный политический контекст, и об этом неоднократно заявлял экс-премьер-министр Грузии Бидзина Иванишвили. В то же время в начале октября 2013 г. на встрече с представителями комитета по политике и безопасности Совета Евросоюза он также подчеркнул, что для Грузии очень важно, чтобы ЕС вел с Россией интенсивный и принципиальный диалог с тем, чтобы сближение стран Восточного партнерства с Евросоюзом не воспринималось Москвой как политика, направленная против России. Как подчеркнул в недавно опубликованной статье грузинский аналитик Ивлиан Хаиндрава, грузинское общество до сих пор не получило решения по одному из важнейших для него вопросов: «Каковы перспективы нормализации взаимоотношений с Россией при неизменности курса на евроатлантическую интеграцию?».⁸

На саммите в Вильнюсе текст Соглашения об ассоциации был парафирован также и Республикой Молдова. В этой связи вопрос ее внешнеполитической стратегии также стал для нее темой «номер один» наступившего, 2014 года. В программах партий, входящих в правящую коалицию (ЛДПМ, ДПМ), пункт о евроинтеграции обозначен как принципиально важный

5 www.svoboda.org/articleprintview/25090957/html

6 www.georgiatimes.info/news954457html

7 www.inrussia.org/30.09.201

8 Ивлиан Хаиндрава. От революции к кохабитации.- В кн.: «Южный Кавказ: потенциал мира, свободы и процветания». Тбилиси, 2013.

наряду с неоднократно повторенными утверждениями о том, что территория Молдовы должна быть не полем конфронтации, а местом сближения Запада и Востока Европы.

По оценке молдавских аналитиков, Республика Молдова, географически являясь частью Центральной Европы и так называемым «европейским пограничьем», одна из первых восприняла перспективы «вхождения в Европу». И хотя экономика ее основных правобережных районов преимущественно аграрная, в то же время в политическом плане страна сумела продемонстрировать некий образец европейской политической культуры, будучи единственной на постсоветском пространстве, где президент и парламент на протяжении последних двух десятилетий сменялись законным путем на основе электорального предпочтения граждан.

Сказанное, по-видимому, и позволило европейским политикам провозгласить Молдову «флагманом Восточного партнерства». В то же время в беседе с еврокомиссаром Штефаном Фюле экс-премьер-министр Молдовы Владимир Филат заметил, что «евроинтеграция Молдовы – процесс элит, а не народа», и последние события показывают, что он был прав. «По мере приближения Вильнюса молдавское общество все более раскалывается», отмечала газета «Панорама». На уровне обыденного сознания граждан все более тревожат возможные санкции со стороны России – запрет экспорта вин и сельхозпродукции, введение виз для трудовых мигрантов, которых в России насчитывается от 60 до 700 тысяч человек, их возможная депортация, наконец, потеря части своей территории – Приднестровья.

Накануне Вильнюсского саммита в Молдове активизировалась деятельность социал-демократической и коммунистической партий (СДПМ, ПКРМ), организовавших массовые акции против отказа властей провести референдум о вступлении республики в Таможенный союз. Партия коммунистов – ПКРМ выступает против участия Молдовы в Восточном партнерстве, хотя в 2002 г. именно ее лидер В.Воронин провозгласил курс на евроинтеграцию. Сегодня ПКРМ объявляет Восточное партнерство «вильнюсским сговором» и попыткой провести «новые разделительные линии на европейском континенте».

Принятие Молдовой программы Восточного партнерства привело к новому всплеску «объединительных» устремлений Румынии, президент которой Траян Бэеску заявил, что в 2014 году «объединение с Молдовой должно стать третьим национальным проектом Румынии после вступления в европейский Союз и НАТО». Находясь с визитом в Бухаресте, премьер-министр Молдовы Юрие Лянкэ поспешил снять возникшую в молдавском обществе напряженность, заявив, что «проблема объединения с Румынией не стоит на повестке дня».⁹

Молдова парафировала на саммите в Вильнюссе «Соглашение о свободной торговле», но при этом еврокомиссар Шт. Фюле заявил, что это не должно означать ее отказа от восточного рынка и трудовой миграции в Россию, добавив, что евроинтеграция не может быть процессом элит, следует учитывать интересы всего общества. Он также упомянул, что еще в начале сентября Европарламент принял резолюцию, где было сказано, что Россия должна уважать право стран-членов Восточного партнерства самим выбирать, будут ли они подписывать соглашения об ассоциации с Евросоюзом и воздерживаться от давления на Украину и Молдову в виде экономических санкций или на Армению в виде прямых угроз.¹⁰

На состоявшемся 28-29 ноября саммите в целом подтвердились многие ранее высказанные прогнозы и опасения по поводу дальнейшего продвижения программы Восточное партнерство.

В наиболее сложном положении оказалась Армения, испытывающая на себе постоянный прессинг конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Как известно, по итогам состоявшихся 3 сентября в Москве переговоров Сержа Саргсяна с Владимиром Путиным, президент Армении заявил, что Армения не будет парафировать соглашения с Евросоюзом, а, напротив, вступит в Таможенный союз (ТС) и впоследствии будет участвовать в формировании Евразийского экономического союза. Вскоре после этого российская деловая газета «Взгляд» опубликовала подсчитанные Евразийским банком выгоды, которые Армения получит от вступления в ТС (снижение от 270 до 180 долларов цен на поставляемый Россией газ, положительная динамика по поддержке армянских трудовых мигрантов, отмена пошлин и другие льготы). По мнению же ряда экспертов, такое решение было продиктовано не столько экономическими соображениями, сколько соображениями, связанными с возможным обострением конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Выступая на Вильнюсском саммите, президент Армении С.Саргсян тем не менее отметил, что главной целью Армении является разработка таких действенных механизмов сотруд-

9 «Независимая газета», 26.12.2013

10 www.regnum.ru/news170687.html

ничества с ЕС, которые, с одной стороны, отражали бы глубокий характер двусторонних социально-экономических и политических отношений, а, с другой, были бы совместимы с иными формами сотрудничества. Он также заметил, что пятилетняя история Восточного партнерства свидетельствует о необходимости и жизнеспособности данного формата.¹¹

Что же касается Азербайджана, то, не отказавшись от участия в Вильнюсском саммите, он занял особую позицию, исходя из характера своих взаимоотношений со странами Евросоюза в сфере поставок энергоресурсов, и подписал предложенное ему соглашение об облегчении визового режима. Как отмечают некоторые российские аналитики, Азербайджан не против Европы, просто ему не нужна такая интеграция, которая хотя бы теоретически могла поставить под сомнение экономическую и политическую монополию режима.¹²

Наконец, не только для реализации программы Восточного партнерства, но и для России все более значимым становится фактор Китая. Вкладывая миллиарды долларов в совместные проекты, Китай предлагает «налаживать партнерские отношения» и подчеркивает «важность политического суверенитета и независимости». Результаты неожиданного для всех визита В.Януковича в Пекин в самый разгар ноябрьского кризиса в Украине заставляют сомневаться в этом. В итоге визита было принято решение о строительстве в районе Севастополя глубоководного перевалочного порта, для чего Китай предоставляет 10 млрд. долларов США. Продвижение Китая в западном направлении через Центральную Азию и Причерноморье, заявленное как возрождение Великого Шелкового пути, может, таким образом, стать известным препятствием для европейских и евразийских геополитических планов.

* * *

Пока еще рано подводить итоги саммита в Вильнюсе, но уже сейчас очевидно, что его результатом стало начало перемен в регионе Восточной Европы, о чем свидетельствуют заметные сдвиги в массовом сознании наиболее крупного и значимого регионального государства - Украины. Брюссель был готов подписать с ней Соглашение об ассоциации на любых условиях, даже после окончания саммита, ссылаясь на массовую поддержку населением идей евроинтеграции. Но Евросоюз не проявил готовности оказать Украине фундаментальную поддержку в условиях нарастающего из-за потери российских рынков экономического кризиса. Потерю российских рынков не только Украиной, но и другими странами Восточного партнерства Евросоюз возместить не может хотя бы потому, что их доля во внешней торговле стран ЕС пока крайне незначительна (по данным Евростата, в 2012 г. она составляла 2,3% по экспорту и 2,0% по импорту).

Из этого следует, что возникшие после Вильнюса проблемы приобретают преимущественно политический, а, в известной мере, геополитический характер. Об этом говорилось в редакционной статье британской «Файнэншл Таймс» – «Союз во главе с Россией угрожает новым разделением Европы», поэтому Евросоюзу «стоит попытаться просчитать и оценить масштабы вероятного ответа Москвы».¹³

Опыт предшествующих десятилетий XX века показал насколько опасно и нежелательно создание в Европе различного рода разделительных линий и формирование противостоящих друг другу блоков. Чтобы противостоять этому, необходимы усилия всех сторон и в качестве первого шага договоренности, согласно которым предлагаемые Европейским Союзом и Таможенным Союзом «правила игры» в сфере взаимной торговли перестали быть взаимоисключающими. Необходимы также переговоры по более широкому кругу вопросов с участием всех заинтересованных сторон - стран Восточного партнерства, ЕС и России.

В то же время молодым государствам Восточной Европы, в их числе и России, важно определить приоритеты дальнейшего развития – переход ценой немалых усилий к рыночной демократии, основанной на уважении базовых прав человека или сохранение консервативных основ управления, не требующих от основных слоев населения существенных усилий. Последние события в Украине показали, что необходимость этого выбора привела к поиску взаимных компромиссов, формированию нового общественного движения – «Евромайдана», объединившего для перехода на европейский путь развития различные по своей политической ориентации общественные группы.

11 www.regnum.ru/news1739043.html

12 «Новая газета», 02. 12 2013

13 www.inosmi.ru/world/2014.01.04/216241640.print.html

Сходные процессы наметились и в Грузии, парафировавшей в Вильнюсе Соглашение об ассоциации с ЕС, и создании Зоны свободной торговли. По утверждению грузинских аналитиков, в интеллектуальном слое грузинского общества сформировалось понимание необходимости модернизации экономики и системы управления для проведения глубинных реформ, подчас крайне болезненных для общества. Для осуществления этих реформ необходимо взаимодействие (коабитация) внутренних общественно-политических сил.¹⁴

Не менее значим и внешнеполитический фактор – поиск своего места в Европе и в своем регионе и, как отмечает известный грузинский политик председатель комитета по внешним связям парламента Грузии Тедо Джапаридзе, поиск «такой региональной архитектуры, которая бы не исключала, но и не предполагала ведущей роли России».¹⁵

С Россией, но не в России – «это может стать общей целью», заключает Тедо Джапаридзе, и этот вывод представляется важным не только для Грузии.

14 Ивлиан Хаиндрава. Цит произв.

15 Тедо Джапаридзе. Поиск соседа: с Россией, но не в России. – Россия в глобальной политике. 30.12.2013. www.globalaffairs.ru/global-processes/Poisk-soseda-s-Rossiei-no-ne-v-Rossii-16299

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРУЗИИ И РОССИИ

Владимир Папава

доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, главный научный сотрудник Фонда стратегических и международных отношений Грузии

Резюме

В статье изучаются особенности моделей экономического развития Грузии и России. На основе учета эффекта быстрого старта в статье приводятся скорректированные показатели экономического роста этих стран в постсоветский период. Из-за наличия в обеих странах некроэкономики анализируется т.н. феномен «постсоветского постиндустриализма». Большие масштабы экономики России в большей степени обострили проблему некроэкономики в России, чем в Грузии, что проявилось в условиях глобального финансового и экономического кризиса. Показано, что и в Грузии и в России к настоящему времени сложились по сути одинаковые потребительские модели развития бедной страны. Для перехода к инновационной модели экономического развития необходимо стимулирование заинтересованности в ней частного сектора экономики, и в этом направлении был бы взаимополезен обмен соответствующим опытом.

Введение

Проблема выбора модели, обеспечивающей устойчивое экономическое развитие, является одной из наиболее актуальных как для экономической теории, так и для экономической политики. К сожалению, приходится констатировать, что общепризнанная модель экономического развития, основанная на инновационной экономике, постепенно была вытеснена моделью финансовой экономики,¹ что в итоге и привело к глобальному финансовому кризису, переросшему в экономический кризис. Как следствие, современный мир, особенно из-за глобального финансового и экономического кризиса, находится в поиске новой модели экономического развития.

Неудивительно, что эта проблема не в меньшей степени волнует и постсоветские страны, для которых ориентация на такую экономическую модель, которая обеспечила бы устойчивое развитие, была и остается одной из наиболее острых в процессе перехода на рыночную экономику.

Изучая проблему экономических взаимоотношений между Грузией и Россией в постсоветское время,² эволюцию этих взаимоотношений,³ особенно на фоне сложившегося за последнее время российско-грузинского конфликта,⁴ большое значение приобретает сравнительный анализ сложившихся моделей экономического развития.

Целью данной статьи является изучение особенностей экономического развития Грузии и России в постсоветский период, сравнение сложившихся моделей их экономического развития для выявления первоочередных задач, решение которых должно способствовать переходу на новую модель более устойчивого экономического развития.

Прежде чем приступить к анализу моделей экономического развития Грузии и России, целесообразно рассмотреть динамику экономического роста этих стран в постсоветское время, что даст возможность, хотя бы в общих чертах, охарактеризовать их экономическое развитие в постсоветское время.

1 Городецкий А. Е. «Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России». *Экономика Украины*, 2013, № 5, с. 67.

2 Например, Папава В. «Постсоветские экономические взаимоотношения между Грузией и Россией: реальность и возможности развития». В сб. *Россия и Грузия: пути выхода из кризиса*. Под ред. Г. Хуцишвили, Т. Гогелиани. Тбилиси, Международный центр по конфликтам и переговорам, 2010.

3 Папава В. «Эволюция экономических взаимоотношений между Грузией и Россией в постсоветском периоде: пройденный путь и перспективы». В сб. *Россия и Грузия: в поисках выхода*. Тбилиси, Грузинский фонд стратегических и международных исследований, 2011, www.gfsis.org/media/download/library/articles/RUSSIA_AND_GEORGIA_SEARCHING_THE_WAY_OUT_Russian_Publication.pdf.

4 Папава В. «Экономическая составляющая российско-грузинского конфликта». *Кавказ и Глобализация*, 2012, Том 6, Вып. 1.

О количественных характеристиках постсоветского экономического роста

Общеизвестно, что одной из проблем измерения экономического роста является сравнение показателей экономического роста по странам и регионам. Суть проблемы состоит в том, что из-за убывающей доходности капитала, при прочих равных условиях, в странах с относительно низким уровнем экономического развития легче достичь более высоких темпов роста, нежели в странах с более развитой экономикой. Это явление в экономической науке квалифицируется как «эффект быстрого старта»⁵ (на английском – “Catch-Up Effect”⁶). Только нивелирование эффекта быстрого старта в показателях экономического роста даст возможность их сравнения независимо от уровней развития тех или иных стран.

На основе гипотезы пропорционального перекрытия эффекта быстрого старта нами была разработана методика расчета показателей экономического роста с учетом эффекта быстрого старта.⁷ Данная гипотеза основывается на том предположении, что если уровень экономического развития одной страны в n раз превышает уровень экономического развития второй страны, тогда достижение одинакового экономического роста в первой стране будет в n раз сложнее, чем – во второй. В тоже время, в качестве показателя уровня экономического развития берётся показатель валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения.

В таблице (стр.59), представлены данные Всемирного банка об экономическом росте⁸ и уровне экономического развития Грузии и России за 1992-2012 годы.

Согласно показателям экономического роста Грузии и России за двадцатилетний период постсоветского развития в большинстве случаев ситуация в Грузии была лучше (т.е. рост был больше, а спад – меньше), нежели в России. В частности, показатели экономического роста в России лучше, чем в Грузии лишь в семи годах (1992, 1993, 1999, 2000, 2001, 2004, и 2008 годы) из двадцати лет. В тоже время, уровни ВВП на душу населения в России за весь этот двадцатилетний период значительно выше, чем в Грузии (минимально этот показатель для России превышал аналогичный показатель для Грузии в 2,13 раз в 1999 году, а максимально – в 5,33 раз в 1993 году).

Следовательно, из-за эффекта быстрого старта достижение лучших показателей экономического роста в Грузии было соответственно легче, чем в России.

В таблице приводятся данные гипотетического экономического роста в Грузии, рассчитанные на основе гипотезы пропорционального перекрытия эффекта быстрого старта. Сравнивая эти показатели с показателями фактического экономического роста России, получим, что в течение рассматриваемого двадцатилетнего постсоветского периода в большинстве случаев ситуация в Грузии была хуже (т.е. рост был меньше), нежели в России. В частности, гипотетические показатели экономического роста в Грузии лучше фактических показателей экономического роста в России в течение первых лет (1992–1998 годы) после развала СССР, и в 2009 году. После этих периодов показатели экономического роста в России значительно превосходили показатели гипотетического экономического роста в Грузии;⁹ в 2009 году в условиях экономического и финансового кризиса экономический спад в Грузии как на фактическом, так и на гипотетическом уровнях был меньше, чем в России.

Подводя итог, можно заключить, что в целом экономика Грузии росла за 1992-1998 годы быстрее, чем экономика России, а начиная с 1999 года (за исключением кризисного 2009 года) рост экономики России значительно превосходил рост экономики Грузии.

Для того чтобы понять причины, стоящие за этими показателями экономического роста, необходимо разобраться в качественной характеристике экономики постсоветского периода.

5 Мэнкью, Н. Грегори. *Принципы экономикс*. Санкт-Петербург, Питер Ком, 1999, сс. 523-524.

6 Mankiw, N. Gregory. *Principles of Economics*. Mason, Thomson South-Western, 2004, pp. 546-547.

7 Папава В. «Экономический рост в странах Центральной Кавказии в условиях нивелирования эффекта “быстрого старта”». *Центральная Азия и Кавказ*, 2012, Том 15, № 4; Папава В. «Проблема эффекта быстрого старта и пространственное сравнение показателей экономического роста (на примере стран восточного партнерства)». *Экономика Украины*, 2013, № 1

8 Как известно, на практике для измерения экономического роста, как правило, используется показатель темпа прироста реального ВВП.

9 О ретроспективном анализе экономического роста в России см. (Аганбегян А. «О месте экономики России в мире (по новым данным о международном сравнении валового внутреннего продукта)». *Вопросы экономики*, 2011, № 5).

Показатели экономического роста и уровня экономического развития Грузии и России за 1992-2012 годы

Годы	Показатели экономического роста*		ВВП (в долларах США) на душу населения**		Соотношение показателей фактического экономического роста Грузии с аналогичными показателями России	Коэффициент пропорционального перекрытия эффекта быстрого старта (соотношение показателя ВВП на душу населения России с аналогичными показателями Грузии)	Показатели гипотетического экономического роста в Грузии	Соотношение показателей гипотетического экономического роста в Грузии с показателями фактического экономического роста в России
	Грузия	Россия	Грузия	Россия				
1992	-44,9	-14,5	757	3095	3,10	4,09	-10,98	0,76
1993	-29,3	-8,7	550	2929	3,37	5,33	-5,50	0,63
1994	-10,4	-12,6	517	2663	0,83	5,15	-2,02	0,16
1995	2,6	-4,1	569	2670	-0,63	4,69	0,55	-0,14
1996	11,2	-3,6	670	2651	-3,11	3,96	2,83	-0,79
1997	10,5	1,4	775	2749	7,50	3,55	2,96	2,11
1998	3,1	-5,3	805	1844	-0,58	2,29	1,35	-0,26
1999	2,9	6,4	629	1339	0,45	2,13	1,36	0,21
2000	1,8	10	692	1775	0,18	2,57	0,70	0,07
2001	4,8	5,1	734	2101	0,94	2,86	1,68	0,33
2002	5,5	4,7	779	2375	1,17	3,05	1,80	0,38
2003	11,1	7,3	922	2976	1,52	3,23	3,44	0,47
2004	5,9	7,2	1187	4109	0,82	3,46	1,70	0,24
2005	9,6	6,4	1470	5337	1,50	3,63	2,64	0,41
2006	9,4	8,2	1765	6947	1,15	3,94	2,39	0,29
2007	12,3	8,5	2318	9146	1,45	3,95	3,12	0,37
2008	2,3	5,2	2920	11700	0,44	4,01	0,57	0,11
2009	-3,8	-7,8	2441	8616	0,49	3,53	-1,08	0,14
2010	6,3	4,5	2614	10710	1,40	4,10	1,54	0,34
2011	7	4,3	3220	13284	1,63	4,13	1,70	0,39
2012	6	3,4	3508	14037	1,76	4,00	1,50	0,44

* GDP growth (annual %), *The World Bank*, 2013, online at <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>

** GDP per capita (current US\$), *The World Bank*, 2013, online at <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD>

Об особенностях «постсоветского постиндустриализма»

В отличие от общепринятого содержания (ставшего уже классическим) понятия «постиндустриальное общество»,¹⁰ деиндустриализацию посткоммунистических стран, с некоторой долей иронии, можно квалифицировать как «уродливый постиндустриализм»,¹¹ а точнее как «постсоветский постиндустриализм». Дело в том, что в экономике этих стран снижение доли промышленности было обусловлено не ростом высококачественных и, в том числе, инновационных услуг, а непосредственным спадом промышленного производства, в некоторых случаях, при полном отсутствии какого либо значительного развития услуг указанного характера.

10 Например, Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Москва, «Academia», 1999; *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. Под ред. В. Л. Иноземцева. Москва, «Academia», 1999; Block F. *Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse*. Berkley, University of California Press, 1990.

11 О новом феномене «постсоциалистического постиндустриализма» указывается в статье (Городецкий А. Е. «Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России», № 5, с. 68).

Как известно, после развала СССР произошла широкомасштабная деиндустриализация российской (да и всей постсоветской) экономики, в результате чего многие отрасли и предприятия промышленности, которые создавали основу экономики СССР, были потеряны.¹²

Причиной этому является феномен «некроекономики», которая объединяет т.н. мертвые предприятия (из-за неспособности производить конкурентоспособную продукцию) и которая является результатом отрицания конкуренции в командной экономике.¹³ Естественно, что некроекономика как таковой в условиях здоровой системы рыночной экономики не существует, так как функционирование неконкурентоспособных предприятий приводит к невозможности сбыта произведенной ими продукции, что обуславливает неплатёжеспособность этих предприятий и что в итоге приводит к их банкротству.

Из-за того, что некроекономика зарождалась в недрах командной экономики, а постсоветский опыт перехода на рыночную экономику показал, что сам процесс этого перехода не смог избавить экономику от мертвых предприятий, то создавшуюся систему общества можно квалифицировать как посткоммунистический капитализм.¹⁴

Экономический спад, зафиксированный в первых годах после развала СССР, и в Грузии и в России (см. таблицу) во многом определен некроекономикой. В частности, потенциально мертвые предприятия, продолжая функционировать в уже несуществующем режиме командной экономики, привели к тому, что их склады стали заполняться неконкурентной продукцией, а из-за принципиальной невозможности ее реализации накапливались неплатежи заработной платы, практически безнадежные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, другим предприятиям. В результате создалась запутанная сеть взаимной задолженности предприятий.¹⁵

Отсутствие в посткоммунистических (и не только) странах эффективного законодательства о банкротстве,¹⁶ а также неимение политической воли у соответствующих правительств для принятия и задействования дееспособного законодательства о банкротстве привели к сохранению мертвых предприятий.

Из-за социальной нестабильности с самого начала перехода на рыночную экономику существовала опасность массового банкротства России, в результате чего российское законодательство о банкротстве практически было малоприменимым.¹⁷ В свою очередь, государственная помощь предприятиям некроекономики давала им возможность продолжения функционирования.¹⁸

Хотя и в Грузии при отсутствии эффективного законодательства о банкротстве тоже были попытки за счет государственной поддержки сохранить некроекономику, но либерализация внешнеторговой политики¹⁹ при скудости государственных ресурсов привела к фактической остановке многих мертвых предприятий.²⁰

Необходимо отметить, что различие в подходах к государственной поддержке предприятий некроекономики в Грузии и России, в основном, исходило из того, что в своем распоряжении грузинское государство, в отличие от российского, имело существенно ограниченные финансовые ресурсы, в том числе и для указанных целей поддержания мертвых предприятий.

12 Например, Городецкий А. Е. «Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России», № 4, с. 72.

13 Папава В. «Некроекономика – феномен посткоммунистического переходного периода». *Общество и экономика*, 2001, № 5; Papava V. “Necroeconomics – the Theory of Post-Communist Transformation of an Economy”. *International Journal of Social Economics*, 2002, Vol. 29, No. 9-10; Papava V. *Necroeconomics: The Political Economy of Post-Communist Capitalism*. New York, iUniverse, 2005.

14 Папава В., Беридзе Т. *Очерки политической экономики посткоммунистического капитализма (опыт Грузии)*. Москва, «Дело и Сервис», 2005.

15 Например, Ослунд А. *Россия: рождение рыночной экономики*. Москва: Республика, 1996, сс. 256-264; Ослунд А. *Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока*. Москва: Логос, 2003, сс. 363-369, 478-480, 484-490.

16 Например, *Resolution of Financial Distress: An International Perspective on the Design of Bankruptcy Laws*. S. Claessens, S. Djankov, A. Mody, eds. Washington, D.C., The World Bank, 2001.

17 Соколин Б. *Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий*. Санкт-Петербург, Лики России, 1997, с. 168.

18 Lindsey B. *Against the Dead Hand: The Uncertain Struggle for Global Capitalism*. New York, John Wiley & Sons, 2002, pp. 126, 153; Shleifer A., Treisman D. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, The MIT Press, 2000, pp. 106-107.

19 Например, Papava V., Beridze T. “Industrial Policy and Trade Regime in Georgia”. *Eurasian Studies*, 1996/1997 Vol., 3, No. 4.

20 Папава В., Токмазишвили М. «Фундамент некроекономики и развитие деловой активности в послереволюционной Грузии». *Кавказ и Глобализация*, 2007, Том 1 (4).

Вместе с тем во времена отсутствия кризисных явлений в больших странах (каковой является Россия) проблема некроэкономики менее остро ощущается, чем в относительно малых странах (каковой является Грузия), ибо из-за большого масштаба экономики у некропредприятий, при содействии государства, есть возможность конкурировать между собой,²¹ что создаёт иллюзию отсутствия некроэкономики. В малых же странах эта проблема стоит более остро, ибо для многих некропредприятий других каких либо аналогов внутри страны просто нет.²²

Из-за относительно меньших масштабов некроэкономики в 2009 году, т.е. в разгар глобального финансово-экономического кризиса спад в экономике Грузии по сравнению со спадом в России (см. таблицу) был куда более умеренным. И это не удивительно, так как именно в условиях финансово-экономического кризиса некроэкономика дает о себе знать в значительном спаде промышленного производства из-за моральной изношенности материально-технической базы некроэкономики, сосредоточенной в промышленности.²³

Необходимо подчеркнуть, что в условиях глобального финансово-экономического кризиса меры, предпринятые правительствами и в Грузии и в России,²⁴ по существу не отличались от тех, которые широко использовались как в посткоммунистических странах,²⁵ так и во всем мире²⁶ и которые основывались на печальном японском опыте зомбирования экономики,²⁷ т.е. сохранения неконкурентоспособных фирм, ставших таковыми из-за этого кризиса; разница между этими странами была лишь в масштабах государственной поддержки фирмам, находящимися на грани банкротства.

О потребительской модели экономического развития бедной страны

Характеризуя нынешние модели экономического развития Грузии и России, необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что между ними есть существенные различия, во многом эти модели схожи. Рассмотрим эти модели по отдельности.

Модель Грузии. Говоря о модели экономического развития Грузии необходимо подчеркнуть, что в течение более чем двадцатилетнего периода государственной независимости перед Грузией всегда актуальной оставалась проблема выбора пути развития.²⁸

Сложившаяся модель экономического развития современной Грузии, к сожалению, основана не столько на росте производства, сколько на **стимулировании потребления**.

21 Например, Schaffer M., Kuznetsov B. "Productivity". In *Can Russia Compete?* R. M. Desai, I. Goldberg, eds. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.

22 Например, Папава В., Токмазишвили М. «Фундамент некроэкономики и развитие деловой активности в постреволюционной Грузии».

23 Илларионов А. «Ноябрьский спад промышленного производства — катастрофа, которая усугубляется действиями властей». *Институт экономического анализа*, www.iea.ru/macroeconom.php?id=14; Илларионов А. «Это — катастрофа. Беспрецедентный промышленный спад ноября». *Институт экономического анализа*, www.iea.ru/econom_rost.php?id=26.

24 Papava V. *The Economic Development Complex in the Black Sea Area: The Impact of the Global Financial and Economic Crisis*. Xenophon Paper, No. 9, Athens, ICBSS, 2010, pp. 45-48, 54-58, http://icbss.org/media/113_original.pdf.

25 Например, Папава В. «Проблема зомбирования посткоммунистической некроэкономики». *Вестник Института Кеннана в России*, 2009, Выпуск 15, www.kennan.ru/index.php/kennan/content/download/1348/7622/version/3/file/Vestnik_15.pdf; Papava V. "Economy of the Post-Communist Capitalism under the Financial Crisis". *Studies in Economics and Finance*, 2010, Vol. 27, No. 2; Papava V. "Post-Communist Capitalism and Financial Crisis, or the Mixing of the Necroeconomics and the Zombie-Nomics". *Georgian International Journal of Science and Technology*, 2010, Vol. 2, Issue 1; Papava V. "The Problem of Zombification of the Postcommunist Necroeconomy". *Problems of Economic Transition*, 2010, Vol. 53, No. 4.

26 Например, Harman C. *Zombie Capitalism. Global Crisis and the Relevance of Marx*. Chicago, Haymarket Books, 2010; Onaran Y. *Zombie Banks. How Broken Banks and Debtor Nations are Crippling the Global Economy*. Hoboken, John Wiley & Sons, 2012; Quiggin J. *Zombie Economics. How Dead Ideas Still Walk Among Us*. Princeton, Princeton University Press, 2010.

27 Например, Ahearne A. G., Shinada N. "Zombie firms and economic stagnation in Japan". *International Economics and Economic Policy*, 2005, Vol. 2, No. 4; Hoshi T. "Economics of the Living Dead". *The Japanese Economic Review*, 2006, Vol. 57, No. 1; Hoshi T., Kashyap A. "Solutions to Japan's Banking Problems: What Might Work and What Definitely will Fail". In *Reviving Japan's Economy: Problems and Prescriptions*. Ito T., Patrick H., Weinstein D. E., eds. Cambridge, The MIT Press, 2005; Smith D. C. "Loans to Japanese Borrowers". *Japanese International Economics*, 2003, Vol. 17, No. 3.

28 Например, Beridze T. "The National Economic Model and Globalization (the Case of Georgia)". *Georgia in Transition*. L. King, G. Khubua, eds. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2009; Gogolashvili K. "In Search of Georgia's Economic Model". *South Caucasus – 20 Years of Independence*. Tbilisi, Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011, <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/08706.pdf>; Samson I. "The Search for a Development Path: Challenges for Georgia". *Georgian Economic Trends*, 2006, No. 4, March.

Стимулирование потребления без должного развития реального сектора экономики привело к тому, что импорт в течение последних лет более чем в 3 раза превышает экспорт.²⁹ Об ориентированности грузинской экономики скорее на потребление, нежели на производство свидетельствует и тот факт, что суммарный объем частного и государственного потребления составляет около 90% ВВП.³⁰

При относительной отсталости производства рост потребления обеспечивается за счет притока денежных средств из-за рубежа: в первые годы после «Революции роз» это, прежде всего, осуществлялось за счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ)³¹ и денежных переводов гражданам Грузии их родственниками, проживающими за рубежом.³²

ПИИ, как правило, аккумулировались в недвижимость, что в целом создавало дополнительный финансовый ресурс внутри страны. Этот финансовый ресурс, поступающий в основном через банковскую систему, способствовал росту жилищного строительства, которое в условиях отсутствия надлежащего государственного контроля превратилось в хорошо известную систему «финансовой пирамиды».³³

После восстановления государственной независимости многие жители Грузии по тем или иным причинам покинули страну. К настоящему времени порядка 20% населения Грузии (более одного млн. человек) проживает за рубежом (из них 2/3 в России).³⁴ Размер денежных переводов только по банковским каналам ежегодно превышает 1 млрд. долларов США.³⁵ Эти деньги, как правило, используются для удовлетворения нужд первой необходимости.

После начала глобального финансово-экономического кризиса приток ПИИ в Грузию резко упал. Этому также способствовала и российско-грузинская война в августе 2008 года. В то же время Грузии, как пострадавшей в этой войне стороне, международным сообществом была предложена финансовая помощь в размере 5,8 млрд. долларов США.³⁶ Это, со своей стороны, обеспечило то, что удалось сохранить потребительский характер экономического развития страны, не говоря о том, что последствия глобального финансово-экономического кризиса оказались относительно легко переносимыми для Грузии.

Ориентация на потребление при неразвитости реального сектора экономики Грузии привела к тому, что за чертой бедности оказалось 40% населения.³⁷ Согласно экспертным оценкам, у 86% населения есть серьезные социальные проблемы.³⁸

Таким образом, *современной моделью экономического развития Грузии является потребительская модель развития бедной страны*.³⁹

Модель России. Проблема выбора модели экономического развития была и остается актуальной для России.⁴⁰

Как известно, экономические успехи постсоветской России в основном определялись

29 External Trade. *National Statistics Office of Georgia*, 2013, http://geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng.

30 Например, Samson I. "Medium-Term Prospects for the Georgian Economy". *Georgian Economic Trends*, 2008, February, p. 73.

31 Например, Shmidt M. "Foreign Direct Investment to Georgia: Can Active Investment Promotion Policies Make a Difference?" *Georgian Economic Trends*, 2007, January.

32 Например, Kakulia M. "Labour Migrants' Remittances to Georgia: Volume, Structure and Socio-Economic Effect". *Georgian Economic Trends*, 2007, October.

33 Papava V. *The Economic Development Complex in the Black Sea Area: The Impact of the Global Financial and Economic Crisis*, p. 46.

34 Samson I. "Medium-Term Prospects for the Georgian Economy", p. 74.

35 Данные по денежным переводам опубликованы на сайте Национального банка Грузии: <http://nbg.gov.ge/index.php?m=306&lng=eng>.

36 Papava V. "Post-War Georgia's Economic Challenges". *Central Asia-Caucasus Analyst*, 2008, Vol. 10, No. 23, November 26, www.cacianalyst.org/?q=node/4991.

37 Например, Meskhia I. "Living Standards and Poverty in Georgia". *Georgian Economic Trends*, 2008, May, p. 57.

38 Например, Гиорхелидзе Д. «Социальное положение: существующие проблемы». *Кавказский акцент*, 2010, № 10, с. 40.

39 Папава В. «Экономика Грузии: в поиске модели развития». Мир перемен, 2013, № 3, с.с. 51-53; Papava V. *The Main Challenges of 'Post-Rosy' Georgia's Economic Development*. Expert Opinion, No. 4, Tbilisi, GFSIS, 2013, http://gfsis.org/media/download/library/articles/Expert_Opinion_ENG_4.pdf.

40 Например, Илларионов А. «Модели экономического развития России». *Вопросы экономики*, 1996, № 7; Сорокин Д. «О стратегии развития России». *Вопросы экономики*, 2010, № 8; Добрышевский С., Синельников-Мурылев С. «Макроэкономические предпосылки реализации новой модели роста». *Вопросы экономики*, 2012, № 9; Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. «Состоится ли новая модель экономического роста в России». *Вопросы экономики*, 2013, № 5.

добычей и экспортом углеводородных ресурсов.⁴¹ Экономику России полшутя квалифицировали и как «экономику трубы».⁴² Несмотря на то, что особенно в докризисный период экономическая политика российского правительства делала ставку на нефтегазовую промышленность, и эта отрасль экономики России, также как и в целом весь реальный сектор экономики, оказалась в состоянии консервации глубокой технологической отсталости.⁴³

В 2008 году (когда цены на нефть еще оставались высокими и продолжали расти) правительством была разработана Концепция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года, которая была основана на более устойчивой модели роста путем стимулирования инноваций с целью ослабления зависимости экономического роста от уровня производства сырья.⁴⁴ Реализации этой концепции, прежде всего, помешало начало глобального финансового и экономического кризиса.

Накопленные в течение 2000-2008 предкризисных годов огромные средства в российском стабилизационном фонде целенаправленно были использованы на предотвращение краха банковской системы и фондового рынка, что в то же время способствовало сохранению приоритета топливно-сырьевого сектора в структуре российской экономики, и этим усугубило её техническую и технологическую отсталость.⁴⁵

Согласно исследованиям Института экономики РАН в структуре ВВП России сформировалась устойчивая тенденция отрицательного соотношения объемов сбережений, накопленных и инвестиций в основной капитал и при этом доля накопления в ВВП России не превышает 20% (что отстает от аналогичных показателей, например, Беларуси, Индии, Казахстана, Китая, Южно-Африканской Республики, и Бразилии).⁴⁶

Технологическая и структурная отсталость российской экономики сформировала такую модель экономического развития, которая квалифицируется **потребительской моделью развития**.⁴⁷

Необходимо также подчеркнуть, что согласно исследованиям Института социологии РАН, в России бедным реально является почти каждый третий её житель, т.е. реально 30% населения России относится к группе бедных, а не 9% как это признается официально.⁴⁸ При этом немаловажно подчеркнуть, что для российского типа бедности характерна её концентрация в сельской местности, что, как правило, свойственно для стран третьего мира.⁴⁹

Подытоживая сказанное, можно заключить, что *современной моделью экономического развития России является потребительская модель развития бедной страны*.

Выводы и рекомендации

Экономический рост в постсоветский период как в Грузии, так и в России характеризовался неравномерностью. На основе учета эффекта быстрого старта можно прийти к заключению, что экономика Грузии росла за 1992-1998 годы быстрее, чем экономика России, а начиная с 1999 года (за исключением кризисного 2009 года) рост экономики России значительно превосходил рост экономики Грузии.

В постсоветский период и в Грузии и в России сложился специфический феномен «постсоветского постиндустриализма», основу которого составила некроэкономика, т.е. неконкурентоспособные предприятия, сохранившиеся со времен командной экономики. До начала глобального финансового и экономического кризиса в России, как в стране с большими размерами экономики, проблема некроэкономики менее остро ощущалась, чем в Грузии с существенно малым размером экономики, ибо из-за большого масштаба экономики у некропредприятий при содействии государства есть возможность конкурировать между собой, что

41 Например, «Экономический обзор ОЭСР по Российской Федерации, 2009 год». *Вопросы экономики*, 2009, № 8, сс. 54-56.

42 Например, Городецкий А. Е. «Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России», № 4, с. 69.

43 Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике. *Вопросы экономики*, 2011, № 11.

44 «Экономический обзор ОЭСР по Российской Федерации, 2009 год», с. 56.

45 Городецкий А. Е. «Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России», № 4, с. 70.

46 Там же, с. 75.

47 Там же.

48 *Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад*. Москва, Институт социологии РАН, 2013, с. 159, www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf.

49 Балацкий Е. В. «Бедность и неравенство в России». *Капитал страны*, 2010, 17 декабря, www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/180796.

создаёт иллюзию отсутствия некроэкономики. В то же время в малых странах эта проблема стоит более остро, ибо для многих некропредприятий других каких-либо аналогов внутри страны просто нет. С другой стороны, более масштабное наличие некропредприятий в экономике России привело к более значительному экономическому спаду в кризисном 2009 году, нежели это произошло в Грузии.

К настоящему времени как в Грузии, так и в России сложился т.н. «карикатурный вариант общества потребления»,⁵⁰ так как в обеих странах сформировалась потребительская модель экономического развития бедной страны.

Для создания объективных условий стабильного экономического развития обеим странам необходимо избавиться от некроэкономики, так как чем больше страна отстает от передовых технологических достижений, тем меньше шансов, что усиление конкуренции внутри страны ускорит её экономическое развитие за счет обеспечения высоких темпов экономического роста.⁵¹

В свою очередь, для избавления экономики от мертвых предприятий (проблема, которая куда более остро стоит перед Россией, чем Грузией) необходимо задействовать законодательство о банкротстве.

Для перехода от потребительской модели экономического развития бедной страны к инновационной модели, необходимо заинтересовать в этом самих предпринимателей, так как лишь усилиями государства в данном направлении будут получены крайне ограниченные результаты, которые в лучшем случае будут использованы иностранными партнерами-конкурентами.⁵²

Таким образом, экономическая политика государства должна строиться на том, чтобы стимулировать (в том числе и за счет налоговых льгот) частный сектор, ориентированный на инновационный тип экономического роста.⁵³ А в этом направлении обмен опытом между Грузией и Россией может оказаться реально плодотворным.

50 Городецкий А. Е. «Антикризисное регулирование и модели посткризисного развития России», № 4, с. 75.

51 Голиченко О. «Модели развития, основанного на диффузии технологий». *Вопросы экономики*, 2012, № 4, с. 121.

52 Сорокин Д. «О стратегии развития России», с. 32.

53 В данном контексте для Грузии особо привлекательным является получение режимов свободной торговли с ЕС и США. Дело в том, что без технологического обновления грузинской экономики, производство конкурентоспособной продукции, на которую будет спрос в ЕС и в США будет невозможной (Папава В. «Экономика Грузии: в поиске модели развития», сс. 53-56; Papava V. *The Main Challenges of 'Post-Rosy' Georgia's Economic Development*, pp. 7-9).

СОЧИ-2014: ДО И ПОСЛЕ

Ивлиан Хаиндрава

руководитель программы южнокавказских исследований
Республиканского института Грузии

Тема зимней Олимпиады-2014 в Сочи политизирована в значительной мере. В широком олимпийском контексте присутствует и «грузинская» составляющая, а потому именно грузино-российским взаимоотношениям сквозь призму Сочи-2014 и посвящен данный материал. Анализ различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на динамику и содержание процесса, позволяет говорить о том, что комплекс вопросов, связанных с сочинской Олимпиадой и с проблемой обеспечения ее безопасности – конкретно, содержит в себе как позитивный, так и негативный потенциал для будущего грузино-российских отношений.

Триумф Сочи в Гватемале

4 июля 2007 года на сессии Международного Олимпийского Комитета (МОК) в Гватемале город Сочи был выбран местом проведения зимних Олимпийских игр в 2014 году. Президент Российской Федерации Владимир Путин лично прибыл в Гватемалу и в рамках представления заявки Сочи выступил с речью перед делегатами МОК. Своим присутствием он как бы «привязал» к себе как положительное решение МОК, так и зимнюю Олимпиаду как таковую. Несмотря на то, что уже в следующем 2008 году В. Путину предстояло сложить президентские полномочия, не составляло большого секрета и то, что ко времени проведения сочинской Олимпиады он вновь в ранге президента РФ будет готов пожинать лавры главного вдохновителя и организатора столь престижного мероприятия. Вскоре после решения МОК, перечисляя достижения России (читай – его собственные), которые склонили в Гватемале чашу весов в пользу Сочи, В. Путин первым назвал восстановление территориальной целостности страны.¹ Страны, естественно, своей, а не какой-нибудь соседней.

Глава Организационного комитета «Сочи-2014» Д. Чернышенко в интервью Би-би-си заявил, что главная цель – «организовать выдающиеся, самые незабываемые и самые эффективные Игры в истории олимпийского движения».² При этом он отметил, что для достижения этой цели будут мобилизованы ресурсы не только города или региона (Краснодарского края), но и всей страны. Таким образом, значимость предстоящей Олимпиады для России и лично для В. Путина очевидна, и она рассматривается им как возможность укрепить свой авторитет внутри страны и за ее пределами.

Впрочем, Олимпиаде в Сочи в феврале 2014 г. заведомо суждено стать по-своему уникальной и в силу ряда иных обстоятельств:

1. Это – первые зимние Олимпийские игры, которые пройдут в субтропиках.
2. Задолго до их начала стало ясно, что они станут самыми дорогостоящими в истории, включая гораздо более масштабные (а, значит, и затратные) летние Игры.
3. Олимпиада пройдет в непосредственной близости от беспокойных республик Северного Кавказа, а потому вопросы безопасности приобретают особое значение.
4. Олимпийские объекты расположены в местах, где имели место трагические события в ходе покорения Россией Кавказа (русско-кавказской войны, растянувшейся на половину девятнадцатого столетия), что повышает риски, связанные с безопасностью Игр.
5. Олимпиада проводится не в одном из внутренних регионов России, а рядом со спорной границей, которую Россия рассматривает, как границу с признанной ею Абхазией, а Грузия (и подавляющее большинство стран мира) – как межгосударственную границу Грузии с Российской Федерацией.

В работе «Сочи-2014: этнополитическое измерение»³ С. Маркедонов идентифицирует несколько проблемных точек предстоящей Олимпиады, а именно: а) ситуация в Краснодарском крае; б) «черкесский вопрос» и его динамика; в) фактор северокавказской нестабильности; г) Олимпиада в контексте российско-грузинских отношений; д) асимметричное партнер-

1 www.newsru.com/russia/24jul2007/myaso.html

2 www.bbc.co.uk/russian/sport/2011/12/111220_sochi2014_chernyshenko_interview.shtml

3 <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/m11.html>

ство России и Абхазии. Схожие мотивы в «олимпийской саге» улавливают и другие известные российские аналитики.⁴ Таким образом «грузинская тема» несомненно присутствует в олимпийском контексте и, в нынешней ситуации весьма скудного меню непосредственного взаимодействия между Грузией и Россией, способна оказать воздействие на дальнейшее развитие двухсторонних отношений.

Реакция Грузии

Несмотря на то, что грузино-российские взаимоотношения к июлю 2007 г. уже носили весьма напряженный характер, президент Грузии Михаил Саакашвили за несколько часов до принятия решения в Гватемале еще раз полностью поддержал российскую заявку на проведение Олимпийских игр в Сочи, выразив надежду, что они будут способствовать стабильности, миру и взаимопониманию между народами Кавказа.⁵ Затем он даже лично позвонил В. Путину, чтобы поздравить «с большим успехом России».⁶ Однако, оптимизм президента разделили в Грузии отнюдь не все. Так, Паата Закареишвили (ныне – Государственный министр по реинтеграции) склонен был полагать, что проведение Олимпиады в Сочи – непосредственно рядом с Абхазией – еще больше «привяжет» последнюю к России и надеяться на подвижки в разрешении грузино-абхазского конфликта в течение как минимум последующих семи лет не придется.⁷

Дальше, впрочем, стало еще хуже, чем даже в пессимистическом прогнозе П. Закареишвили. Разразившаяся в августе 2008 г. российско-грузинская война (здесь необходимо отметить, что Грузия не вела боевых действий в Абхазии) повлекла за собой вытеснение грузинского населения (а иного там не было) из Кодорского ущелья, признание Российской Федерацией независимости Абхазии (и Южной Осетии), разрыв дипломатических отношений между Грузией и РФ и фактическое продолжение войны иными средствами («Всякая дипломатия есть продолжение войны другими средствами» – Чжоу Эньлай). Именно на послевоенный период приходится активизация грузинской политики на северокавказском направлении,⁸ что непосредственно увязывалось и с сочинской Олимпиадой. Среди прочего можно отметить проведение в марте и ноябре 2010 г. в Тбилиси двух международных конференций «Неизвестные народы; непрекращающееся преступление: черкесы и кавказские народы между прошлым и будущим», организованных Тбилисским государственным университетом им. Ильи Чавчавадзе в сотрудничестве с Jamestown Foundation (США). Первая из этих конференций приняла обращение к парламенту Грузии с призывом признать геноцид черкесов; вторая – призвала к бойкоту Олимпийских игр в Сочи.

20 мая 2011 г. признание геноцида черкесов парламентом Грузии действительно последовало.⁹ Низводить этот шаг до уровня одного из элементов кампании, направленной на бойкот сочинской Олимпиады, было бы неверно; последствия его задумывались как более масштабные. Однако, «сочинский» сегмент в этом шаге, безусловно, присутствовал. Достаточно вспомнить, что упомянутый Jamestown Foundation еще в июне 2010 г. провел круглый стол на тему «Сочи 2014: можно ли проводить Олимпийские игры там, откуда 150 лет тому назад изгнали черкесов?», заложив идеологический фундамент под идею бойкота сочинской Олимпиады. А тогдашний президент Грузии М. Саакашвили так ответил на вопрос чешского телеканала СТ24, будет ли Грузия бойкотировать игры в Сочи: «Это этнически вычищенная территория. И это место, где был геноцид черкесов. У Сочи действительно сложная история. К тому же там есть проблемы с безопасностью. Северный Кавказ – непростая территория. 2014 год приближается быстро, но решение этих проблем требует времени. И я не могу сказать, что

4 См., например: Alexey Malashenko «Controversy and Concern Over the Sochi Olympics» April 10, 2013 <http://carnegie.ru/2013/04/10/controversy-and-concern-over-sochi-olympics/fyyc#>

5 www.civil.ge/rus/article.php?id=13854

6 <http://izvestia.ru/news/403651> 6 июля 2007 г.

7 www.civil.ge/rus/article.php?id=13854

8 См. Ивлиан Хаиндрава, «Кавказский дом по тбилисскому проекту», Россия в глобальной политике, т.1, №1, январь-февраль 2012 г. www.globalaffairs.ru/number/Kavkazskii-dom-po-tbilisskomu-proektu-15469

9 Подробнее см. Ивлиан Хаиндрава: «Признание Грузией геноцида черкесского народа в контексте грузино-абхазо-российских взаимоотношений». www.international-alert.org/ru/our-work/caucasus-dialogues-perspectives-region/Priznanie%20Gruziei%20genotsida%20Cherkesskovo%20naroda%20v%20kontekste%20gruzino-abkhazoross 13 июня 2011 г.

произойдет до 2014 года».¹⁰

Следует, правда, отметить, что еще в феврале 2011 г. М. Саакашвили говорил, что создание «физической угрозы» Олимпийским играм в Сочи «не только не в наших планах, но и ни в наших возможностях также»,¹¹ но в Москве ему по традиции не поверили. Так, Полномочный представитель президента РФ в Северокавказском федеральном округе Александр Хлопонин прокомментировал признание Грузией геноцида черкесов именно как попытку «разыграть черкесскую карту под Олимпийские игры»;¹² а когда в мае 2012 г. в Абхазии обнаружили тайники с оружием и боеприпасами, предназначенными предположительно для проведения терактов в ходе подготовки и проведения Олимпиады в Сочи, многие в Москве обвинили грузинские спецслужбы в сотрудничестве с террористами, и российская пресса запестрела соответствующими заголовками.¹³ Но никаких улик, подтверждающих причастность Грузии к происшедшему, ни тогда, ни позже представлено не было.¹⁴

Вплоть до смены власти в Грузии в результате парламентских выборов в октябре 2012 г., двухсторонняя напряженность вокруг сочинской Олимпиады (и не только вокруг нее, разумеется) поддерживалась обоюдно: М. Саакашвили вынашивал идею бойкота Игр (так и не обзаведясь, впрочем, сторонниками этой идеи на международной арене), а Россия пыталась представить Грузию как основной источник угрозы безопасности Олимпиады (тоже, впрочем, без какого-либо успеха на международной арене).

Тбилиси меняет отношение

После смены власти в Грузии отношение официального Тбилиси к сочинской Олимпиаде изменилось на 180 градусов. Еще не успев вступить в должность, будущий премьер Бидзина Иванишвили заявил, что Грузия должна принять участие в Олимпиаде в Сочи в 2014 году.¹⁵ Национальный Олимпийский Комитет (НОК) страны на своей сессии 2 мая 2013 г. принял решение об отправке грузинских олимпийцев в Сочи, сославшись на фундаментальные принципы Олимпийской хартии. Кстати, в сентябре 2013 г. 76% опрошенных граждан Грузии высказались за участие в Олимпиаде, 11% - против, а у остальных не было четкой позиции по данному вопросу.¹⁶

Данное решение, однако, следует рассматривать в более широком контексте, нежели чисто спортивном. Победившая на выборах Коалиция «Грузинская мечта» в лице своего лидера Б. Иванишвили заранее провозгласила одним из приоритетов упорядочение взаимоотношений с Россией, и шаг в направлении Сочи следует рассматривать именно в рамках этого курса. Более того, за решением об участии в Олимпиаде прочитывается готовность пересмотреть и северокавказскую политику прежних властей в целом, лишив ее вызывающих в России раздражение и обеспокоенность элементов (так, было прекращено вещание телеканала ПИК, черкесская и иные северокавказские темы больше не муссируются на официальном уровне, равно как и не проводятся конференции, подобные упомянутым).

Грузия даже предложила России содействие в сфере обеспечения безопасности Игр, о чем заявил, находясь с визитом в США (место, представляется, было выбрано неслучайно), министр обороны Грузии И. Аласания.¹⁷ Ранее – в июне 2013 г. – президент РФ В. Путин говорил о том же самом с российской стороны, положительно оценив действия новых грузинских властей касательно Олимпиады, и даже упомянул, что налаживание взаимодействия между спецслужбами двух стран в целях противодействия терроризму может приблизить отмену ви-

10 www.ceskatelevize.cz/ct24/exkluzivne-na-ct24/osobnosti-na-ct24/139360-cilem-ruska-bylo-prevzeti-gruzie-rika-michail-saakasvili/ 12 октября 2011 г.

11 www.civil.ge/rus/article.php?id=21718

12 «Хлопонин: Грузия разыгрывает ‘черкесскую карту’ к Олимпийским играм», Взгляд, 14 июля 2011 г.

13 См. например: «Грузия хотела взорвать Сочи руками Умарова?» Аргументы и факты, 10 мая 2012 г. www.sz.aif.ru/crime/article/26923; «В Госдуме считают, что Доку Умарова могут поддерживать грузинские спецслужбы» Единая Россия, 10 мая 2012 г. <http://er.ru/news/2012/5/10/umarova-mogut-podderzhivat-gruzinskie-specsluzhby-schitayut-v-gosdume/>; «Гамарджоба, Умаров» Российская газета, 11 мая 2012 г. www.rg.ru/2012/05/10/terrorism-site.html

14 См. например, Сергей Маркедонов: «В поисках “грузинского следа”». 13 мая 2012 г. www.ekhokavkaza.com/archive/programs/latest/2737/2737.html

15 <http://ria.ru/sport/20121016/902899284.html> 16 октября 2012 г.

16 Опрос проведен Национальным демократическим институтом (NDI): www.ndi.org/node/20641

17 www.ekhokavkaza.com/content/article/25083440.html 22 августа 2013 г.

зового режима для граждан Грузии.¹⁸ Казалось бы политическая воля с обеих сторон налицо, и процесс мог бы пойти. Он и пошел с грузинской стороны – 13 сентября 2013 г. в Батуми был задержан гражданин РФ, уроженец Чечни Юсуп Лакаев, значащийся в российском списке лиц, представляющих угрозу для Олимпиады-2014,¹⁹ которого подозревают в причастности к убийству в Сухуми российского дипломата (и его супруги, скончавшейся позднее от ран в больнице). В своем комментарии по этому поводу заместитель министра иностранных дел Грузии Д. Джалагания заявил, что официальный Тбилиси несколько месяцев назад предложил Москве сотрудничество в сфере обеспечения безопасности сочинской Олимпиады, но «к сожалению, это предложение по сей день остается без ответа со стороны России. Поэтому любые претензии будут безосновательными».²⁰

Каких-либо претензий с российской стороны, впрочем, за минувшее после смены власти в Грузии время, официально озвучено и не было. Хотя и подача документов на экстрадицию Лакаева вряд ли может рассматриваться в качестве равноценного шага к сотрудничеству. Вопросы российско-турецкого взаимодействия в области безопасности Олимпиады были обсуждены, например, в ходе встречи В. Путина и Р. Эрдогана в конце ноября.²¹ Ранее ФСБ подтвердила восстановление контактов между спецслужбами России и Великобритании именно на почве безопасности грядущей Олимпиады (прерванные после скандального убийства экс-сотрудника ФСБ А. Литвиненко).²² Однако положение дел в грузино-российских взаимоотношениях на сегодняшний день еще более сложное, и взаимодействие спецслужб (если таковое все же началось) вовсе не обязательно афишировать.

В то же самое время отнюдь не шагами, направленными на улучшение климата в двухсторонних отношениях, приходится рассматривать некоторые действия Кремля, последовавшие уже после кардинального изменения подхода официального Тбилиси к сочинской Олимпиаде. Речь идет о «бордеризации» Абхазии и Южной Осетии вдоль разделительных линий между ними и остальной Грузией с ужесточением режима передвижения граждан. В случае с Южной Осетией это осуществляется даже скандально-вызывающим образом, когда российские пограничники протягивают колючую проволоку непосредственно через села, оставляя соседей и родственников, дома и приусадебные участки по разные стороны обозначаемой таким образом «государственной границы».²³ В Грузии подобные действия рассматриваются, в лучшем случае, как неадекватные и противоречащие духу новых веяний в двухсторонних взаимоотношениях.²⁴ Российский политолог А. Сушенцов также признал, что т.н. «бордеризация» Южной Осетии, осуществляемая на фоне наметившейся нормализации грузино-российских отношений, служит раздражающим фактором.²⁵

Еще одним раздражителем стал тот факт, что российскому летчику, которому удалось посадить на своей базе подбитый в воздушном пространстве Грузии во время боевого вылета в августе 2008 г. самолет, было предоставлено почетное право одним из первых нести факел с олимпийским огнем. Это также было воспринято многими в Грузии как прямой вызов и повлекло за собой выступления с требованием бойкота сочинской Олимпиады. Любопытно, что посол Германии в Грузии в интервью популярной еженедельной газете сказал, что будь он грузином, то тоже был бы против участия в Олимпиаде после инцидента с факелоносцем, ибо воспринял бы это как провокацию и оскорбление.²⁶ Правительство страны, однако, продолжает поддерживать решение НОК об участии в Олимпиаде, но если за оставшееся время число раздражителей будет расти, оно может оказаться в сложном положении.

В целом же представляется (и большинство наблюдателей разделяют эту точку зрения), что до завершения Олимпиады ожидать резких, дестабилизирующих ситуацию шагов ни с российской, ни, тем более, с грузинской стороны не приходится. Успешное проведение Игр в условиях безопасности – дело престижа для Российской Федерации и лично ее президента, и поддержание спокойствия, в том числе политического, вокруг Олимпиады ей необходимо.

18 www.politrus.com/2013/06/13/putin-georgia/ 13 июня 2013 г.

19 www.ekhokavkaza.mobi/a/25107977.html

20 www.ekhokavkaza.com/content/article/25107977.html 16 сентября 2013 г.

21 <http://izvestia.ru/news/561355>

22 http://newsru.com/russia/08nov2013/rus_brit.html

23 Соответствующее решение было принято раньше, но демонстративная часть процесса почему-то пошла в ходе налаживания грузино-российского диалога – прим. автора

24 См., например: www.interpressnews.ge/ru/2010-05-25-09-32-40/52551-2013-09-25-09-06-56.html

25 www.ekhokavkaza.com/content/article/25136848.html 14 октября 2013 г.

26 «Квирис палитра», 28 октября 2013 г. www.kvirispalitra.ge/politic/19254-qevropis-stabilurobas-saqarthvelos-gulisthvisac-ver-shevelevithq-eqskluzivi.html (на грузинском языке)

Грузия же, при нынешнем ее руководстве во всяком случае, действительно заинтересована в разрядке напряженности во взаимоотношениях с Москвой и не станет чинить ей козни в преддверии Олимпиады. Если сумма раздражителей со стороны России перестанет расти, не достигнув критической отметки, то делегация Грузии в Сочи поедет.

Следовательно, Олимпиада в Сочи открывает возможности для взаимодействия грузинской и российской сторон в сфере борьбы с терроризмом – в частности, а в более широком плане – в направлении обеспечения безопасности и стабильности по всей длине их общей границы.

Что будет на Олимпиаде?

А вот дальше возникает множество вопросов, убедительные ответы на которые загодя найти сложно. Итак, допустим, Грузия участвует в Олимпиаде, Игры проходят успешно, и эксцессов в области безопасности не происходит. Вопрос, вызывающий беспокойство в Грузии, заключается в том, не пожелает ли Россия использовать олимпийские и околоолимпийские мероприятия для пропаганды Абхазии в качестве признанного ею государства? Теперь уже бывший президент Грузии заявил по этому поводу: «Мы должны знать, какова политическая цена участия в Сочинской олимпиаде. Там нам обязательно устроят встречу с так называемыми осетинской и абхазской делегациями и обязательно поднимут их флаги. Путин обязательно применит все цирковые трюки, которые ему так удаются. Для участников олимпиады обязательно устроят экскурсии по территории Абхазии. Одним словом, нами всячески будут пренебрегать».²⁷ Если подобное произойдет, то политическая цена для нынешнего правительства Грузии может действительно оказаться очень высокой, а М. Саакашвили и компания получат серьезный аргумент в пользу того, что упорядочить взаимоотношения с нынешней Россией невозможно никоим образом.

Вариант второй. В ходе Олимпиады происходит сбой в обеспечении безопасности, и в поисках козла отпущения российские официальные лица по привычке, или по иным соображениям, указывают в сторону Грузии. Подобное уже бывало (см. выше историю с тайниками с боеприпасами в Абхазии), и развитие событий по данному сценарию неминуемо приведет к новому витку напряженности в двухсторонних отношениях с труднопредсказуемыми последствиями.

Вариант третий. Грузины в Олимпиаде участвуют, Россия презентацию «независимой Абхазии» не организует, проблем с безопасностью не возникает, В. Путин пожинает лавры организатора и вдохновителя, его позиции еще более крепнут внутри и за пределами своей страны. Возникает благоприятная ситуация для наполнения конкретным содержанием процесса российско-грузинской разрядки, образуется площадка взаимного доверия в целях сотрудничества по совпадающим интересам (например, безопасности вдоль грузино-российской границы).

Могут быть и иные сценарии, например – в случае неучастия Грузии в Олимпиаде. В общем же, есть основания утверждать, что ***зимние Олимпийские игры в Сочи в феврале 2014 г. содержат в себе как шансы, так и риски для процесса упорядочения грузино-российских отношений, и все зависит от политической воли сторон, в первую очередь – российской.***

Но тут выходят на первый план проблемы геополитического измерения, объективно присутствующие в двухсторонней повестке последние лет пятнадцать и которые не исчезнут после того, как завершится Олимпиада в Сочи. Речь идет о противоречащих друг другу интересах Грузии и РФ по следующим фундаментальным параметрам внешней политики и национальной безопасности:

- а) Грузия стремится в НАТО; Россия противостоит расширению НАТО;
- б) Грузия стремится к интеграции в ЕС; Россия продвигает конкурирующий интеграционный проект в рамках СНГ, Таможенного союза, ЕврАзЭС, с выходом на Евразийский союз,²⁸ и курс Грузии на ЕС воспринимается ею помехой в реализации собственного проекта;
- в) Грузия стремится к примирению с абхазами и южными осетинами и восстановлению единства страны; Россия обеспечивает сецессию и независимость Абхазии и Южной Осетии от Грузии.

27 www.regnum.ru/news/fd-abroad/georgia/1714109.html 1 октября 2013 г.

28 В.Путин: «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» www.izvestia.ru/news/502761 3 октября 2011 г

Что будет после Олимпиады?

Поскольку ни Грузия, ни Россия не собираются пересматривать свои интересы и позиции, то и прорыва во взаимоотношениях после Олимпиады ожидать не приходится; такого мнения придерживаются, например, содокладчики ПАСЕ по Грузии и России.²⁹ Более того, есть опасения, что после завершения Олимпиады давление России на Грузию усилится; ведь в ближайшем постолимпийском будущем грянут события, которые отнюдь не будут способствовать смягчению противоречий между ними; скорее, наоборот. Достаточно упомянуть намечаемое на 2014-й год подписание Договора об ассоциации между ЕС и Грузией и присоединение Грузии к силам быстрого реагирования НАТО в 2015 г. (на Вильнюсском Саммите Грузия подписала рамочное соглашение о подключении к гражданским миссиям и военным операциям ЕС). Исходя из опыта Украины, следует ожидать, что позиция России ужесточится в стремлении не допустить подписания Грузией договора с ЕС. Кроме всего прочего тут присутствует и тема Армении, которую усиленно вовлекают в Таможенный союз, но «таможенные» отношения с которой в прямом и переносном смысле повисают в воздухе без непосредственного сухопутного сообщения. Ну, а дальше, глядишь, удастся и саму Грузию «вовлечь», приобщив ее к идее Евразийского союза.³⁰ Таким образом, откроется путь к тому, чтобы вообще снять с повестки дня и без того похожее на мираж вступление Грузии в НАТО, усложнить положение Азербайджана, заполучить контроль над его (и Центральной Азии) энергоресурсами и накрепко «привязать» к России Южный Кавказ в целом, окончательно вытеснив оттуда Запад.

Рычагов политического и экономического давления на Грузию у России, после признания ею Абхазии и Южной Осетии, осталось, впрочем, немного. Можно вновь ввести эмбарго на грузинскую продукцию, но, как показала практика, к обвалу грузинской экономики это не приведет. В рамках «упорядочения» или «оптимизации» миграционной политики можно выслать из России грузинских трудовых мигрантов (заодно с молдованами, например), что негативно скажется на существующей ситуации, когда нашедшие работу в России граждане Грузии переводят на родину больше денег, чем из всех остальных стран мира вместе взятых.³¹ Можно развалить процесс Женевских консультаций – единственной площадки, где происходит обмен мнениями между официальными представителями Тбилиси, с одной стороны, и Сухуми и Цхинвали, с другой. Но в Грузии и это тоже не будет воспринято катастрофой, ибо реальной отдачи от этих консультаций немного, а иллюзий на скорую реинтеграцию Абхазии и Южной Осетии в Грузию больше не питают. Можно продолжить «бордеризацию» Южной Осетии, прихватывая по пути куски территории сопредельных грузинских районов, но затея эта затратная не только политически, но и финансово: около 75% периметра Южной Осетии приходится на остальную Грузию, а человеческих ресурсов для освоения и охраны этих территорий нет и не предвидится. Можно инспирировать проблемы в энергосекторе Грузии – зависимость от российского импорта в последние годы невелика, но позиции российских компаний (в том числе – с государственным капиталом) в Грузии сильны как в сфере генерации электроэнергии, так и дистрибуции. Можно попытаться дестабилизировать ситуацию в стране или в каком-либо ее регионе, но для этого нужен соответствующий социально-политический фон, создать который могут лишь сами власти Грузии своими нерадивыми действиями.

Ни одна из этих угроз по-отдельности не является смертельной для Грузии, хотя их комплексное задействование и способно доставить массу неприятностей. Параллельно с «политикой кнута» возможно применение и «политики пряника», хотя и здесь ресурсы России ограничены. Спецпредставители сторон З.Абашидзе и Г.Карасин, положительно оценивая итоги первого года общения, затрудняются конкретизировать направления, где при наличии общеизвестных «красных линий» открывались бы радужные перспективы дальнейшего сотрудничества. По большому счету ничего, кроме смягчения визового режима, граждане Грузии от России не ожидают (19 декабря В.Путин сказал, что «мы вполне могли бы пойти на возврат к безвизовому режиму»³²), но вряд ли этот фактор перевесит дальнейшую либерализацию визового режима с ЕС, если дело дойдет до выбора. Разговоры же о том, как полезна будет Грузии встреча с Абхазией (и Южной Осетией) в Таможенном союзе для восстановления единства страны в рамках, например, конфедерации, способны прельстить лишь людей наивных или прикидывающихся таковыми.

29 www.assembly.coe.int/CommitteeDocs/2013/amondoc14rev_2013.pdf 27 июня 2013 г.

30 См., например: Дмитрий Тренин «России-куме все Грузия на уме?» <http://carnegie.ru/2013/11/18/россии-куме-все-грузия-на-уме/gu2v> 18 ноября 2013 г.

31 <http://newsgeorgia.ru/economy/20131217/216235221.html> 18 декабря 2013 г.

32 <http://newsru.com/russia/19dec2013/pressputin13.html#15>

Однако, есть еще ресурс военный, т.е. угроза применения силы (повод можно создать), или даже ее применение (хотя говорят, что угроза бывает более действенной, чем собственно применение). Вроде бы писать об этом на нынешнем фоне снижения напряженности в грузино-российских взаимоотношениях даже как-то неудобно, однако... Российский военный эксперт пишет, что в случае возобновления войны между Арменией и Азербайджаном за Нагорный Карабах (каковое он считает «практически неизбежным»), придется «пробиваться через Грузию» на помощь 102-й военной базы. «Если же надо будет наступать самим, при этом *длительное время контролировать часть грузинской территории и коммуникации по ней до Армении* (выделено мною – И.Х.) — это уже задача несравненно более сложная, ЮВО³³ уже вряд ли обойдется без помощи других округов» — считает эксперт.³⁴ Ранее, рассматривая сценарий военной операции Запада против Ирана,³⁵ другой российский военный эксперт задался вопросом о необходимости «обеспечения дееспособности» российских войск в Армении. По его мнению, Генштаб России будет планировать какие-то упреждающие мероприятия, направленные на тыловое снабжение своих войск в критических условиях.³⁶ «Тылом» для российской 102-ой базы в Гюмри является Грузия. Примечательно, что точка зрения самой Грузии на подобное развитие событий игнорируется, а на российских военных базах в Абхазии и Южной Осетии (7-ая и 4-ая соответственно) размещается вооружение наступательного назначения.³⁷

О «вступлении в вооруженный конфликт» российской военной базы в Армении «в случае принятия решения руководством Азербайджана по восстановлению юрисдикции над Нагорным Карабахом силовым путем» открыто говорит и командующий соединением российских войск в Армении полковник Андрей Рузинский.³⁸ В этом контексте необходимо отметить, что Россия усиливает свой военный контингент в Армении, расширяя, по ходу дела, и территории, на которых дислоцируются военные объекты. Знаменательно, что свой государственный визит в Армению 2 декабря 2013 г. президент РФ В. Путин начал именно с посещения российской военной базы, приземлившись не в Ереване, а в Гюмри. Вообще Москва интенсивно вооружает двух непосредственных соседей Грузии по Южному Кавказу (не только Армению, но и Азербайджан), объясняя это необходимостью поддержания военного паритета в регионе.³⁹ При этом, однако, умалчивается то, что при подобном развитии дел Грузия «выпадает» из регионального паритета.⁴⁰ Все это выглядит особенно тревожно на фоне упорного нежелания России взять на себя обязательство о неприменении силы в отношении Грузии.⁴¹

Таким образом, исходя из анализа реалий, можно сделать несколько выводов:

1. За минувшее после смены власти в Грузии время напряженность в грузино-российских взаимоотношениях пошла на убыль и в рамках постулата «политика – искусство возможного» удалось достичь позитивных результатов.
2. До завершения сочинской Олимпиады ожидать резких шагов, направленных на подрыв достигнутого прогресса с угрозой масштабной дестабилизации, не приходится.
3. Очередному испытанию двухсторонние отношения подвергнутся после завершения зимней Олимпиады, когда от России следует ожидать попыток «увести» Грузию с пути евроатлантической интеграции в противоположном направлении – в сторону ТС, ЕвразЭС и далее Евразийского союза.
4. Динамика политического противостояния двух несоразмерных сторон во многом будет зависеть от того, окажется ли способной европейская «мягкая сила» проявить себя силой, а не бессилием.

33 Южный военный округ – прим. редактора

34 Александр Храмчихин: «Южный округ: противники на Кавказе России не страшны». <http://rusplt.ru/policy/yujnyiy-okrug-protivniki-na-kavkaze-rossii-ne-strashnyi.html> 7 октября 2013 г.

35 К моменту завершения работы над статьей опасность подобного развития ситуации низка, как никогда за последние годы, но никто не возьмется поручиться за будущее – прим. автора

36 «Маневры особой важности» www.ng.ru/politics/2012-01-16/3_kartblansh.html 16 января 2012 г.

37 Армии России и Грузии: 5 лет спустя www.belvpo.com/ru/28815.html 8 августа 2013 г.

38 www.redstar.ru/index.php/news-menu/vesti/iz-vmf/item/12045-yuzhnyj-forpost-rossii 10 октября 2013 г.

39 www.regnum.ru/news/russia/1676314.html 26 июня 2013 г.

40 В рейтинге Глобального индекса милитаризации-2013 (Global Militarization Index), составленного Международным институтом конверсии в Бонне (BICC), Армения заняла четвертое место в списке самых милитаризованных стран, Азербайджан – 9-ое, а Грузия – 54-ое (Россия – 3-ье, Турция – 23-ье, Иран – 28-ое) www.regnum.ru/news/fd-abroad/georgia/1730118.html 8 ноября 2013 г.

41 «Попытки добиться обязательств РФ о неприменении силы против Грузии не имеют смысла: постпред РФ при ОБСЕ» www.regnum.ru/news/1719901.html 15 октября 2013 г.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ДИНАМИКА, РОССИЯ И ГРУЗИЯ

Иван Сухов

кандидат исторических наук, глава отдела вещания
на Кавказ радиостанции «Голос России»

Кавказ перед Сочи

Общая динамика развития ситуации на Северном Кавказе за истекший год может быть обозначена как негативная. Это может быть не видно по динамике статистики террористических актов,¹ но выражается в продолжающемся сокращении пространства общественной жизни, контролируемого Россией. Российские институты, российские нормы все меньше значат для повседневной регламентации жизни, для реальных правил, по которым живут люди на Северном Кавказе.

Альтернативные нормативные системы – это не обязательно и не только радикальный исламизм. Но важно именно сокращение пространства влияния России как политической, общественной и культурной системы. Процесс взаимного отчуждения России и Кавказа ощутимо включен во внутророссийскую политическую повестку дня, вопрос конфликтности, связанный с мигрантами северокавказского происхождения, волнует избирателей в больших российских городах, рост ксенофобии усугубляет процесс утраты Россией влияния на Северном Кавказе.

На этом фоне нельзя не отметить некоторых тенденций. Во-первых, Россия старается обеспечить безопасность Олимпийских игр в Сочи. Это приводит к активизации, главным образом, правоохранительных усилий и усилий по нейтрализации потенциальных политических угроз – таких, например, как публичная дискуссия о черкесском геноциде. Это обстоятельство – подготовка к Олимпиаде – определенно открывает новые возможности для сотрудничества России и Грузии, и примеры такого сотрудничества есть.² Вопрос в том, чтобы эти намечающиеся практики не осложнили отношения с народами Северного Кавказа ни для России, ни для Грузии.

Второй заметный аспект северокавказской политики, существенный для российско-грузинских взаимоотношений, – это распространение северокавказских политических и управленческих практик на Южную Осетию и Абхазию. Оценке и анализу возможных последствий этой тенденции для обеих стран, как и для Южной Осетии и Абхазии, а также прикладным рекомендациям, будет посвящена одна из частей данного исследования.

Северный Кавказ: морфологические изменения

Как говорилось выше, северокавказская ситуация, связанная с вопросами обеспечения безопасности, с точки зрения статистики выглядит не самым плохим образом.

По данным, которыми оперирует представленный в октябре 2013 года доклад московского офиса International Crisis Group, можно говорить, например, о приблизительно трехкратном снижении числа погибших в первом полугодии 2013 года по сравнению с 2012-м: примерно с 600 человек примерно до 200 человек за полгода.³ Региональными лидерами по уровню насилия остаются Дагестан, Чечня и Ингушетия.

Это снижение уровня насилия, фиксируемое независимыми исследователями, не должно обманывать внимательного наблюдателя.

1 В октябре 2013 года директор ФСБ Александр Бортников сообщил, что за первые 9 месяцев 2013 года в России имело место 144 случая «террористической направленности», из них 120 в Дагестане, и это вдвое меньше, чем за аналогичный период 2012 года. В 2012 году в Дагестане в ходе столкновений между боевиками и силовыми структурами было убито 700 человек и еще 525 ранено. Из 700 убитых 404 боевика, 209 сотрудников силовых структур и 87 гражданских (статистика независимого информагентства «Кавказский узел»). Большая часть жертв приходится на Дагестан. В 2012 по сравнению с 2011 также отмечалась тенденция к снижению числа жертв, в особенности среди гражданского населения. Следует отметить, что один резонансный теракт за пределами Северного Кавказа имеет определенно больший вес в общественном мнении, чем все убитые и раненые в Дагестане. В этом смысле теракт в рейсовом автобусе в Волгограде 21 октября 2013 года обесценил позитивные тенденции, отмеченные Бортниковым за несколько дней до него.

2 В июне 2013 года, например, в Тбилиси были задержаны по подозрению в терроризме двое россиян, Кадыев и Омаров. В сентябре 2013 в Батуми полиция задержала чеченца, причастного к убийству 9 сентября в Сухуми российского дипломата Дмитрия Вишернева.

3 Северный Кавказ: сложности интеграции – III. www.kavkaz-uzel.ru/articles/231230/

Во-первых, оно связано с временными чрезвычайными мерами, предпринимаемыми в процессе создания широкого контура безопасности вокруг предстоящих зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 года.

Российские силовики, безусловно, имеют задачу обеспечить такой контур и добиться максимального снижения уровня нестабильности и террористической опасности в прилегающих регионах. По мере сил они стараются решить поставленную задачу.⁴

Речь идет не только о ликвидации десятков участников незаконных вооруженных формирований.⁵ Идее создания контура безопасности был подчинен, в частности, технологический отказ от прямых выборов глав регионов в Дагестане и Ингушетии, а в ноябре – и в Северной Осетии.⁶

Прагматическим обоснованием этого отказа было опасение роста политической турбулентности в регионах, находящихся в нескольких часах езды на машине от Сочи: пока нет оснований говорить, что это начало процесса массового возвращения регионов к практике фактического назначения губернаторов.

При этом системный эффект, к сожалению, не достигается.

Отказ от выборов в трех отдельно взятых регионах усилил там разочарование в российской политико-правовой системе и рост ощущения дискриминации по отношению ко всей остальной стране.

Успешные ликвидации полевых командиров, отдельных боевиков и их пособников не слишком меняют ситуацию в общественном мнении, где главная тенденция – утрата доверия к государству, его нормам и институтам. Ликвидации боевиков эффективны. Но запрос на эффективность со стороны подавляющего большинства населения СК «размещен» совсем в иной сфере – в сфере эффективности школы, системы здравоохранения, муниципалитета, локальной полиции, прокуратуры и суда.

Эти институты неэффективны настолько, что ими постепенно прекращают пользоваться. Ликвидация боевиков никак не меняет этой тенденции. Зато растет число людей, уверенных в том, что государство как таковое прекращает свое существование на Северном Кавказе. Это автоматически заставляет их пытаться сформулировать новые правила жизни в ситуации отсутствия государства и организовать некий «эрзац» отказывающихся государственных институтов.

Первое, что приходит им в голову, – шариат, и здесь необходимо отметить тенденцию к сокращению противоречий между так называемыми традиционными мусульманами и салафитами, на расколе между которыми государство долго строило свою северокавказскую и в более широком смысле исламскую политику. В последнее время носители так называемого традиционного ислама, в том числе имамы, открыто говорят о допустимости частичного введения шариатского права, а иногда и о допустимости джихада против России, который просто технически откладывается.

Второй нюанс, который должен быть принят во внимание при анализе ситуации на СК, связанный с шариатом как основой альтернативной базы правил – условность шариата, как в понимании традиционалистов, так и в понимании радикальных исламистов. Элементарного уровня знаний для имплементации шариата не хватает: люди, жившие в зонах так называемого военно-народного управления в Российской Империи, где частично функционировал шариат, давно умерли, а тех молодых людей, которые получают профильное образование в университетах Ближнего Востока, физически не хватает.

Таким образом, можно говорить о некоем «условном шариате», который причудливо объединяет некоторые сегменты религиозных предписаний с элементами обычного права

4 По данным Министерства внутренних дел РФ, в обеспечении безопасности XXII Олимпийских игр в Сочи будет задействовано около 40 тысяч сотрудников полиции и бойцов внутренних войск. www.echo.msk.ru/news/1109098-echo.html

5 Только в октябре и сентябре 2013 года в СКФО убито 40 боевиков. В ноябре объявлено о ликвидации теракта в Волгограде 21 октября 2013.

6 В случае с Северной Осетией мотив отказа от выборов не был связан с вопросами безопасности, тем более – безопасности Олимпиады. В данном случае речь идет о том, что Таймураз Мамсуров, чей второй срок в качестве губернатора истекает в апреле 2015 года, хотел бы обеспечить преемственность интересов при передаче власти и не убежден, что это будет возможно при всеобщем голосовании. В широком же смысле отказ Северной Осетии от выборов увеличивает ряд кавказских регионов, выбирающих исключительный по сравнению со всей остальной страной режим формирования органов власти, что, безусловно, увеличивает политическую дистанцию между Кавказом и остальной страной и способствует росту дискриминационного компонента северокавказской идентичности.

(адата) и рудиментами государственного регулирования. «Условный шариат» в разных зонах СК имеет разный уровень распространения и проникновения, но это в любом случае становится альтернативной стратегией социального поведения, означающей отмирание и в конечном счете слом российской системы норм и институтов, то есть ползучую сецессию.

Третий аспект, связанный с этим процессом морфологического изменения общества (или сообществ) на СК, вытекает из первого и второго. Речь идет о протестной консолидации северокавказской уммы, которая постепенно отказывается от разногласий по линии «традиционалисты – радикалы» и группируется на некой общей платформе, которая смещена ближе к суннитскому фундаментализму и в целом оппозиционна по отношению к государству. Можно констатировать, что именно на этой платформе находится подавляющее большинство северокавказской молодежи младше 25 – 30 лет.

Рост межэтнических противоречий

Северный Кавказ остается очагом взрывного демографического роста. По неофициальным данным чиновников правительства Дагестана, только эта республика выводит на свой внутренний рынок труда от 35 до 70 тысяч новых рабочих рук в год,⁷ и очевидно, что этот объем сверхизбыточен для региональной экономики. Реально это соотношение не может быть изменено посредством реализации правительственных предложений о создании в ближайшие 12 лет 400 тысяч дополнительных рабочих мест в регионах Северо-Кавказского федерального округа.⁸

Это означает, что в ближайшие годы Россия будет иметь дело со стабильно высоким уровнем экспорта трудовых ресурсов с территории Северного Кавказа в другие регионы страны. Прежде всего – в экономически активные, такие как прилегающие к Северному Кавказу регионы юга, в нефтегазоносные районы севера и в динамичные крупные города, в частности, в Москву.

В свою очередь это приведет к дальнейшему росту взаимной неприязни коренных жителей регионов-реципиентов и мигрантов с СК, личные качества которых (уровень образования, профессиональной подготовки и готовности к культурной интеграции) снижаются из года в год.

На фоне постепенного технического отказа от базовых государственных институтов, таких как полиция (ситуация в московском Бирюлево 10 – 14 октября 2013 года сполна продемонстрировала, что эта проблема характерна не только для Северного Кавказа, но и для самых стабильных и экономически успешных зон страны), это создает основания для нарастания взаимного отторжения Северного Кавказа и остальной части страны.⁹

Интеграционных механизмов, способных относительно прочно «привязать» СК к остальной части страны и вовлечь его в общенациональный модернизационный проект, нет и пока не предвидится.

Пределы экономической интеграции СК

На сегодняшний день эту (интеграционную) роль выполняют только деньги федерального бюджета, все еще щедро закачиваемые в регионы СК. Несмотря на наметившуюся рецессию российской экономики ясно, что финансирование СК остается в числе базовых приоритетов федерального правительства.

Но сокращение бюджета неизбежно. С учетом же того факта, что бюджет – это главный источник финансовых ресурсов современной северокавказской экономики, основа существования как ее легального, так и теневого сектора, в который включены в том числе и вооруженные формирования исламистских радикалов, конкуренция различных групп бенефициаров нынешнего «бюджетного рынка» между собой и внутри групп, будет неизбежно нарастать.

7 Собственные материалы автора.

8 Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 года, утверждена правительством РФ 6 сентября 2010 года, текст - www.kavkaz-uzel.ru/articles/175166

9 По данным одного из опросов, опубликованных в 2013 году, 26% россиян поддерживают идею отделения СК от России - <http://newsland.com/news/detail/id/1258586/>. В данном случае речь идет о довольно большой выборке в 4000 человек из 400 городов. Летом 2013 года примерно аналогичные данные получил и более уважаемый Левада-Центр: www.levada.ru/01-07-2013/otdelenie-chechni-i-severnyi-kavkaz

Ситуация осложняется рядом противоречий.

До самого последнего времени правительство России рассматривало (и продолжает рассматривать) как основной рецепт решения проблем на СК стратегию, которая условно может быть названа «Стабильность через благосостояние». Она подразумевала главным образом развертывание на Северном Кавказе больших финансово-экономических проектов, которые, возможно, максимально вовлекли бы местные элиты и местные трудовые ресурсы, например, проект создания «Курортов Северного Кавказа» или «Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2025 года».¹⁰ На самом деле крупные финансовые проекты «поверх ландшафта» только усугубляют нынешнюю ситуацию, обогащая бенефициаров, но не меняя ничего по существу.

Более того, как мы уже видим на примерах развертывания Олимпийского проекта и проекта «Курортов Северного Кавказа», происходит слом существующих в данных локациях экономических структур. Большой проект подавляет бизнес-активность на уровне малого и среднего бизнеса, обещая их участникам интеграцию в процессе роста. Но поскольку рост под вопросом, велик риск возникновения ситуации, когда малые и средние проекты прекратят существование, а большие так и не запустятся. Это очевидный риск для локальной и региональной экономики.¹¹

При этом, обсуждая необходимость создания и развития этих масштабных программ социально-экономической реабилитации Северного Кавказа, правительство исходит из удручающих макроэкономических данных: критически низкой доли участия Северного Кавказа в ВВП РФ, критически низком уровне собираемости налогов, критически высоком уровне безработицы и пр.¹² Если бы эти данные адекватно описывали экономическую реальность Северного Кавказа, социально-политический взрыв там был бы давно неизбежен. Очевидно, что мы имеем дело с разрывом между реальностью и официальными статистическими показателями.

В реальности Северный Кавказ является очагом достаточно высокой экономической активности, в значительной степени базирующейся на освоении бюджетного рынка, но при этом находящейся в тени. Двигателями этой экономической активности являются стремительная урбанизация горского сельского населения современного Северного Кавказа и быстрая модернизация пригородов больших городов, таких как Махачкала, Нальчик, Владикавказ.

При частичном и прогрессирующем провале российских институтов эти процессы приводят к локальному росту конфликтности, но в то же время это спасает СК от незамедлительного социального взрыва – и создает новые нормы и институты. Поддержка возникающих в этой связи очагов локального экономического успеха и частичной экономико-социальной модернизации была бы менее дорогостоящей для бюджета, чем большие проекты «поверх ландшафта», а эффект от нее был бы несопоставимо больше и позитивней. Но пока федеральный центр исходит из необходимости вывода экономики из тени. А поскольку значительная часть ее может в принципе функционировать только в «сером» режиме, такой подход угрожает разрушить существующие экономические «подушки безопасности».

Пауза перед Олимпиадой

С большой вероятностью мы можем предполагать: у лиц, принимающих решения в Москве, существует представление о том, что ситуация на Северном Кавказе крайне сложна и близка к критической. Но генеральная идея, если можно так выразиться, продвигаемая в том числе и частью кавказоведческой экспертизы, состоит в том, что реальное преобразование ситуации на Северном Кавказе вызовет серьезное противодействие со стороны многочисленных и многообразных бенефициаров нынешнего положения вещей, а значит и рост турбулентности. Автоматически это означает, что Северный Кавказ живет в некотором, возможно, частично оправданном, ожидании радикальных перемен после Олимпиады.

До Олимпиады, за эти несколько месяцев, федералы предпочли бы ничего не трогать по существу, поэтому резкие движения – такие, например, как летний арест экс-мэра Махачкалы Саида Амирова или начало разбирательства в отношении одного из его политических оппонентов, главы Пенсионного фонда Дагестана Сайгида Муртазалиева – это скорее эксцессы.

10 См. примечание 8.

11 См. о Сочи, в частности, в Имеретинской долине в документальном фильме Штеффи Вурстер (Германия) HomesfortheGames («Дома для игр»).

12 Данные Стратегии, см. примечания 8 и 10. Безработица в СКФО в 9 раз выше, чем в среднем по России, доля налоговых поступлений из СКФО – 0,9% от налоговых поступлений всей страны.

Впрочем, появление претензий к последнему воспринимается в Дагестане с оптимизмом: оно означает, что дело Амирова не будет единственным.

Вместе с тем существующее на Северном Кавказе смутное ожидание, связанное с вероятностью начала кардинальных реформ российского управления этими территориями, например, масштабной кадровой чистки, включающей даже гипотетическую отставку ряда влиятельных глав регионов, после Олимпиады 2014 года пока лишено каких бы то ни было практических оснований.

Изменение «Олимпийской» повестки дня. Черкесский вопрос

Олимпиада в Сочи изначально если не рассматривалась создателями проекта, то по крайней мере имела шанс стать именно кавказским мероприятием, направленным на улучшение имиджа региона и утверждение в нем российской консолидирующей и конструктивной роли.

Но практика такова, что по мере приближения Игр, они становятся проектом, который все больше оторван от Кавказа. Поскольку обеспечить смену основных негативных тенденций на самом Северном Кавказе и в его взаимоотношениях с остальной частью страны объективно не удастся, Игры в Сочи начинают, наоборот, преподноситься в максимально возможном отрыве от Кавказа. Чем меньше они будут ассоциироваться с Северным Кавказом, тем меньше будет излишних, с точки зрения российского правительства, негативных имиджевых последствий.

Сочи физически изолируют от остальной части региона. Речь идет и об ограничении доступа граждан в зону проведения Игр, которое затронет интересы местного населения независимо от этнической принадлежности, и об ограничении движения автотранспорта, которое рискует затронуть экономические интересы Абхазии (Абхазия зимой переживает пик экспорта сельскохозяйственной продукции в Россию, что критически важно для ее экономики).

Но речь также идет и о черкесском вопросе, напряженность вокруг которого нагнетается в публичном пространстве в течение всего времени подготовки к Олимпийским играм.

Черкесский вопрос, суть которого сводится к проблеме признания со стороны российского государства факта массового уничтожения и изгнания коренного населения западной части СК в процессе его присоединения и колониального освоения в XIX веке, активно поднимался частью черкесского сообщества еще за несколько лет до Олимпиады. В частности, при поддержке некоторых грузинских общественных организаций и в конечном итоге грузинского парламента прошлого созыва, принявшего в 2010 г. резолюцию о государственном признании геноцида черкесов в России.

Факт участия части черкесского сообщества в грузино-абхазской войне 1992 – 1993 годов изначально расколол черкесское сообщество как в России, так и за ее пределами по вопросу отношения к резолюции о признании. Этот раскол в итоге привел к тому, что публичная «раскрутка» черкесской темы оказалась затруднена и замедлена, и в итоге накануне Олимпиады трудно предположить, что активность черкесских активистов станет серьезной проблемой для ее проведения. Технологический альянс исламских радикалов и черкесских националистов пока также маловероятен, так как в черкесской части Северного Кавказа националисты и радикальные исламисты на сегодняшний день рассматривают друг друга как противников. Создать здесь возможность террористического взаимодействия может только само российское государство, если сочтет черкесских националистов серьезной угрозой и начнет оказывать на них силовое репрессивное давление.

Наиболее вероятен сценарий, в котором черкесский вопрос никак не отразится на Играх в Сочи, хотя при определенной гибкости российских организаторов мероприятия он мог бы стать точкой отсчета разрешения черкесской проблемы. Это, однако, возможно только в том случае, если Россия сохранит возможность провести Олимпиаду как кавказское мероприятие и кавказский праздник, а не как мероприятие, максимально изолированное от Северного Кавказа и его многообразных сообществ. Также нецелесообразен наметившийся акцент на русскую казачью этнографию, который несомненно вызовет дополнительное раздражение и у черкесов, и у всех их соседей на Кавказе, а в ответ – новый виток обоюдной ксенофобии и отчуждения.

На сегодняшний день внимание организаторов Олимпиады к черкесской теме явно недостаточно. Но, с другой стороны, ее состояние и уровень общественного интереса к ней таковы, что серьезных проблем в Сочи-2014 она, скорее всего, не вызовет.

Абхазия (и Южная Осетия)

После 2008 года Абхазия и Южная Осетия могут в некотором смысле также рассматриваться как часть Северного Кавказа.

Абхазия – наиболее географически приближенная к региону Игр проблематичная зона Кавказа. Хотя после начала Олимпийского проекта в Сочи и признания Абхазии Россия неоднократно давала понять, что планирует активно вовлекать республику в подготовку и проведение Игр, республика явно разочарована уровнем своего участия. Даже экспорт строительного щебня для олимпийских строек не был осуществлен Абхазией в той мере, в какой она хотела бы.

Абхазия также рискует в связи с Олимпиадой срывом сезона экспорта в Россию своей сельскохозяйственной продукции из-за блокирования движения автотранспорта в районе Сочи в период проведения Игр.

Дополнительно манифестировать участие Абхазии (и Южной Осетии) в Олимпиаде Россия сможет скорее всего только в том случае, если от участия в Играх откажется Грузия. В противном случае это вызовет не просто дополнительную напряженность в грузино-российских отношениях, которые, как считается, имеют тенденцию к нормализации, но и ненужные на Олимпиаде демарши.

Абхазия (и Южная Осетия) находятся в настоящее время в своеобразном политическом безвременье. Их аннексия или ассоциированное членство в РФ продолжает выглядеть крайне маловероятной (хотя в случае с ЮО не исключено полностью). Абхазия никогда не выдвигала требования о присоединении к РФ, президент Южной Осетии Леонид Тибилов регулярно делает взаимоисключающие заявления – то о слиянии двух осетинских государственных образований (Северной и Южной Осетии) в составе России, то о возможном присоединении Южной Осетии к Таможенному союзу.¹³

В то же время в Абхазии и Южной Осетии можно отметить наметившуюся тенденцию к частичному воспроизводству управленческих практик СК. Что в определенной степени было неизбежно с учетом высочайшей пропорциональной доли участия российского бюджета в формировании экономики Абхазии и Южной Осетии.

Степень проникновения этих практик управления в Южной Осетии, пропорциональна слабости (если не сказать - полному отсутствию) ее собственных экономических ресурсов (даже по сравнению с Абхазией). Яркой демонстрацией такого проникновения стали президентские выборы в Южной Осетии зимой 2010 – 2011 годов, в проведение которых грубо вмешалась Россия в лице президентской администрации.

В то же время Южная Осетия, по-видимому, сохраняет некоторые возможности воздействовать на Россию. Именно таким образом можно, на мой взгляд, объяснить историю с оборудованием границы Южной Осетии с Грузией с помощью колючей проволоки, в том числе и с частичным переносом линии границы вглубь грузинской территории. Представляется, что сознательное обострение ситуации на границе не входило в стратегические планы Москвы и вполне могло быть результатом усилий югоосетинского руководства, тогда как российские пограничники играли роль технических исполнителей в соответствии с ранее заключенными между Южной Осетией и РФ межправительственными соглашениями.

В любом случае, анализируя ситуацию в российско-грузинских отношениях, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов самостоятельную позицию и самостоятельный интерес Южной Осетии и Абхазии. Такое игнорирование контрпродуктивно и только осложняет фон отношений четырех хоть и не равновесных, но фактически существующих субъектов.

Абхазия также обладает определенной мерой внутренней самостоятельности, которая явно выше, чем в случае с Южной Осетией. Но это приводит к постепенному формированию конфликтного фона взаимоотношений между Россией и Абхазией. И абхазские, и российские наблюдатели фиксируют постепенный рост внутривнутриполитической напряженности в Абхазии, связанный с набирающей силу оппозицией к действующему президенту Анкваба. По одной из версий, за этим процессом стоит часть российского руководства, которая считает Анкваба трудным и некомфортным партнером. На этом фоне ситуации типа убийства в Абхазии российского дипломата (9 сентября 2013 года) явным образом не укрепляют позиций Анкваба и российско-абхазские отношения в целом.

Внутренняя оппозиция Анкваба строит свой политический протест на проблеме папортизации мингрелов Гальского района. Оппозиция, по сути, отстаивает концепцию этни-

¹³ Соответствующее заявление Тибилова от 16 октября 2013 года см. www.rosbalt.ru/exussr/2013/10/16/1188390.html

ческого государства абхазов для абхазов, которая, однако, не может не быть пересмотрена в самое ближайшее время: по неофициальным экспертным оценкам, этнические абхазы уже несколько лет не составляют в Абхазии большинства. Это напрямую означает необходимость стремительной полноценной интеграции неабхазских этнических групп в социально-политическую структуру Абхазии, и паспортизация мингрелов в данном случае один из эффективных инструментов.

Но принципиальная проблема отношений России и Абхазии конечно не мингрелы (Россия как раз заинтересована в построении в Абхазии витринного политического проекта, который ни в коем случае не подразумевает геттоизацию каких бы то ни было частей населения), а невозможность прямых российских инвестиций в недвижимость Абхазии. С одной стороны, Абхазия хотела бы этих инвестиций, а с другой, они быстро лишили бы ее экономических преимуществ в виде стабильно низких цен на летний отдых для российского провинциального среднего класса и усугубили бы ее демографические проблемы. Это трудноразрешимое противоречие, найти компромисс будет сложно для любого абхазского лидера, будь это Анкваба или кто-либо другой.

Будущее Абхазии и Южной Осетии выглядит пока пессимистически. Эта тема, как и можно было предполагать, постепенно выходит из зоны фокуса грузинской внутренней политики: на последних президентских выборах интерес к ней был мал. В то же время объем проблем России на Северном Кавказе нарастает так стремительно, а успехи России в строительстве «витринных» проектов в Абхазии и Южной Осетии пока так ограничены, что нельзя в среднесрочной перспективе исключить критическое снижение интереса РФ к собственным проектам в Абхазии и Южной Осетии. Строго говоря, признаки такого снижения можно фиксировать уже сейчас. К сожалению, эти процессы (снижения интереса и со стороны Грузии, и со стороны России) могут уже в постолимпийской перспективе привести обе территории к ситуации довольно-таки безнадежного тупика.

Возможности сотрудничества

Возможности двустороннего сотрудничества России и Грузии в области политики на Северном Кавказе вообще и при подготовке Олимпиады в частности можно было парадоксальным образом весьма оптимистично оценить еще два–три года назад. Сейчас они более ограничены: многое из того, что можно было успеть сделать (даже без восстановления дипломатических отношений), сделано не было.

Речь прежде всего идет о смягчении линии на поддержку черкесского движения на Северном Кавказе (оно переживает нынешнее снижение своего потенциала и интенсивности само по себе, а не благодаря какому бы то ни было официально задекларированному изменению позиции. Более того, при снижении потенциала и интенсивности движения в целом роль Грузии как политического ориентира этого движения сохраняется и даже растет. Что подтверждается ростом числа претендентов на грузинское гражданство среди черкесов).

Речь также идет о потенциале полицейского сотрудничества в области обеспечения безопасности Олимпиады-2014. Он мог быть реализован даже без восстановления дипотношений: о такой возможности свидетельствуют полицейские операции, проведенные в Грузии по отношению к гражданам РФ, подозревавшимся в подготовке терактов в Тбилиси, а также в убийстве второго секретаря посольства РФ в Абхазии.¹⁴ Но вместо расширения такого сотрудничества в России, наоборот, сохраняется инерция считать Грузию источником потенциальной угрозы безопасности сочинских Игр.¹⁵

Сейчас, когда времени для реализации этих благих пожеланий больше нет, представляется, что максимум конструктивного участия Грузии в Олимпиаде – это отказ от ее бойкота.

Тем не менее то, что не успели до Олимпиады, не утратит актуальности и после нее. Правительства России и Грузии обоюдно заинтересованы в том, чтобы сотрудничать в следующих областях:

- формирование системы постоянного тонкого мониторинга ситуации на Северном Кавказе;
- формирование системы приграничного и пограничного сотрудничества, включая обмен базами данных полиции;
- координация миграционного регулирования – в том числе в интересах контртеррористической безопасности;

14 См. примечание 2.

15 Собственные материалы автора.

- согласованное и полноценное оборудование участков границы, не затронутых зонами конфликта в Абхазии и Южной Осетии;
- создание при участии международных посредников зон трехстороннего экономического и гуманитарного сотрудничества, а также максимально облегченного режима пересечения границ в зонах конфликтов в Абхазии и Южной Осетии;
- содействие развитию муниципалитетов. С российской стороны, на первом этапе завершение муниципальной реформы на Северном Кавказе в комплексе с земельной реформой (широкой приватизацией, созданием прозрачного и охраняемого законом рынка земли) позволило бы существенно и довольно в сжатые сроки снизить общий уровень напряженности на Северном Кавказе. На втором этапе по ходу нормализации российско-грузинских отношений целесообразно было бы формирование инструментов сотрудничества российских северокавказских и грузинских муниципалитетов. Это способствовало бы открытости, росту социальной мобильности и стабильному развитию по обе стороны границы.

Неправительственный сектор мог бы поддерживать правительства своих стран также на следующих направлениях:

- содействие формированию на Северном Кавказе активного секулярного неправительственного сектора за рамками нацеленных на сецессию национальных движений;
- создание совместных образовательных программ для приграничных регионов;
- создание общих медиа-ресурсов для Кавказа и Северного Кавказа, в частности, русскоязычных или двуязычных, ориентированных на формирование лояльности населения Северного Кавказа как по отношению к России, так и по отношению к Грузии.

Очевидно, что у потенциального российско-грузинского сотрудничества есть естественные ограничители. Это:

А. Статус Абхазии и Южной Осетии, который категорически не устраивает Грузию, но заложником которого в известной мере остается Россия, которая в нынешней ситуации и в среднесрочной перспективе не может его отозвать.

В целом, важная рекомендация российскому правительству относительно Абхазии и Южной Осетии могла бы сводиться к тому, чтобы определить стратегическую перспективу работы на этих внешнеполитических направлениях. От того, как российское правительство представляет себе дальнюю цель в Абхазии и Южной Осетии (аннексия, изолированные от Грузии государства-сателлиты, постепенное формирование политически нейтральных зон приграничного сотрудничества в интересах России, Грузии, Абхазии и Южной Осетии, восстановление суверенитета Грузии на этих территориях) зависит и режим взаимоотношений всех заинтересованных субъектов, и режим пересечения границ, и судьба больших транспортных инфраструктурных проектов (Транскам, Черноморская железная дорога в Абхазии, Военно-Сухумская дорога), а в конечном итоге - и политика на Северном Кавказе. Пока такого стратегического видения нет, хотя очевидно, что вариант политически нейтральных зон приграничного сотрудничества с гарантированными взаимными интересами был бы наиболее продуктивен.

Б. Интерес обеих сторон к выстраиванию долгосрочных взаимоотношений с этносами Северного Кавказа, по отношению к которым страны, естественно, находятся в принципиально разном положении. Эта разница положений приводит к тому, что Россия автоматически рассматривает любые попытки установления Грузией связей на региональном уровне как посягательство на свои национальные территориальные интересы.

В. Вопрос виз, необходимых для посещения России гражданам Грузии. Этот вопрос в отличие от первого сравнительно легко решить, поэтому экспертному сообществу обеих стран необходимо сосредоточить свои усилия на продвижении этой идеи, что, впрочем, натолкнется на определенное сопротивление в связи с тем, что Россия, напротив, рассматривает сейчас возможность перехода к визовому режиму пересечения границы со всеми странами постсоветского пространства.

Тем не менее, с учетом обозначенных выше доминирующих тенденций на Северном Кавказе, Россия и Грузия обречены на поиск форм конструктивного взаимодействия в связи с этим сложно устроенным регионом.

СОГЛАСНЫ, ЧТО НЕ МОЖЕМ ПРИЙТИ К СОГЛАСИЮ! ПОЗИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУС-НЕЙТРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГРУЗИЕЙ

*Серги Капанадзе
председатель Грузинской ассоциации реформ*

Описание проблемы

Сегодня суть проблемы отношений Грузии с Россией заключается в отсутствии определения статуса Цхинвальского региона и Абхазии, которое было бы приемлемым для обеих сторон. Конечно, и для Грузии, и для России как таковых вопрос о статусе этих территорий и определен, и закрыт. Россия считает, что Абхазия и Южная Осетия – независимые государства и рассмотрение вопроса об их статусе невозможно. Грузия же полагает, что эти регионы оккупированы, и также не считает возможным рассматривать их статус. Короче говоря, диалог в связи со статусом не ведется, а если бы он и существовал, то в реальности зашел бы в тупик, поскольку ни одна сторона не намерена пересматривать собственный фундаментальный подход.

Россия сформулировала этот фундаментальный подход 26 августа 2008 года, признав независимость этих двух регионов. А фундаментальный подход Грузии существует со дня ее независимости. Таким образом, диалог или согласие по поводу этих фундаментальных позиций на данном этапе практически невозможны.

Тем не менее, сегодня диалог между Россией и Грузией ведется в двух форматах. Один формат – это Женевские международные переговоры, где представители России и Грузии сидят за одним столом с представителями Цхинвали и Сухуми и при посредничестве Евросоюза, ООН и ОБСЕ обсуждают вопросы стабильности и безопасности в Цхинвальском регионе и Абхазии. В этом формате участвуют и Соединенные Штаты Америки, а население Цхинвальского региона и Абхазии представляют члены не только правительства де-факто, но и правительства де-юре.

Второй формат – это так называемые «встречи Абашидзе и Карасина», где спецпредставители правительств обеих стран встречаются в двухстороннем формате. В ходе этих встреч, как уже много раз отмечалось обеими сторонами, не рассматриваются вопросы, связанные с Цхинвальским регионом и Абхазией, зато обсуждаются такие темы, как восстановление торговых отношений, углубление культурных и гуманитарных связей и налаживание контактов иного рода.

На мой взгляд, к сожалению, оба этих формата обречены на неудачу, поскольку у обоих форматов есть общая проблема – начало серьезного разговора о Цхинвальском регионе и Абхазии напрямую связано с вопросом о статусе. Соответственно, переговоры на любую тему либо уже застопорились, либо обязательно застопорятся. В Женевских переговорах обсуждение большинства вопросов, которые могут касаться Цхинвальского региона и Абхазии, застопорилось ввиду их связи со статусом. Например, когда разговор идет о восстановлении экономических отношений с обоими регионами, об облегчении передвижения или об активизации любой другой темы, Москва, Цхинвали и Сухуми в один голос требуют решать эти вопросы на договорной основе, в частности, путем заключения соглашения между Грузией и Абхазией, между Грузией и Южной Осетией как независимыми государствами. Естественно, такая позиция заводит любой вопрос в тупик, поскольку для Грузии неприемлемо заключение какого-либо соглашения с Абхазией и Южной Осетией, которое юридически будет считаться как шаг в сторону легитимизации международного правового статуса этих регионов.

Когда дело касается решения серьезных вопросов, грузинская сторона также выдвигает на передний план такие отношения с Цхинвальским регионом и Абхазией, которые подчеркивают факт существования этих регионов в составе Грузии. Естественно, подобный подход неприемлем как для представителей Москвы, так и для представителей Цхинвали и Сухуми.

Исходя из всего вышесказанного, сегодняшнее состояние переговоров между Россией и Грузией является тупиковым.

В этой статье мы попытаемся обосновать мнение о том, что возможно выйти из этого тупикового положения, фокусируясь на конкретных проблемах, не рассматривая темы, связанные со статусом, и избегая застопорения переговоров из-за вопроса о статусе. Назовем этот подход «статус-нейтральным подходом».

Статус-нейтральность как путь к решению проблемы

На мой взгляд, единственным способом достижения прогресса в грузино-русских отношениях является статус-нейтральный подход к Цхинвальскому региону и Абхазии и решение различных гуманитарных или экономических проблем в рамках такого подхода.

По моему определению, статус-нейтральный подход требует, чтобы стороны признали, что не могут прийти к согласию по вопросу о статусе, что понимают позицию друг друга, но фундаментально не согласны друг с другом по основным вопросам. При этом, несмотря на такое серьезное различие мнений, стороны стремятся найти такие конкретные решения по конкретным вопросам, которые не будут касаться «красных линий», связанных со статусом Абхазии и Цхинвальского региона.

Статус-нейтральный подход не означает, что Грузия отказывается от собственной территориальной целостности и перестает считать Цхинвальский регион и Абхазию оккупированными. Не означает он и то, что Россия отказывается от признания независимости этих регионов. Согласно этому подходу, Грузия и Россия должны согласиться с тем, что «не могут прийти к согласию» по вопросу об Абхазии и Цхинвальскому региону, но что существует ряд вопросов, урегулирование которых в интересах обеих стран и по которым прийти к согласию при желании возможно. Соответственно, в случае задействования «статус-нейтрального подхода», Россия и дальше будет признавать независимость этих регионов на международной арене, как она это делала до сих пор, Грузия же продолжит свою политику непризнания в мировом масштабе. Стороны просто договорятся о том, что этот вопрос не будет предметом обсуждения между ними, и что они не будут выдвигать условие о прекращении политики признания или непризнания независимости этих регионов при решении других вопросов.

То же касается и вопроса об оккупации-деоккупации. С большей вероятностью можно сказать, что требование о выводе войск и исполнении соглашения от 12 августа, которое Грузия предъявляет России в качестве предварительного условия по каждому вопросу, не принесет нам прогресса в решении конкретных вопросов. Грузии следует и впредь требовать деоккупации, исполнения соглашения от 12 августа и вывода российских войск в формате международных организаций или на международной арене, однако при этом она должна быть готова прагматично сотрудничать с Россией, не выдвигая такого жесткого предварительного условия. Российской Федерации также следует осознать, что постоянное требование о признании Грузией т.н. новых реалий и об упразднении Грузией закона об оккупации в качестве условия препятствует принятию прагматичных решений и достижению реального прогресса в человеческих отношениях.

На мой взгляд, статус-нейтральный подход создает возможность для того, чтобы Россия и Грузия обозначили широкий спектр вопросов и попытались их решить, не пересекая «красных черт», друг друга.

Главное, при помощи «статус-нейтрального подхода» можно удовлетворить реальные интересы сторон и заглянуть за их позиции с целью примирения интересов.

Сухуми, Цхинвали и Москва часто говорят о своем желании установить добрососедские отношения с Грузией. Такие заявления имеют двоякий смысл. В первую очередь, они хотят, чтобы Грузия установила добрососедские государственные отношения, как это понимается в «международном праве», с Абхазией и Южной Осетией. Это также означает подписание договора или иную форму международных обязательств, что приведет к признанию независимости Южной Осетии и Абхазии или дальнейшей легитимации их статуса на международном уровне. Естественно, эти цели неприемлемы для Грузии, поэтому официальный Тбилиси никогда не предпримет никаких шагов в этом направлении.

Следует также отметить, что заявление Москвы о добрососедских отношениях означает или может означать еще кое-что.

Добрососедские отношения подразумевают развитие торговли, свободное передвижение, взаимоуважение, отсутствие вражды между людьми, упрочение связей, в том числе и смешанные семьи, совместную предпринимательскую деятельность, сотрудничество в сфере образования, медицины и так далее.

Первое, то есть достижение соглашения о добрососедских отношениях – это форма. Второе, то есть интенсивные отношения – это содержание.

Представители Грузии часто заявляют, что стремятся к деоккупации и вовлеченности в сотрудничество. По сути, вовлеченность есть то, к чему стремится и Сухуми, говоря о добрососедских отношениях. Отличаются эти стремления формой. Для Грузии все это вытекает из государственной стратегии, и в отношении оккупированных территорий, и плана действий по

вовлеченности, что является частью стратегического видения страны и, естественно, опирается на принцип территориальной целостности. А это, в свою очередь, неприемлемо для Сухуми и Цхинвали. Проще говоря, абхазская сторона не соглашается признать стратегию и государственный план Грузии, поскольку для нее это напрямую связано с признанием территориальной целостности Грузии.

У обоих этих подходов одна проблема – в обоих случаях форма затеняет содержание. Ни подписание договора, ни признание государственной стратегии невозможны до тех пор, пока обе стороны фундаментально не пересмотрят собственное отношение к международному праву и к статусу, что в будущем не произойдет. Следовательно, все попытки обеих сторон начать диалог будут безуспешными. Если же стороны договорятся о том, что разговор о форме (то есть статусе) делает их реальные интересы недостижимыми и что только при помощи статус-нейтрального подхода они могут решить вопросы и хотя бы частично удовлетворить свои интересы, не пересекая собственных «красных черт», то можно будет достичь прогресса по многим вопросам.

Какие вопросы можно решить при помощи «статус-нейтрального подхода»?

При помощи статус-нейтрального подхода можно решить или, по крайней мере, достичь прогресса в решении целого ряда гуманитарных вопросов. Среди этих вопросов я бы выделил два: (1) работа международных организаций в Абхазии и Цхинвальском регионе; (2) содействие образованию в Цхинвальском регионе и Абхазии.

Москве, Сухуми и Цхинвали обе эти темы можно представить под единым «зонтиком» – как «принцип деизоляции». Как мы видели, на 23-25 раундах Женевских переговоров активно обсуждался вопрос деизоляции со стороны Москвы, Сухуми и Цхинвали. Грузия может свободно объединить эти две темы в рамках «принципа вовлеченности». Сегодня, вероятно, также возможно признание этих двух тем как шаг в сторону примирения.

Оба эти термина, «деизоляция» и «вовлечение», сегодня дискредитированы. Первый не нравится грузинской стороне, поскольку подразумевает, что Тбилиси намеренно стремился к изоляции этих регионов. Второй термин не нравится Москве, Сухуми и Цхинвали, поскольку подразумевает, что «вовлечение» нацелено на «включение» абхазов и осетин в грузинское государство. Независимо от того, согласны или нет стороны с термином, вопросы, подпадающие под этот «зонтик», интересны всем сторонам, что они неоднократно заявляли на различных международных форумах, в том числе и в рамках Женевских дискуссий, а также в публичных заявлениях и интервью.

Рассмотрим каждый вопрос по отдельности.

1. Работа международных организаций в Абхазии и Цхинвальском регионе

Сегодня одной из основных проблем, существующих в связи с Абхазией и Цхинвальским регионом, является полная изоляция этих регионов от международных организаций. Ни в одном регионе не действует ни одна международная организация с мандатом на проведение мониторинга прав человека, военного мониторинга, гуманитарных операций или даже урегулирования политических вопросов. Единственное исключение – действующая в Абхазии специальная политическая миссия генерального секретаря ООН в рамках международных Женевских переговоров, которая не основана на принципе физического присутствия в Абхазии и представляет собой команду, перемещающуюся между Женевой, Тбилиси и Сухуми. Члены миссии проводят определенное время в этих трех городах по принципу ротации. Руководит этой группой Анти Турунен (Финляндия), представитель генерального секретаря ООН в международных Женевских переговорах.

Эта политическая миссия – единственное проявление статус-нейтрального решения, которое было найдено в рамках ООН представителями Грузии и Российской Федерации в 2009-2010 гг. Следует отметить, что тогда грузинские и российские дипломаты вместе работали над поиском этого решения. Эта специальная политическая миссия не была создана решением Совета безопасности ООН, поскольку в таком случае на повестку дня встал бы вопрос о включении в резолюцию Совбеза пункта о территориальной целостности Грузии, как было во всех его предыдущих резолюциях. Грузия никогда не согласится на новую резолюцию, не отражающую принцип территориальной целостности, а принятие резолюции, отражающей этот принцип, невозможно, ввиду присутствия в Совете безопасности ООН России. Именно поэтому, в 2010 году Тбилиси и Москва нашли промежуточный выход, который устроил всех –

генеральный секретарь ООН создал специальную политическую миссию в ходе международных Женевских дискуссий, представители которой проводят определенное время в Женеве, Сухуми и Тбилиси, хотя нигде не имеют постоянной базы. Благодаря этому дальновидному решению, стороны смогли избежать пересечения «красной черты» Грузии и России, а ООН получила небольшое представительство в Абхазии.

Аналогичное решение не было принято в отношении Цхинвальского региона, так как вариант решения, представленный в июне 2009 года в период греческого председательства в ОБСЕ, не был подписан ввиду наложенного Россией вето. Тогда Россия оценила предложение греков в политическом ракурсе, чего и следовало ожидать, так как после войны прошло меньше года. Однако предложение Греции было первым проявлением статус-нейтрального подхода. Предложение подразумевало одновременное принятие Постоянным советом ОБСЕ двух решений одним голосованием. Первое решение касалось создания офиса ОБСЕ в Тбилиси, а второе - миссии мониторинга в конкретном географическом ареале, который включал в себя южную часть Цхинвальского региона и территории к северу от Гори. Это предложение было классическим примером статус-нейтрального подхода, поскольку в случае его принятия наблюдатели в Цхинвальском регионе уже не были бы частью миссии ОБСЕ в Грузии, хотя тбилисский офис ОБСЕ и миссия мониторинга создавались одним решением. В то же время решение позволяло избежать пересечения «красной черты» для России – то есть миссия ОБСЕ в Цхинвальском регионе не была бы привязана к Грузии. Естественно, вставал вопрос: «Чье именно согласие было необходимо для создания миссии?». Российские представители считали, что официальное согласие должна была зафиксировать и Южная Осетия, что было совершенно неприемлемо для Грузии и для других государств-участников ОБСЕ. Эту проблему тогда можно было бы решить, если бы Россия заняла более гибкую позицию. Создание подобной миссии решением Постоянного совета могло основываться и на согласии, фактически зафиксированном представителями Цхинвальского региона в рамках Женевских переговоров. Но в конечном счете дело до этого не дошло, поскольку Москва воспользовалась правом вето.

Таким образом, восстановить миссию мониторинга ОБСЕ в Цхинвальском регионе можно при помощи статус-нейтрального подхода, если это решение будет опираться на следующие принципы:

- Будут созданы две параллельные структуры – офис ОБСЕ в Тбилиси и миссия наблюдателей в конкретном географическом ареале, который будет определен по карте, а не по географическому названию или названию страны.
- Мандаты этих миссий будут определяться независимо, без открытого упоминания как независимости Южной Осетии (чего Грузия никогда не должна допустить), так и территориальной целостности Грузии (что неприемлемо для России).
- Решение о создании миссий должно быть принято Постоянным советом в форме единого решения, которое будет включать в себя два независимых документа/решения/приложения. Таким образом, будет гарантирована и независимость этих миссий друг от друга и их связь друг с другом.
- В качестве согласия принимающей миссию стороны будет использоваться согласие представителей Цхинвали и Тбилиси в рамках Женевских переговоров; параллельно с этим Тбилиси обязательно должен зафиксировать свое согласие в качестве принимающего государства.
- При принятии решения исходной точкой должен стать мандат миссий и объем их деятельности, а не статус Цхинвальского региона.

По аналогичному сценарию можно обеспечить деятельность международных организаций в обоих регионах. Факт, что сегодня ОБСЕ не представлена в Абхазии несмотря на то, что Сухуми заинтересован в ее активизации, да и Тбилиси стремится к тому, чтобы текущие события в Абхазии чаще попадали в поле зрения ОБСЕ. Если в Вене подойдут к этому вопросу с достаточной дальновидностью, восстановление деятельности ОБСЕ на оккупированных территориях может стать вполне реальным.

2. Содействие образованию в Цхинвальском регионе и Абхазии

Уверен, что несмотря на четко обозначенное политическое отношение друг к другу, к Москве и к Западу жителей Тбилиси, Цхинвали и Сухуми объединяет уверенность в том, что западное образование лучше российского, а западные, в том числе европейские ВУЗы, лучше российских. Независимо от политических предпочтений сегодня в мире признано, что западное образование гораздо лучше российского и даже восточноазиатского несмотря на быстрые

темпы развития последнего. Соответственно, родители по обе стороны реки Ингури заинтересованы в том, чтобы послать своих детей учиться на Запад. Вопрос в том, как использовать эту готовность и добиться того, чтобы больше абхазов и осетин получали образование на Западе, а не в местных ВУЗах и не в России.

Естественно, в условиях такого конфликта, который имеется у нас, не исключена возможность политизации любого вопроса. Так, при желании вполне можно использовать образование в политических целях и для утверждения вопроса о статусе. Сухуми, Цхинвали и Москва свободно могут политизировать тему образования, потребовав, чтобы студентам, отправляющимся на учебу в Европу или США, ставили визы в абхазских или российских паспортах. Они также могут потребовать признания дипломов, выданных сухумскими или цхинвальскими ВУЗами, а также оформления международных договоров между Абхазией и принимающей стороной до начала учебы или заключения меморандумов между ВУЗами Абхазии и принимающими высшими учебными заведениями. Естественно, такие условия будут абсолютно неприемлемыми для Грузии и, соответственно, в этом случае абхазская и осетинская молодежь не сможет получить образование за границей.

Точно так же официальный Тбилиси может политизировать тему образования, настояв на регистрации всех абхазских и осетинских документов в министерстве образования в Тбилиси, на обучении абхазов и осетин за границей по квотам Грузии, а также их выезде за границу только по грузинским паспортам или, в крайнем случае, по статус-нейтральным проездным документам. Естественно, такой подход будет неприемлемым для Цхинвали и Сухуми. Не исключено, что когда-нибудь этот подход сработает, и абхазы и осетины выполнят требования Грузии. Очень надеюсь, что так и будет. Хотя очевидно, что на данном этапе выхода нет. Соответственно, важно найти способ внедрить западное образование в Абхазии без политизации данного вопроса.

Полагаем, что образование – это тема, в которой совсем необязательно применять вышеупомянутый подход. Необязательно и политизировать эту тему. Политизация не поможет ни одной стороне добиться желаемого для нее результата.

Так как же задействовать тему образования таким образом, чтобы не пересекать «красной черты» ни одной из сторон?

В первую очередь, для обучения абхазов и осетин за границей необходимо решить проблему проездных документов. Это вполне возможно сделать таким образом, чтобы: а) сторона, принимающая студентов – абхазов и осетин – выдавала им независимые проездные документы, так называемые «лессе-пассе», срок действия которых определяется сроком учебы; или б) сторона, принимающая студентов – абхазов и осетин, выдавала им визы в российские паспорта без штампа; такие примеры в мире уже существуют, в том числе и в случае тех же абхазов и осетин. В любом случае, этот вопрос важен только для выезда студентов на первом этапе, поскольку после прибытия принимающая страна, как правило, выдает студентам свидетельство о проживании или эквивалентный документ, что вообще снимает вопрос о проездном документе с повестки дня.

Второй вопрос касается признания документов, подтверждающих полученное студентами образование. Этот вопрос тоже можно решить. Во-первых, этот вопрос может быть урегулирован политическим решением. В частности, любая страна может принять политическое решение и допустить любого гражданина, независимо от характера его диплома, к учебе в авторизированных ВУЗах страны или в аккредитованных образовательных программах. Конечно, это будет невозможно без вмешательства Тбилиси. Если Тбилиси решит сделать такой политический шаг и попросит европейские государства принять студентов-абхазов и осетин без признания их дипломов, с большой вероятностью можно сказать, что многие европейские страны примут абхазов и осетин независимо от того, какие у них дипломы. Другой способ урегулировать этот вопрос заключается в создании центров переподготовки в нескольких университетах Европы, где ежегодно 20-30 абхазов и осетин смогут пройти переподготовку до продолжения учебы в Европе. После такого повышения квалификации европейским ВУЗам будет легче принять этих студентов. Существует и альтернативная развязка этой проблемы, связанной с признанием грузинским правительством абхазских и осетинских дипломов. Сегодня грузинское правительство признает эти документы в тех случаях, когда абхазские и осетинские студенты желают продолжить учебу в Грузии, хотя у грузинского правительства возникнет юридическая и моральная проблема в плане предоставления этим документам международного признания. В любом случае, этот вопрос требует более глубокого юридического анализа. Можно пойти и на такой шаг, если с позиций международного права он не будет воспринят как признание суверенитета Абхазии в образовательной сфере.

Третий вопрос – это юридическая база, на основе которой западные университеты предоставят абхазским и осетинским студентам возможность получить образование. Естественно, абхазские и осетинские университеты не будут включены в Болонский процесс, поскольку это возможно только через Грузию. Аналогично ни Евросоюз, ни какая-либо страна не смогут найти специфические юридические рамки в обход Грузии. Соответственно, остается два пути – либо Сухуми и Цхинвали должны признать, что участие в образовательном пространстве Европы возможно только через Тбилиси (что, как мы хорошо понимаем, не произойдет, по крайней мере, на данном этапе), либо абхазские и осетинские студенты должны быть приняты без каких-либо юридических оснований, двухсторонних соглашений или меморандумов между ВУЗаами.

Хочу еще раз подчеркнуть, что такой подход сработает только при наличии у Тбилиси и Сухуми достаточного уровня доверия друг к другу и к Москве, чтобы исключить использование подобных шагов против интересов друг друга. Москва может легко злоупотребить этим жестом доброй воли – Абхазии достаточно просто использовать такие образовательные возможности для установления политических контактов или упрочения своего суверенитета, хотя бы подписанием какого-либо международного документа, и Грузии не останется иного выхода, кроме сопротивления таким попыткам и продолжения жесткой политики непризнания. А то что Грузия может вести вполне эффективную политику непризнания, история уже показала.

Примеры статус-нейтрального подхода в грузино-российских отношениях

Статус-нейтральный подход часто используется для урегулирования болезненных вопросов в международных отношениях. Нет ни одного конфликта, в котором этот подход не использовался на том или ином этапе. За последние годы в отношениях между Грузией и Россией также встречались вопросы, урегулированные при помощи статус-нейтрального подхода или хотя бы частично включавшие в себя статус-нейтральный компонент.

Создание формата Женевских дискуссий. Женевские международные дискуссии как таковые не являются статус-нейтральным форматом. В их основе лежит договор о прекращении огня между Грузией и Россией от 12 августа. Соответственно, этот формат используется Грузией и Россией для обеспечения безопасности и стабильности в Цхинвальском регионе и Абхазии, а также для возвращения беженцев и насильственно перемещенных лиц. Так называемая «процедурная нота», которая положила начало Женевским дискуссиям, и легла в основу процедур, определивших этот формат. Она гласит, что переговоры должны проходить на нескольких уровнях – на пленарном уровне (участники: Грузия, Россия, США, Евросоюз, ООН, ОБСЕ) и на уровне рабочих групп (вышеупомянутые участники плюс представители от Абхазии и Южной Осетии, что звучит туманно и оставляет возможность для того, чтобы интерпретировать этих представителей как представителей легитимного правительства). Пленарный формат на данном этапе не работает, поскольку Россия не желает диалога с Грузией, которая признает ее стороной в конфликте. Соответственно, единственный формат, который в настоящее время работает в рамках Женевских переговоров – это формат совещаний рабочих групп. Этот формат является статус-нейтральным в классическом понимании. В нем участники представляют только себя, а не страны, города и столицы. У них нет нагрудных табличек с указанием фамилии или страны, соответственно, они не уполномочены что-либо подписывать. В таком формате прошло 25 раундов Женевских переговоров и несмотря на отсутствие фундаментального прорыва переговоры продолжают и формат существует.

Создание механизма по предотвращению и реагированию на инциденты. В феврале 2009 года участники Женевских переговоров создали механизм по предотвращению и реагированию на инциденты. В документе о создании этого механизма отмечается, что в него должны быть вовлечены «представители структур, ответственных за обеспечение безопасности и общественного порядка на соответствующих территориях», и представители международных организаций. Эта формулировка также нейтральна в отношении статуса – в ней не указывается, представителями какой страны, территориальной единицы или города являются соответствующие структуры. Несмотря на это, механизм работает, в нем участвуют представители соответствующих ведомств России и Грузии, а также сотрудники соответствующих ведомств Цхинвали и Сухуми и структур де-юре правительства в изгнании. Одним словом, в основе механизма по предотвращению и реагированию на инциденты лежит принцип статус-нейтральности.

Договоренность между Россией и Грузией по вступлению России во Всемирную торговую организацию. Известно, что зеленый свет членству России в ВТО дал двухсторонний до-

говор между Грузией и Россией, обусловивший международное наблюдение над торговлей, осуществляемой между этими двумя странами, в том числе и с оккупированными территориями. Несмотря на это в тексте договора не упомянуты ни оккупированные территории, ни Абхазия или Цхинвальский регион отдельно. В основу этого договора лег статус-нейтральный подход. В частности, швейцарская сторона определила торговые коридоры, что дало сторонам возможность деликатно обойти стороной географическую терминологию. Соответственно, вместо таких названий, как Рокский перевал, Псоу или наименований контрольно-пропускных пунктов появились географические координаты. В конечном итоге соглашение оказалось приемлемым для обеих сторон, поскольку Россия вошла в ВТО, а Грузия получила возможность обеспечить международное наблюдение над процессом торговли с Цхинвальским регионом и с Абхазией, а также обрела инструменты против России на тот случай, если Россия вновь применит эмбарго в отношении Грузии.

Обязательство о неприменении Грузией силы. В 2010 году президент Грузии в одностороннем порядке взял на себя обязательство не применять силу для восстановления территориальной целостности. Он не только озвучил это обязательство 23 ноября, выступая перед Европарламентом, но и отразил его в письмах, разосланных руководителям всех международных организаций, участвующих в Женевских переговорах, а также президенту США. Несмотря на то, что в содержании этих писем однозначно определено отношение к статусу, форма, в которой президент взял на себя это обязательство, однозначно нейтральна по отношению к статусу. В частности, Грузия взяла на себя это обязательство в форме односторонней декларации, а не в двухстороннем порядке, путем подписания международного соглашения, оформления меморандума, юридического или политического документа иного типа с Цхинвали и Сухуми (которые обязательно имели бы связанные со статусом последствия). Следует отметить, что это обязательство было положительно воспринято в Москве, а также в Цхинвали и Сухуми. Между прочим, аналогичные обязательства взяли на себя и представители Сухуми и Цхинвали. Правда, Грузия не признает международную правовую силу этих заявлений (односторонние заявления принимают только государства), однако в рамках Женевских переговоров грузинская делегация открыто зафиксировала позитивное отношение к этому вопросу. Единственная сторона, которая еще не взяла на себя обязательство о неприменении силы, это Россия. Хотя на 21-м раунде Женевских переговоров началась работа над документом о неприменении силы и, если эта работа продолжится в правильном направлении, Россия сможет взять на себя аналогичное международное обязательство, проявив статус-нейтральное отношение к этому вопросу.

Следует отметить однозначно положительное отношение международного сообщества к статус-нейтральному подходу. Во всех вышеупомянутых случаях международное сообщество поддерживало этот подход, поскольку он позволял достичь прагматичных результатов. Более того, страны, которые фундаментально поддерживают территориальную целостность Грузии и не собираются пересматривать свое отношение, полагают, что в статус-нейтральном подходе может быть скрыт ключ к трансформации конфликта. Следует отметить, что в 2009 году, с целью восстановления миссии ОБСЕ в Грузии, международное сообщество само разработало статус-нейтральное предложение по пребыванию миссии ОБСЕ. Это произошло в период греческого председательства в ОБСЕ. Тогда был разработан проект возвращения миссии ОБСЕ в Грузию, который был однозначно оценен как «статус-нейтральный». В период президентства Саакашвили грузинское правительство заложило нейтральность в отношении статуса в основу государственной стратегии и плана действий в отношении оккупированных территорий. Все слышали о статус-нейтральных проездных документах и удостоверениях личности, а также о «лиазон»-механизме и инвестиционном фонде. Это как раз те варианты, которые возможно реализовать только при сохранении нейтралитета в отношении статуса. Государственный министр по примирению и гражданскому равенству Паата Закареишвили неоднократно заявлял о своем намерении продолжить исполнение стратегии и плана действий. В таком случае есть шанс, что статус-нейтральность сохранится и в будущих отношениях между Тбилиси и Сухуми, Тбилиси и Цхинвали и, что главное, между Тбилиси и Москвой.

Выводы

Конечно мы понимаем, что проблема территориальной целостности Грузии не будет решена в ближайшем будущем. Нет у нас и иллюзий насчет того, что Россия выполнит условия соглашения от 12 августа, выведет войска, отменит признание независимости и что без восстановления территориальной целостности Грузии возможно будет урегулировать конфликт

таким образом, чтобы удовлетворить интересы абсолютного большинства жителей Грузии, в том числе сотен тысяч беженцев. Данная статья не ставит целью наметить и отстаивать какой-либо путь к решению конфликта. Цель статьи – рассмотреть один из подходов, который, на наш взгляд, будет способствовать сближению людей и повысит возможности урегулирования конфликта в среднесрочной перспективе. Используя язык теории урегулирования конфликтов, такой подход позволит «увеличить пирог», чтобы удовлетворить большее количество людей.

Полагаем, что одним из эффективных путей решения конфликта может быть его превращение в нерелевантное явление, то есть создание ситуации, в которой отношения между людьми будут настолько тесными и интенсивными, что политический конфликт будет мешать всем, кроме питающейся за его счет политической элиты. Статус-нейтральный подход, на наш взгляд, ускорит такую трансформацию конфликта.

СПОРНЫЕ ТЕМЫ И ВОПРОСЫ СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Вадим Муханов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России.

Резюме.

В данном материале предпринята попытка определения степени влияния исторического прошлого на современное состояние двусторонних отношений, выделены узловые точки бифуркаций и рассмотрены возможности использования этого направления для нормализации российско-грузинских отношений.

В текущий период двусторонних отношений, который можно охарактеризовать как непростой, крайне востребована позитивная повестка, окончательно утраченная за последние пять лет. В 2013 г. у двух стран возникло давно ожидаемое «окно возможностей» для нормализации отношений и их постепенного улучшения. Тем более, что существует большой общественный запрос на это как в Грузии, так и в России.

Процесс нормализации пошел по нарастающей с конца 2012 г. Ряд позитивных шагов уже сделан, и обсуждение опять подходит к тем «красным линиям», которые трудно переступить на сегодняшний момент. Необходимо искать те направления и концепты, которые, не обостряя и без того непростые отношения, помогли бы зафиксировать позитив, достигнутый за последний год, и развить его. Возникшая пауза, вполне вероятно, может привести и к обратному эффекту...

Признаем, что весьма заметным, если хотите чувствительным фоном современных российско-грузинских отношений представляется исторический, тем более, что совместная история России и Грузии насчитывает не одно столетие. Здесь сказываются как перегибы советской исторической науки и других гуманитарных направлений, так и современные «войны исторической памяти», которые всюду бушуют на постсоветском пространстве, не исключая и кавказский регион.

При этом отметим два аспекта незадействованного исторического прошлого: во-первых, это серьезный и огромный ресурс, практически не используемый в процессе нормализации, именно оттуда можно черпать позитивную информацию, которая способна заставить по-другому посмотреть на соседа; во-вторых, применение этого знания и, следовательно, активизация гуманитарного дискурса не угрожает возможным обострением, а, наоборот, способно сгладить острые углы в двусторонних отношениях, в отличие от некоторых тем, которые прочно обосновались за «красной линией».

Необходимо восстановить формат доверия между российским и грузинским обществом, а это невозможно без снижения взаимной враждебной риторики, активизации культурного и гуманитарного сотрудничества. Тем более, что направлений сближения хватает, остается только их использовать: это и одна конфессия, и взаимопроникновение культур, и тесно переплетенное совместное прошлое. Многие исторические персоналии до сих пор пользуются уважением обществ двух стран и предметом дискуссий по поводу своей принадлежности, яркие примеры – царь Вахтанг или генерал Петр Багратион, а также выдающиеся грузинские деятели, которые в разные периоды истории работали на российско-грузинское сближение и военно-политический альянс.

В дополнение к тяжелой ситуации на протяжении достаточно долгого времени идет накручивание населения образом врага, постоянно идет своеобразная накачка определенной интерпретацией прошлого, что только увеличивает пропасть между соседними странами и их населением. Такая проблема тоже существует, и об этом говорят некоторые эксперты как из России, так и из Грузии. Например, Гулбаат Рцхиладзе и Георгий Векуа еще в 2010 г. отмечали, что «суть проблемы в том, что образ врага – в виде сопредельной России – внедряется и целенаправленно культивируется в Грузии вот уже 20 лет».¹

Подчеркнем, что сознательная политика по культивированию образа врага велась на протяжении последних лет и очевидно, что она не способствует нормализации двусторонних

1 Рцхиладзе Г., Векуа Г. Россия – Грузия: что происходит? Тб., 2010. С. 2.

отношений, скорее наоборот, всячески препятствует и осложняет любую позитивную деятельность, направленную на сближение позиций России и Грузии. Таким образом, специально отобранный исторический багаж представляется одним из реальных препятствий в деле урегулирования конфликтов на Кавказе. Помимо российско-грузинских противоречий это касается и грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов.

В настоящее время все позитивные итоги пребывания грузинских земель в составе двух империй – российской и советской – подвергаются в Грузии сомнению и даже отрицанию. Все точки бифуркаций в период совместной истории пересмотрены, произошла определенная ревизия прошлого, новые оценки и определенная терминология стали незамедлительно включаться в принимавший иногда достаточно грубые формы политический дискурс между странами.

В первую очередь полюбившийся термин «оккупация» теперь применяется в Грузии к различным периодам прошлого, начиная с XIX столетия и заканчивая текущим десятилетием. Кроме того, с подачи как российских, так и грузинских властей, сильно обесценился термин «геноцид», периодически используемый в общественно-политическом дискурсе.

Перейдем теперь к тем узловым периодам и датам, на которые обращено внимание как грузинской, так и российской общественности и где за последние два десятилетия резко изменены оценки и интерпретации, принятые ранее в научной среде.

1) Первая четверть XVIII в. – начальный период проникновения России на Кавказ, связанный с активной политикой Петра Великого. Особое внимание здесь обращается на Персидский поход императора и его контакты с закавказскими правителями, в первую очередь, с царем Картли Вахтангом VI. Забегая вперед, скажем, что сейчас это один из наиболее обсуждаемых персонажей из истории двусторонних отношений, по причине его позднейшей эмиграции в империю (во главе более чем тысячной свиты) и фактическому нахождению на российской дипломатической службе.

Ключевой дискурс здесь – это взаимоотношения Петра и Вахтанга. С одной стороны, говорится о гениальности Петра в свете открытия им кавказского направления российской политики, а с другой – подчеркивается тот факт, что он так и не соединился с закавказскими властителями, в том числе и с Вахтангом, который, потеряв свое царство, вскоре был вынужден бежать в Россию. Отметим совершенно различные интерпретации этого периода в российской и грузинской историографии.

2) Вторая половина XVIII века – это период, связанный с деятельностью таких неординарных правителей, как Екатерина II и Ираклий II. Сюда входят и контакты между сторонами, начавшиеся в 60-е гг. и продолжавшиеся в ходе русско-турецкой войны, когда при российском посредничестве был налажен военный союз царя Картли-Кахетии Ираклия и царя Имеретии Соломона, закончившийся заключением эпохального Георгиевского трактата в 1783 г. Кстати, 230-летний юбилей данного соглашения стал одним из поводов обсуждения двусторонних отношений в текущем году. Отметим, что несмотря на юбилей вспоминали о трактате не часто, он не стал предметом какого-либо специального проекта или издания ни в России, ни в Грузии (на сегодняшний день единственный академический проект в России подобной тематики все еще находится на подготовительном этапе и выйдет в свет не ранее середины 2014 г.).

Весьма неоднозначно воспринимается период уже тесного взаимодействия, в результате которого был подписан столь важный документ, кстати, оцениваемый сегодня тоже весьма неоднозначно. В Грузии, говоря о трактате, часто переходят на трагические для грузинских земель 90-е гг., апофеозом которых стало кровавое нашествие персидского владыки Ага Мухаммеда. Разорение Тифлиса дает повод многим говорить о якобы «предательстве» России, которая бросила слабого грузинского царя один на один с завоевателем. При этом забывается о весьма знаковом походе князя В. Зубова, после известия о начале которого персидский хан стремительно ушел из Закавказья. В свою очередь в России во главу угла ставятся не трактат и обязательства сторон, а двойственность политики самого царя Картли-Кахетии Ираклия, который через несколько лет после подписания договора в Георгиевске заключил соглашение с ахалцихским пашой (с одобрения Стамбула).

Отметим, что в современном общественно-политическом дискурсе дается крайне односторонняя оценка трактата и тогдашней обстановки в регионе, и практически не используются документы тех лет, которые могли бы показать просьбы и пожелания, содержащиеся в посланиях из Тифлиса. Обратим внимание на то, что грузинская сторона почти не вспоминает о весьма показательной переписке как с Петербургом, так и с грузинскими посланцами туда (крайне

важный источник, демонстрирующий большую заинтересованность Тифлиса в протекторате, военно-политической и финансовой помощи Петербурга).

Показательно, что в значительной степени такой стиль общения с Петербургом был сохранен и при преемнике Ираклия в конце века и привел, в числе прочего, к присоединению Картли-Кахетинского царства к России в 1801 г.

3) Рубежный период, т.е. конец XVIII – начало XIX вв., который является поворотным в истории двусторонних отношений, т.к. именно тогда и произошел процесс присоединения грузинских земель к Российской империи. Сотни копий сломаны вокруг вопроса присоединения Картли-Кахетии и других грузинских территорий к империи. К настоящему времени сложились две крайние позиции, на которых стоят российские и грузинские историки. С одной стороны, в России, по словам известного грузинского юриста Зураба Авалова, следуют «прекрасной традиции «добровольного» присоединения Грузии», а, с другой, под влиянием политической конъюнктуры сложилось представление о вхождении Грузии в состав России, как об оккупации и завоевании. При этом за скобками зачастую оставляют самое главное – смысловое содержание этого процесса (Авалов, подвергая сомнению тезис о добровольности тем не менее подчеркивал, что «традиция эта правильна в том смысле, что Грузия веками искала сближения с Россией и желала тесной политической связи с Империей»).

В качестве примера диаметрально различающихся оценок процесса присоединения и его последствий можно привести даже последние статьи, вышедшие в России и Грузии – статью профессора ТГУ Отара Джанелидзе² и фактически ответный материал российского историка Михаила Волхонского.³

4) Российская политика в Закавказье (первая половина XIX столетия), приведшая к объединению грузинских земель, очертания которых мы можем наблюдать и сегодня, является еще одной дискуссионной темой. К сожалению, не стали предметом серьезного, но нужного обсуждения темы взаимоотношений российских властей и местной элиты, успешной интеграции последней в местный бюрократический и военный аппарат. Это бы прекратило инсинуации о, якобы ущемленном, положении грузинской знати и общества в составе империи, а, наоборот, продемонстрировало бы весьма льготное положение. Документы и свидетельства того времени позволяют сделать весьма однозначный вывод о высоком уровне доверия к грузинской элите, что выражалось в достаточно мягком отношении местной администрации к различным выходкам ее представителей.

Наиболее яркий пример, который сейчас практически не используется, это известный заговор 1832 г. и его последствия. Молодые представители знатных грузинских фамилий, фактически участвовавшие в государственном мятеже, получили в итоге весьма мягкие приговоры (ссылки, многих даже вернули досрочно, скосив сроки). Через несколько лет они не просто возвращены на родину, но и были уже приняты на государственную службу, как военную, так и гражданскую. Показательно, что некоторые участники заговора превратились в верных подданных российской короны и достигли впоследствии высших постов в Кавказском наместничестве (например, князь Григорий Орбелиани, Дмитрий Кипиани и др.).

Это событийная канва особенно выразительно смотрится в сравнении с аналогичными событиями, происходившими тогда в империи, а главное, с их последствиями. Напомним, что в этот же временной промежуток попадает восстание декабристов и польский мятеж. Показательно, что они в отличие от 1832 г. были жестоко подавлены, и власти крайне жестоко обошлись практически со всеми участниками этих выступлений. Грузинская фронда, наоборот, не пострадала и отделалась достаточно легко.

Огромное количество грузинских знатных фамилий, в том числе и княжеских, безболезненно влилось в российское элитарное сословие – дворянство – и чувствовало себя полноправными гражданами империи. Именно в этот период многие ее представители с русскими паспортами впервые попали в Европу.

Хронологически дополняют этот период события, которые либо прямо вытекают из него, либо логически с ним связаны. Речь идет о завершающем этапе объединения грузинских земель под российской короной, а также об окончательном присоединении Северного Кавказа в результате Кавказской войны, массовой миграции населения региона (вошедшего в историю под названием «кавказское мухаджирство») и последовавшего за ней переселе-

2 Джанелидзе О. Завоевание или добровольное присоединение? // Некоторые вопросы грузино-российских взаимоотношений в современной историографии. Тб., 2011.

3 Волхонский М.А. Принцип реал-политик в российско-грузинских отношениях XVI – начала XIX вв. // Кавказский сборник. Т. 7 (39). М., 2011.

ния грузинского (в основном, мегрельского) крестьянства. Подчеркнем, что все это зависящие друг от друга вопросы, однако единую причинно-следственную связь в настоящее время никто не выстраивает.

Более того, тема Кавказской войны и последовавшего за ней массового мухаджирства приняли в последние годы в Грузии совершенно иной окрас, который и используется в определенных действиях, отчасти напоминая даже провокацию. Именно так можно охарактеризовать необычайную активность грузинских официальных властей по раскручиванию черкесского вопроса, в первую очередь, т.н. «черкесского геноцида», якобы совершенного российской стороной. При этом практически не освещается участие грузинской элиты и грузинских частей в войне с северокавказскими горцами, ранее часто беспокоившими земли Картли-Кахетии и других царств. Кроме того, современные контакты с северокавказской научной интеллигенцией поставили крест на обсуждение такой болезненной темы, как политика Шамиля в отношении грузинских земель.

Подчеркнем, что итоги Кавказской войны и последующих военных действий в регионе также редко призываются для публичного обсуждения в нынешней Грузии, в первую очередь, массовую эмиграцию абхазского населения в Турцию в 1860-х – 1880-х гг. и значительную миграцию на освобожденные земли мегрельского крестьянства.

5) Выход Закавказья в независимое плавание 1917-1918 гг., российско-советско-грузинские отношения в период революционных бурь и Гражданской войны 1917-1921 гг. Тема, которая до сих пор вызывает широкий отклик в двух странах. Особенно остро она воспринимается в Грузии, где подпитывается как пропагандой, так и банальным незнанием фактов и событийной канвы. Снова можно признать, что данный непростой исторический период имеет совершенно различные оценки и интерпретации, регулярно выносимые в общественно-политический дискурс. По-разному оцениваются ситуация в регионе в период Гражданской войны, советско-грузинский договор 1920 г. и его последствия, а также Московский договор 1921 г. с кемалистской Турцией, фактически завершивший “смутное время” на Кавказе.

Тем не менее этот период и связанные с ним темы крайне важны и актуальны в настоящее время как в процессе анализа развития двусторонних отношений, так и в свете завязывания грузино-абхазских и грузино-осетинских противоречий, которые ярко проявились именно в той исторической эпохе.

Вслед за этим идет советский период, находящийся под шквалом критики в Грузии (в качестве яркого примера можно привести Музей советской оккупации), плюс современный период, в который углубляться не надо, все лежит на поверхности...

Таким образом, практически каждый период из трехсотлетнего активного взаимодействия вызывает непрекращающуюся дискуссию и рождает зачастую диаметрально противоположные оценки и интерпретации. Такое расхождение, никак не связанное с академическим знанием, а базирующееся исключительно на изменении политической конъюнктуры, не способствует нормализации двусторонних отношений, а скорее, наоборот, подпитывает и без того мощный конфликтный потенциал в российско-грузинских коммуникациях.

Определенные исторические сюжеты и целые сюжетные линии накрепко вплетены в современные отношения. Каждая из сторон регулярно озвучивает интерпретации, диаметрально противоположные друг другу. Для сближения представляется весьма полезным публичное и совместное обсуждение этих тем, которое позволит объективнее и спокойнее посмотреть на длительное совместное прошлое...

Например, в нынешней повестке среди прочих обсуждается и достаточно провокационная проблема возвращения в Грузию останков двух грузинских царей – Вахтанга VI и Теймураза II. При этом грузинская общественность и Грузинская патриархия, которая и является инициатором этого процесса, так и не смогли аргументированно объяснить свой выбор и описать возможные последствия подобного шага. Опять-таки сказалась слабая разработка данной темы и отсутствие соответствующей научной литературы и документальной базы. Кроме того, имеющаяся документальная основа позволяет говорить о том, что личности этих царей, особенно Вахтанга, не менее значимы и для российской истории. И на сегодняшний день вопросов по поводу персоналий грузинских царей, их миссиях в России, смерти и последующего захоронения в Астрахани накопилось достаточно. Также непонятно, почему свита царя Теймураза II отказалась везти его тело на родину. Не ясна позиция его сына и наследника Ираклия II, который ни разу за время своего долголетнего правления не поднимал вопрос о переносе тела отца на родину.

Сегодняшние разбирательства даже в подобной области могут привести к непрогнозируемому развитию ситуации и иметь широкий резонанс в обществе. Таким образом, от-

существование научного диалога и, соответственно, результатов академической работы в изучении истории двусторонних отношений оказывает негативное воздействие на развитие нынешних событий.

Для сближения позиций, т.е. перехода к профессиональному обсуждению со снижением эмоционального накала и одновременно крайне желательного ухода от радикальных оценок и пропагандистских клише, необходимо создать простой и привлекательный формат дискуссионной площадки. Одним из вариантов искомого формата может стать российско-грузинская комиссия или группа по сложным вопросам, под крышей которой можно организовать разновекторный экспертный диалог. Аналоги уже существуют и показывают весьма положительный пример – Российско-польская группа по сложным вопросам,⁴ Комиссия по сложным вопросам истории российско-японских отношений. Последняя в настоящее время работает над окончательным вариантом коллективной монографии, которая будет издана в 2014 г. одновременно на двух языках (русском и японском). Российско-польская группа демонстрирует великолепные результаты, которые вселяют оптимизм по поводу ее дальнейшей длительной и успешной работы.⁵

Как раз в подобных рамках можно затеять обсуждение проблемных и острых вопросов с участием профессиональных историков из России и Грузии. В случае достижения позитивных результатов данный экспертный формат можно будет взять за образец и создать аналогичные группы по другим востребованным направлениям (социологи, юристы, политологи и т.п.).

Результаты их обсуждения и совместные работы, отсутствие которых сейчас ощущается, должны быть опубликованы на двух или более языках, что позволит распространить их в двух странах для влияния на общественное мнение. Подчеркнем, что крайне нужным представляется выпуск документальных сборников и совместных работ как монографического характера, так и научно-популярного содержания. Именно подобная деятельность позволит изменить достаточно негативное общественное мнение в двух странах. Тем более, когда существует столь благодатный фактический материал, да еще в таком значительном объеме...

4 Подчеркнем, что это - неформальная структура создана по решению политического руководства двух стран и занимается сложными и спорными вопросами из истории российско-польских отношений. Сопредседателем Группы с российской стороны является ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов, с польской – спецпредставитель - премьер-министр Польши, бывший глава МИД Польши, профессор А.Д. Ротфельд. Как отмечается в официальной справке по этой организации, «Группа работает в тесном контакте с Министерствами иностранных дел России и Польши, в частности, с Третьим Европейским департаментом МИД России и Восточным департаментом МИД Польши. Опорными исследовательскими институтами в деятельности Группы выступают МГИМО (У) МИД России и Польский институт международных дел (PISM)... Группа, руководимая учеными-практиками, ставит своей целью деполитизированное рассмотрение вопросов, которые выносятся на повестку дня. Официальные лица двух стран считают Группу весомым достижением новых российско-польских отношений».

5 Согласно официальной справке, «важнейшей публикацией Группы стала изданная на русском и польском языках книга «Белые пятна, черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» (Москва – Варшава, 2010). Книга построена по «зеркальному» принципу, когда каждая проблема и исторический период освещаются через подходы российских и польских авторов. Книга стала воплощением консенсуса российско-польских отношений XX века и, в частности, была направлена в школьные библиотеки Польши в качестве обязательной методической литературы... Группа стремится к популяризации в общеевропейском масштабе знаний о российско-польских отношениях, процессе снятия разногласий... Сопредседатели Группы инициировали и приняли участие в проведении нескольких международных конференций по достижению исторического согласия в Риме, Париже, Риге, Берлине, Вашингтоне... В 2011 г. в России и Польше по инициативе Группы, поддержанной руководством двух стран, начали действовать российский и польский Центры диалога и согласия – институциональные опоры двустороннего экспертного и общественного диалога».